

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ НАУКИ

Ежегодный сборник научных статей

Воронеж 2015

Печатается по решению Ученого совета
факультета журналистики ВГУ

С о с т а в и т е л ь:
доктор филологических наук В.В. Тулупов

Современные проблемы журналистской науки. – Воронеж :
Факультет журналистики ВГУ, 2015. – 154 с.

В сборнике представлены научные статьи ведущих российских исследователей журналистики (в авторской редакции).

© Факультет
журналистики
Воронежского
государственного
университета,
2015

Тематическое своеобразие «Новгородских губернских ведомостей» XIX-XX вв.

Рубрикация, обусловленная программными требованиями, и ее развитие

«Чрезвычайные происшествия по Новгородской губернии» возникают как пункт Прибавлений к № 2 Ведомостей за 1840 год. С Прибавлений к № 6 того же года эти сообщения становятся регулярными (но не еженедельными). Сведения для публикаций доставлялись уездными урядниками через станových приставов в губернское правление. В законе об издании «Губернских ведомостей» предполагался пункт о публикации сведений «о чрезвычайных явлениях и происшествиях по губернии». Видимо, такие полицейские сводки и удовлетворяли правительственной программе. Частые пожары с погибшими, жестокие убийства в среде крестьян и мещан, – все это своей «чрезвычайностью» отличалось от повседневности и, безусловно, заменяло еженедельные и ежедневные новости из культурной, политической, международной жизни, которыми были полны центральные издания. Этот интерес публики к сообщениям о криминальных происшествиях и катастрофах с перемкнутой тщательностью будет поддерживаться на протяжении всего издания Новгородских Губернских Ведомостей. Панорама от частной случайной судьбы («В Крестецком уезде, Рядовой Гренадерского полка Эрц-Герцога Франца Карла полка, Аполлон Егоров, сходя с лестницы, оступился и расшиб себе голову, от чего вскоре умер»¹) до целых выгоревших деревень находилась в поле зрения полицейских чиновников, а через губернские ведомости удовлетворяла общественную потребность в обновляющейся информации.

¹Прибавления к № 2 «Новгородских губернских ведомостей». 1840. 13 января.

Программные обязательства по размещению «чрезвычайных происшествий» в губернских ведомостях могли быть использованы и в коммерческих интересах. С пометкой «сообщено» можно прочитать динамичное, эмоциональное описание пожара в Новгороде. Автор указывает и владельца дома – штабс-капитана Степанова, и причину пожара – «неосторожность людей, принадлежащих одному из квартировавших в том доме, возвратившихся поздно вечером». Но важнее всего сочувственно и как бы по случаю приведенный совет: «Нельзя при сем случае не сказать, сколь благодетельное посредство предлагает Страхование Общество (частное «Второе Российское от огня страховое общество». – С. К.), и нельзя не пожалеть о тех домохозяевах, которые не заботятся застраховывать свои строения, чем самым, за малые проценты, предохранили бы себя от разорения и не имели бы причин в последствии раскаиваться за свою небрежность. <...> Можно вполне посоветовать эту меру и всем домохозяевам в Губернских и уездных городах, а также в уездах владельцам, имеющим большие дома и значительные хозяйственные заведения»². Происшествие случилось еще 10 декабря, но податели этого известия не стремились к оперативности (что часто вписывалось в редакционную медлительность, так как многие события освещались на страницах ведомостей недели спустя). Очевидно, что автор – профессионал, обладавший определенными навыками журналистского и рекламного воздействия на читателя. Он пользуется самыми эффектными приемами для того, чтобы внушить читателям выгоду предлагаемой услуги. Подкрепление мысли о том, что можно сохранить свое имущество с помощью страхования, приводится с упоминанием Москвы, Санкт-Петербурга и Англии и Франции, где эта «полезная мера» принесла выгоды.

Авторский вклад в хронике или «мемориал» происшествий внес и редактор. Представляется закономерным, что, делая «Выписку из мемориала происшествий Новгородской Губернии 1841 года», он пишет именно о погоде: «В нынешнем лете, особенно жарком, каков у нас был весь Июнь месяц, от больших,

²Прибавления к № 2 «Новгородских губернских ведомостей». 1841. 11 января.

частых гроз и упавшего в разных местах Новгородской Губернии града, случаи пораженных громом в нашей Губернии были многочисленны, равно оказались преждевременными и некоторые поля с хлебом»³. И действительно, несколько лет подряд продолжавшееся ненастное лето глубоко волновало не только помещиков и земледельцев, но и обывателей. Повышение цен на продовольствие, как следствие неурожая, для многих было сравнимо с «чрезвычайным происшествием». Публицистов среди корреспондентов и редакторов «Новгородских губернских ведомостей», однако, и эта проблема не выдвинула.

К началу 1850-х годов «Новгородские губернские ведомости» имели десятилетний опыт непрерывного еженедельного издания неофициальной части, редактор которой накопил достаточный руководящий и творческий потенциал. Деятельность редакции была направлена на создание и поддержку качественного местного периодического издания, используя возможности самой губернии. В рамках предложенной правительством программы губернские ведомости имели персональный круг тем и жанров, рассчитанных на знакомую местную аудиторию. И лидирующую роль в репертуарной политике и качестве публикаций теперь занимала личность редактора, благодаря которой формировалась иерархия событий, сообщаемых губернскими ведомостями читателям. Помимо дайджеста центральных изданий, содержащего статьи с полезными сельскохозяйственными, медицинскими, образовательными и другими просветительскими советами, а также отчетов, губернские ведомости осознанно и системно формируют пласт местной тематической журналистики и авторскую, общественную позицию редактора. Период с 1853 по 1862 год отмечен деятельностью двух редакторов, при которых разными средствами неофициальная часть «Новгородских губернских ведомостей» пришла к расцвету как тип периодического издания.

Можно предположить, что отчасти такие проявления связаны со сменой власти (за этот период сменилось три губернатора). Несмотря на то, что к этому времени за благонадежность

³Прибавления к № 30 «Новгородских губернских ведомостей». 1841. 26 июля.

выпуска отвечал уже вице-губернатор (он и подписывал цензурованные экземпляры), именно деятельность губернатора проявлялась в событиях, которые находили отражение на страницах губернских ведомостей. Уже было отмечено, что назначение на должность губернатора Ф. А. Бурачкова можно связать с проведением благотворительного концерта в пользу организации детского приюта. Отчет об этом концерте был не просто помещен на первой странице неофициальной части, но еще и графически обозначен с целью привлечь внимание.

С 1852 года в конце прибавлений вместо хроники происшествий публикуются «Метеорологические наблюдения, производимые при Губернской Гимназии» за прошедшую неделю. Иногда они сопровождались развернутыми комментариями старшего учителя И. В. Лесневского и вызывали естественнонаучный интерес, обусловленный высоким уровнем исследовательско-просветительской деятельности главного учебного заведения губернии. Поскольку именно должность старшего учителя позволяла стать редактором «Губернских ведомостей», то можно сделать предположение, что примерно с 1852 года по 1857 этот пост занимал Лесневский.

Изредка появлялись небольшие сообщения, отмечавшие любопытные события из жизни новгородских мещан и крестьян – случаи «удивительного» рождения (дети с патологическими уродствами), проявления мужества при тушении пожаров и спасении ближних и пр. Избирательность фактов для этих сообщений могла бы составить целый пласт «желтого» направления губернских ведомостей. Однако сочувственный, одобрительный или нейтральный (отчетный) пафос этих сообщений свидетельствует о том, что журналистский интерес редакции «Новгородских губернских ведомостей» к таким событиям не выходит за рамки этических и моральных норм. Нередко автор пытается извлечь из своего рассказа мораль.

Например, материал под заголовком «Долговечность» (вероятнее всего составлен редактором) практически бесстрастно сообщает о смерти вдовы отставного солдата Авдотьи Ивановой-Челнаковвой на 102 году от рождения. С аккуратностью

автор сообщает, что «Челнакова была один раз замужем, и имела пять детей; четыре из них умерли малютками, последний же сын и ныне жив, ему теперь сорок два года. Челнакова, по смерти мужа, находилась на попечении у своего сына до 1846 года, в этом году сын был призван на службу, почему, не имея где приютить свою мать, поместил ее в заведение Новгородского Приказа Общественного Призрения». Эта ситуация вполне обыкновенная для того времени, однако героиня сообщения «до самой смерти сохранила совершенно свежую память и зрение; даже занималась работами; бодрость оставила ее только на последнем году жизни». Этим самым всем читателям дается понять, что развитая система общественного призрения в Новгороде дополняется и благородным сознанием среди низших слоев общества. Уважительное отношение и восхищение ее силой и работоспособностью со стороны автора также заслуживает общественного внимания. В заключение журналист приводит факт, который и послужил причиной публикации такого своеобразного некролога мало известной женщины. «В заведении, где находилась Авдотья Иванова, по утрам призреваемым дается булка, которую Челнакова не могла никогда съесть (снова мы сталкиваемся с комментарием, которым журналист показывает положительную ситуацию, контролируемую властями и жертвователями. – С. К.), по чему и продавала. 1-го Января сего года, в день смерти, Челнакова тоже получила булку, которую, по обыкновению, продала; но покупатель – старик, призреваемый в заведении, не додал ей копейки. Старуха, лежа на кровати под бременем 102 лет, тотчас заметила это и потребовала недоданных ей денег»⁴. Помещенный в самом конце статьи, этот забавный анекдот показывает особенности авторского мышления. Журналист не делает выводов из приведенного рассказа, но акцентирует внимание на чертах характера героини. Новостная заметка приобретает черты очерка в духе натуральной школы. Не только события, но и люди становятся объектами журналистского интереса помимо криминальных сводок.

⁴Новгородские губернские ведомости. 1853. № 9. 28 февраля.

Кроме того, до 1857 года качественные изменения в рубрикации заключались в единичных неординарных случаях и временных колебаниях наличия или отсутствия справочной информации в конце неофициальной части. Важно отметить, что редакционное извещение, помещаемое обычно в последних номерах издания за год, изменило сложившейся традиции. В нем подробно постатейно была указана программа неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» на 1854 год, включающая следующие двенадцать пунктов:

I Отдел. *Местная хроника*. О всех событиях в Новгороде примечательных по чему либо для города, или имеющих влияние на жизнь общественную; о погоде, театре, торжествах, гулябцах и проч.

II Отдел. *Вести из уездов Новгородской губернии*. События случившиеся в губернии и пр.

III Отдел. *Вести из столиц и соседних губерний*. Сюда войдут известия о тех событиях, кои имеют значение для целой России (как-то: подвиг Марина, открытие памятника Жуковскому, пещеры повья в Киеве и пр.), о выходе в свет замечательных Русских книг и пр.

IV Отдел. *Хозяйственные сведения*. О произрастении хлеба и трав в губернии; цены на хлеб и прочие припасы.

V Отдел. *Статистические сведения*. О ярмарках в губернии; о торговой навигации в губернии, о вывозе из Новгородской губернии хлеба и скота в С. Петербург, статистика казенных лесов и проч.

VI Отдел. *Древности Новгородские*.

VII Отдел. *Учено-Литературное*.

VIII Отдел. *Библиографические известия*.

IX Отдел. *Частные объявления*.

X Отдел. *Местный календарь*.

XI Отдел. *Метеорологические наблюдения*.

XII Отдел. *О приехавших и выехавших из Новгорода*⁵.

Возможно, эта программа была сознательным намерением графически закрепить достигнутое тематическое разнообразие,

⁵Новгородские губернские ведомости. 1853. № 51. 19 декабря.

согласованное с новым губернатором Т. И. Москвиным, чтобы редакция, по-прежнему «не выходя из предписанных ей пределов», могла привести губернские ведомости в соответствие с внешним видом многочисленных периодических изданий, программы которых регулярно и обильно публиковались на страницах издания. Но на деле таких кардинальных преобразований не произошло. Из нововведений – «Календарь» церковных праздников и почитаний святых, дней рождений высоких особ с указанием на постные и не присутственные дни, который, по видимому, соответствовал 10-му отделу «Местный календарь».

С 1855 года в «Местной хронике» скупо отмечается проведение церковных служб по случаю праздников, ни о каких увеселениях или общественно значимых событиях не сообщается. С 1856 года пропадает и рубрика с метеорологическими наблюдениями.

Формирование рубрики «Местная хроника»: инструмент концентрации местной информации

Истинным нововведением, позволяющим начать отсчет нового периода в истории «Новгородских губернских ведомостей», следует считать появление «Местной хроники» в качестве рубрики передовицы.

Единичный случай «Местной хроники» можно найти в № 48 за 29 ноября 1852 года с пометкой «г. Устюжна». Под этим заголовком помещено сообщение Руфа Игнатьева о том, что найденное в марте текущего года в деревянном сарае старинное оружие принадлежало некогда древней Устюжской крепости. Публикация стала первой попыткой на основе доступного материала рубрицировать содержательное пространство неофициальной части губернских ведомостей.

С № 5 от 31 января 1853 года рубрика «Местная хроника» стала регулярной. Пристальное внимание редактор, ведущий рубрику, уделял комплексу городских мероприятий, включавших церковные службы по случаю важных дат с присутствием начальства, народных гуляний, концертов и театральных представлений. В течение 1853 года можно наблюдать, как от

собственно хроники, перечисляющей события, эта рубрика переросла в обозрение, отражающее настроение, духовный фон города. Сообщения «Местной хроники» образовали единую цепь публикаций: анонсирование события, отчет о нем, где интерес вызывает не описательная его сторона, а усиленная рецензионная составляющая, сопряженная с чутким осознанием общественного отклика. Частное мнение автора не мыслится без общественной оценки, без размышления о значимости события для всего городского общества.

Одновременно с этим «возрождается» хроника происшествий на своем прежнем месте под рубрикой «Известия из уездов» (периодически публиковались более расширенные отчеты вроде «Ведомости, о происшествиях в Новгородской губернии, за первую половину Января 1853 г.»). Уверенно продолжают перепечатки из прежних источников, которые перемежаются с историографическими очерками Руфа Игнатьева и сельскохозяйственной корреспонденцией Поликарпа Пузино.

Поначалу хроника увеселений выглядела так: «Новгородские общественные увеселения в настоящий зимний сезон, <...> начались блистательным балом, данным Г. Губернским Предводителем Дворянства, в новоотстроенном здании благородного собрания, дворянам губернии. Вслед за ним потянулась вереница балов, маскарадов и семейных вечеров, которые отличаются от прошлогодних большею веселостью и единодушием; одних маскарадов было, почти сряду, шесть». В регистрацию мероприятий вплетаются анонсы: «К масленице еще будет два бала – 2 и 27 –, и два семейных вечера – 8 и 15 Февраля». Среди важного редактор отмечает и уездные увеселения: «Уездные города нашей губернии то же могут похвалиться: в Крестцах, Валдае, Боровичах, Череповце и Кирилове устроены, с разрешения Губернского Начальства, благородные собрания, которые, как говорят, в веселости не уступают собраниям других городов»⁶. Характерно упоминание источника информации, которое вместе с тем составляет некий литературный оборот, присущий журналистике того времени: «как говорят». Корреспондентская сеть не полу-

⁶Новгородские губернские ведомости. 1853. № 5. 31 января.

чила и в этот период должного развития, а потому информация получалась либо из центральных изданий («На днях из С. Петербурга приехала М-лле Молеско, своею музыкой доставившая нам истинное удовольствие в прошлом году; помня это и лестные отзывы о ней, помещенные в С. Петербургских газетах, вполне надеемся, что и ныне принесет она столько же нам удовольствия, как в минувшем году, если не больше» – курсив мой), либо из разговоров в кругах, куда мог входить редактор. Отсюда многочисленные «по слухам», «как нам рассказали» и пр.

Затем, через неделю 7 февраля, в № 6 «Местная хроника» была разделена на три разнохарактерных сообщения. В первой части редактор продолжал следить за гуляниями, которые не попали в предыдущий выпуск: 30 января происходило открытие зимних гор «с оркестром музыки и хором песенников». «...катание с них, как всякий новый предмет развлечения, занимает наше общество», – отмечает редактор. Здесь опять очевидно влияние круга общения на то, какие события будут отобраны для отражения на страницах ведомостей.

Вторая часть отмечает свершившееся событие, анонсированное в предыдущем номере, и дает в свою очередь анонс будущей публикации: «1-го Февраля в зале Дворянского Собрания Г-жа Малеско (первая премия Парижской Консерватории) дала большой концерт, в коем также участвовали гг. любители музыки. Как о сем концерте, так и о назначенном 4-го числа, в пользу бедных, постараемся сообщить самый верный отчет в следующем номере».

И, наконец, следуя хронологии, редактор сообщает о том, что «2-го сего Февраля был храмовый праздник в теплой церкви Сретения Господня, в Антоньевском мужеском монастыре. Церковь эта основана в XVI веке при Новгородском архиепископе Алексии, и после неоднократных перестроек, возобновлена в 1846 г. В этот день в храме сем литургию совершал Его Преосвященство, Епископ Старорусский Антоний с Архимандритами Антоньевского монастыря Евфимием, он же и Ректор здешней Семинарии, и другими из ближайших монастырей»⁷.

⁷Новгородские губернские ведомости. 1853. № 6. 7 февраля.

Читателями впервые был предложен комплекс газетных новостей, по образцу столичной прессы отражающий местные события. Народные гуляния, концерты и храмовая служба давали скромную, но впервые зафиксированную панораму общественно-культурной и религиозной жизни города. Ранее только одно событие удостаивалось одного выпуска, теперь же читатели получили возможность ощутить насыщенность прошедшей недели, отметить для себя возможности в настоящем (скажем, у них была еще возможность поучаствовать в катании с гор) и ждать продолжения. Пока это еще не развитие событий, но развитие, расширение представления, осведомленности о свершившемся (концерты певицы и любителей).

Становится очевидным, что в этих текстах, их организации и содержании проявляется и ориентация на новую аудиторию. Правительственный вестник, альманах, содержащий общепользующую информацию и статистические отчеты, предназначался для чиновников и помещиков, занимающихся хозяйством. «Местная хроника» возникла потому, что более оформленным стало представление редакции о целевой аудитории издания: характере ее вкусов, интересов.

Читатели «Губернских ведомостей» живут в одном культурно-общественном пространстве с редактором, участвуют в одних и тех же мероприятиях, обсуждают опубликованное. Это уже не только служащие чиновники, хозяйственные помещики, купцы и промышленники, а широкая публика, среди которой важное место занимают именно новгородцы: учащая молодежь и домохозяйки, мещане и деловое дворянство. Редактор видел свою задачу в том, чтобы рассказать нечто интересное для новгородского образованного и активного общества, пытался охарактеризовать его: «Означенные концерты тоже подтвердили мнение, что Новгородское общество обладает не только музыкальными талантами, или как афишка скромно провозгласила «любителями музыки», но и ценителями их; первое доказывает превосходную игрою гг. любителей музыки, второе – большим сбором».

Композиция и содержание процитированного выше текста тесно перекликается с отзывом о благотворительном концерте 1852 года. Но для предположения, что тексты принадлежат одному автору, нет оснований. Редактор ведомостей более образован и основателен в своей критике («Исполненные Г-жею Малеско собственные ее сочинения: три Венгерские мелодии, ноктюрн и серенада в особенности понравились публике по своей изящности и увлекательной смелости модуляций...») и не допускает игривых интонаций. Схожесть построения и высказываний продиктованы традицией отзывов о подобных мероприятиях, так как в дальнейшем театральная хроника будет строиться на совершенно иных основаниях.

Крайне важно и то, что ведомости через хвалебный отзыв пытаются воздействовать на общественную жизнь в той области, где это дозволено: «Остается только желать, чтобы гг. любители музыки учащали своими концертами в пользу бедных; цель – благотворительность, средство – доставлять удовольствие другим! Какое может быть лучшее препровождение времени?!.» Таким образом, возрастает значимость публикации на страницах единственного местного периодического издания и самих губернских ведомостей в целом. Публицистический образ редактора изменяется от доброго советчика в хозяйственных и семейных делах до добродушного и восторженного на первых порах ценителя прекрасного, а также пропагандиста активной общественной деятельности. Редактор отражал позицию, которую занимала местная власть по отношению к благотворительности, но использовал своеобразную форму непосредственного обращения к героям своего сообщения и всем читателям. Пространство предполагаемого общения издания и аудитории как бы сузилось, стало клубом, куда допускаются все, разделяющие мнение автора публикации.

Также важно отметить, что для усиления читательской консолидации редактору было разрешено дважды с сожалением отозваться о возникновении важного государственного объекта – железнодорожного сообщения Москвы и Санкт-Петербурга: в № 5 («Не излишним считаем изъяснить здесь ей (г-же Моле-

ско. – С. К.), от лица всего города, благодарность за то, что посетила нас, оставленных всеми артистами после устройства С. Петербурго-Московской железной дороги, которые давали в Новгороде концерты мимоездом из Москвы в С. Петербург»⁸) и в № 7 («Установление быстрого сообщения Москвы с С. Петербургом лишило Новгород возможности слушать артистов, так часто посещающих наши столицы: концерты в Новгороде редкость...»⁹). Таким образом, редактор оправдывал неразвитость гастрольной деятельности в городе. А с другой стороны, поощрял проведение любительских музыкальных и театральных вечеров силами местной интеллектуальной элиты. Досуговая ниша заполнялась благотворительными мероприятиями, свидетельствующими о социальной опеке Губернского правления.

То, что невольно возникала местечковость, видимо, в расчет на первых порах не принималось даже самим редактором, весьма опытным в вопросах профессионального искусства.

В первый месяц существования рубрики необходимо было сохранить позиции, поэтому «Местная хроника» появлялась еженедельно, даже если это были краткие объявления, почти афиши: «В зале Новгородского Благородного Собрания назначен маскарад 26 сего Февраля. В вокзале же городского сада с 22 Февраля по 2-е будущего Марта маскарады будут ежедневно»¹⁰. Наверняка подобные мероприятия анонсировались с помощью городских афиш, и не было исключительной необходимости размещать эту информацию на страницах губернского издания. Но статус «губернских ведомостей» и необходимость закрепления новой рубрики требовали поддержания регулярного информирования читателей о городской жизни.

Размышляя о жанрах, которые использовал редактор в «Местной хронике», можно оперировать понятиями «сообщение», «хроника», «отчет», «отзыв». Целостное рассмотрение текстов приводит к мысли, что, даже при наличии отчетливой цели и прогрессивного по отношению к предыдущим периодам

⁸Новгородские губернские ведомости. 1853. № 5. 31 января.

⁹Новгородские губернские ведомости. 1853. № 7. 14 февраля.

¹⁰Новгородские губернские ведомости. 1853. № 8. 21 февраля.

тематического и стилистического своеобразия, рубрика представляет собой редакторский дневник, колонку редактора.

Возникновение этого специфического жанрового образования было продиктовано самим процессом развития «Новгородских губернских ведомостей». Редакция перепечатывала образцы различных жанров из столичной прессы и, конечно же, не могла отстраниться от их влияния в местном журналистском продукте. Но ни закон, ни собственные кадры не позволяли губернским ведомостям выходить на уровень газеты и поднимать широкий круг общественно значимых проблем. Усиленное продвижение дворянских балов и концертов являлось, с одной стороны, необходимым средством формирования имиджа Новгорода в глазах самих новгородцев и губернских жителей, с другой – подменяло многообразие актуальных тем, которые могли пробудить интерес читателей. Ввиду отсутствия местных корреспондентов, обзор разрешенных событий возлагался на единственного человека. Редактору, искренне заинтересованному в своем деле, приходилось нести ответственность за свое мнение, в рамках официальной традиции отслеживать настроение публики и стремиться выполнять задачу идейно-культурной консолидации читателей. Главным препятствием по-прежнему оставалась недостаточная насыщенность событиями. Отсюда и необходимость оперировать различными жанрообразующими приемами и подходами. Сухой стиль объявления выдавался за новость, а описание культурного мероприятия сочетает в себе черты отчета (подробное перечисление программы) и рецензии (анализ исполнительского мастерства). В редких случаях содержание рубрики в номере было посвящено одной теме. Еще реже отдельные сообщения отделялись пустой строкой. Слияние различных журналистских жанров привело к закреплению дневниковой интонации редактора.

«Один маскарад и один бал в дворянском Собрании, ежедневные представления волтижеров братьев Фиондини, Вальтера и Присса, два, три частных бала – вот все увеселение Новгорода в течение масленицы. Последние три дня были распределены так: утром блины, а с 4-х часов по полудни катанье вдоль Московской

улицы, до самой заставы, при звуках двух оркестров музыки, игравших в разных пунктах. Постоянная оттепель до 1-го Марта, прекратила катанье с гор; 1-го же Марта зима снова к нам возвратилась с снегом, морозами и вьюгами; даже Волхов замерз (хотя близ моста вскоре разошелся), чего с ним не случалось в этом году, и льдом надо было запастись на лето с Ильменя озера»¹¹. В этом небольшом фрагменте в рамках одного абзаца соединена целая панорама разнохарактерных событий, соединенных не столько хронологической, сколько ассоциативной связью. Недостаточность увеселений подтверждается примером, который связывается с метеорологическими условиями, повлекшими за собой сокращение длительности этих увеселений (заметим, что в центр внимания снова попадают катания с гор!). А это в свою очередь смещает угол зрения на погодные события, повлекшее за собой замечание вовсе бытового характера (заготовка льда).

Примечательно, что следующим абзацем автор отделяет светские события от религиозных: «Несмотря однакож, на дни сырной недели, обращенные в дни веселья, благочестивый народ в Воскресенье, в три часа по полудни, спешит в Софийский Собор к прощальной вечерне, после которой, в былое время, многие отшельники, удаляясь в уединение, пребывали там в безмолвии во все дни великого поста; собирается же народ в Софийский Собор, а не в другую церковь, именно потому, что в это время открываются мощи, почивающих там Св. Угодников Новгородских; спешит народ приложиться к Св. мощам, прося Угодников укрепить его, дать силу сознать себя, покаяться и дожить до радостного дня Воскресения Христова»¹². И здесь редактор позволил себе сделать маленькое, но заметное лирическое отступление, перейдя от новостной размеренности к публицистическим размышлениям, взяв затем вновь репортерский тон. Эта публикация в «Местной хронике» отличается некоей самосозерцательностью, попыткой и для самого автора решить какие-то сиюминутные вопросы и совместить разнородные события в единой картине мира. И подобная дневниковая запись публична, подразумева-

¹¹Новгородские губернские ведомости. 1853. № 10. 7 марта.

¹²Новгородские губернские ведомости. 1853. № 10. 7 марта.

ет большую читательскую аудиторию. Подписчик получил возможность согласиться с прочитанным или восполнить в своей картине вчерашнего дня деталь, упущенную в силу различных причин. А детали эти, будучи напечатанными, автоматически становились важными в жизни города и губернии.

Применяя свой литературный и журналистский опыт, редактор пытается охватить всё новые темы, не сообразуясь с каким-либо определенным жанром. Даже отчет о ярмарке, вмененный в программу издания губернских ведомостей, превращается в некое подобие путевых заметок. В общественной жизни города, которую он воссоздает на страницах издания, редактор чувствует себя опытным следопытом, слегка ироничным:

«У нас теперь Варлаамовская ярмарка; ярмарка небольшая. Иной раз в простой базарный день бывает больше движения, чем на нынешней ярманке.

В балаганах, устроенных на Торговой площади против здания городских присутственных мест, помещаются кроме разных других с красным товаром, две книжные лавки. В этих последних лавках не много хорошего. Мы спросили, есть ли у них первый том Мертвых Душ, и получили в ответ: есть только один экземпляр, за который объявили цену 7 р. сер. Между прочим мы нашли в этих лавках и произведение русской народной живописи, принаровленное к обстоятельствам времени»¹³ (имеется в виду лубок). Книжные лавки, пожалуй, не самая главная достопримечательность ярмарки, однако журналист отдает предпочтение той области, в которой разбирается, которая интересна ему и читающей публике. И такой авторский в широком смысле подход позволяет увидеть в И. В. Лесневском личность, сознательно формирующую литературно-публицистическую маску, сообразуясь с личными вкусами и предпочтениями. Любопытно отметить большое влияние на его вкусы и писательскую позицию творчества Н. В. Гоголя. Даже в постановках на новгородской сцене особенно он отмечал спектакли по гоголевским пьесам.

Отзвуки наследия любимого писателя можно обнаружить и в других работах Лесневского. В 1853 году редактор пишет

¹³Новгородские губернские ведомости. 1854. № 26. 26 июня.

объемный текст под заголовком «Путевые заметки», которые несколько литературнее, чем отчеты статистического комитета (не исключена возможность, что собственные впечатления он поверял подобным отчетом), на страницах выпуска представили ландшафтные и музейные красоты Валдая. Однако предвзвешено описание публицистической заметкой о подслушанном разговоре на корабле в следующем духе: «Повыгоднее расположившись в каюте, я стал вслушиваться в текущий разговор моих спутников. О чем не было, боже мой, говорено! О Венгерской компании, о ценах на лес, о Сибирской язве, о покойном графе Аракчееве; мало этого: литературы коснулись, стали судить-рядить наших писателей. Один из пассажиров вспоминал разные гоголевские сцены, с умением говорил, ловко передавал некоторые разговоры гоголевских героев. Впрочем, приятно было слушать его сначала; потом, подметя, что рассказчик смотрит на произведения Гоголя очень легонько, видит в них одну смешную сторону – мне досадно стало, и я, не желая слушать карикатурных умозаключений о любимейшем писателе, так рано угасшем, вышел на палубу»¹⁴. Не превышая границ своего литературного и журналистского дара, редактор пытается освоить новый жанр путевого очерка. Конечно, проницательный и образованный читатель мог воспользоваться публицистическим зарядом статьи и внутренне откликнуться на приметы времени. В целом ничего, кроме характера и внутреннего мира автора, текст не раскрывает. Но и этого было вполне достаточно, чтобы подписчики оказались увлеченными в мир своего края, освещенный иными издательскими средствами (напомним, что в это же время предпринимает свой литературно-исторический труд Р. Игнатъев, а также публикуется рассказ неизвестного автора «Красное поле», из предания XVII века).

Параллельно с этими качественными изменениями в содержательном плане «Новгородских губернских ведомостей» совершается попытка силами того же редактора привлечь внимание читателей к особенной стороне общественной жизни – театральной. Само по себе появление постоянного театра в

¹⁴Новгородские губернские ведомости. 1853. № 15. 11 апреля.

Новгороде не может считаться наиболее значимым событием, но то, что редактор в рамках «Местной хроники» уделяет этому особое значение и пытается овладеть новыми жанровыми приемами, показывает его личную заинтересованность в театральной жизни и поднимает событие до исключительного уровня. Своими рецензиями и обзорами выступлений театральной труппы Н. И. Иванова Лесневский еще раз пытается укрепить любовь читателей к проявлениям местной культурной жизни, связать современную жизнь с древними традициями и поговорить об уникальности положительных процессов общественной жизни в Новгороде.

Рубрика «Местные известия»: редакторский дневник как форма фельетона

С 1857 года редакцию возглавляет Иван Матвеевич Вишневский, продолживший развивать главную рубрику издания под названием «Местные известия». Уточнение формулировки выглядит более точным в соответствии с редакторской политикой Вишневского. Если его предшественник был «хроникером», лишь по некоторым поводам приводившим свое мнение, то новый редактор активно заявлял свою позицию по всем общественным вопросам, «извещал» читателей.

В начале активной журналистской деятельности Вишневский проявил себя человеком крайне пессимистичным, ворчливым, далеким от городской суеты. Он сосредоточено изучал погодные явления и выказывал заботу о хозяйственных делах в губернии.

Разножанровые и разностилевые тексты «Местных известий» И. Вишневский адресовал читателю, готовому разделить хмурое настроение автора, как бы в осуждение тем, кто смотрит на жизнь беззаботно: «Весна в настоящем году открылась у нас так рано, как не запомнит никто из старожилов. Еще на масляной неделе началась теплая погода, но настоящей весны тогда никто не подозревал, и преждевременное тепло считали одной лишь демонстрацией природы, как появление, в последних числах Февраля, диких гусей и уток убедило наконец, что

природа не шутя дарит нас весной. Правда зима не бесспорно уступает весне свое место и довольно крепкими утренними морозами отстаивает свои права, но все усилия ее рушатся к 12 часам утра». Редактор пользуется той же патетико-поэтической манерой, которую мы можем обнаружить у П. И. Пузино и других корреспондентов, чьи труды были связаны с сельскохозяйственными нуждами. Их отношение к природе, даже порой немилостивой, торжественно. Налицо тенденция персонифицировать времена года и географические объекты, которую можно обнаружить в очерково-натуралистской литературе (имеется в виду писатели и публицисты, пишущие о природе, а не направление натуральной школы в русской литературе 40-х годов).

За наблюдениями Вишнеvский не забывает отметить важный факт: «С 15 числа сего Марта фарватер Волхова очистился от льда на столько, что пароход мог уже делать рейсы до Со-синской пристани». И тут же в следующем абзаце разрушает идиллическую картинку, дает неоспоримую оценку необычным метеорологическим условиям, пришедшим в нынешнем году: «Мы беззаботно смотрим раннюю весну, но для большей части людей, которые смотрят на нее с хозяйственной точки зрения, раннее или позднее открытие весны имеет свое особенное значение; по этому боязливо встречают ее в нынешнем году лесопромышленники и занимающиеся сплавом дров, – ранняя весна, по их замечаниям, не обещает хорошего полноводья, необходимого к успешному сплаву предметов их промысла; недоверчиво встречает раннюю весну и земледелец, видя как преждевременно обнажаются его поля и нивы от снеговых покровов, служащих для озимых посевов надежной защитой от холодных ветров. Чрез месяц, вероятно, узнаем, радоваться нам или сетовать на ранний приход весны»¹⁵. Этим сообщением редактор настраивал читателей на новое восприятие своих функций и полномочий: не только составитель альманаха по темам, заявленным в программе, но личность, осмысляющая и анализирующая окружающий мир. Теперь всем, кто инте-

¹⁵Новгородские губернские ведомости. 1857. № 12. 23 марта.

ресовался местной жизнью, демонстрировались брюзгливые, темно-пророческие заметки редактора. Пафос Вишневого не лишен переживаний за общественные дела, за хозяйственных людей, но силой его мрачного и убедительного слова читатель погружался в атмосферу упорной и безнадежной борьбы со стихией. Возводя трудности производственной и хозяйственной деятельности в ранг национального бедствия, редактор еще больше усиливал кризисные настроения, предшествующие активизации правительства в предреформенный период.

Рубрика «Местные известия» стала площадкой для имитации свободной мысли, аналитики и доверительного общения с читателями.

Наиболее полно идейная и тематическая программа Вишневого выразилась через публицистические средства. В конце 1857 года он в своих «Местных известиях» публикует развернутые размышления, показывающие человека одаренного и быстро перенимающего опыт столичных журналистов. Эта статья является значительным образцом жанра, попавшего под правительственный запрет, – фельетона¹⁶. И только лишь смиренная, домашняя его тема не вызвала нареканий у цензора. Редактор снова делился со своими читателями замечаниями о погоде, на этот раз ворчливо-ироничными. А героем очерка стал уходящий 1857-й год: «Скоро конец 1857 году, и Слава Богу! Хорошего про него, правду сказать нечего, худого же много; даже и у нас в провинции, все, или почти все, им не довольны, так за что же сказать ему доброе слово. Вот хоть бы напр. теперь: Рождество на дворе, а снегу нет как нет, страшная бездорожь оставила привоз продуктов». Крайне необычное и оригинальное высказывание под конец года, когда принято вспоминать успехи и достижения, желать новых свершений.

К уже приводимым выше весенним опасениям, которые подтвердились, Вишневский прибавляет описание остальных трех сезонов: «Весной он не дал воды; летом оказался недоста-

¹⁶Развитие фельетонного жанра как способа общения с читателями рассматривает Ю. Л. Мандрика на материале более поздних изданий: Мандрика Ю. Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (71). С. 85-93.

ток тепла; осень явилась без своих атрибутов – дождей и грязи, хоть это и не беда, но мы привыкли, по примеру прежних лет, иметь осень с дождями, слякотью и грязью, а привычка говорят вторая натура, так подавай же нам настоящую, подробную осень; а теперь зима без снега, с несметным количеством грязи, довершила всё». Стилиевые особенности этого текста показывают намеренное стремление к афористичности, публицистичности. Автор ищет средства выразительности, которые бы не просто зафиксировали общеизвестные факты, а содержали в себе оценку, настроение, образ.

Безусловно, журналиста искренне волновали неудовлетворительные погодные условия, но эти переживания имели и острую общественную подоплеку, которую Вишневский выразил в колкой и смелой публицистической метафоре: «Мудрено ль в таком году получать отовсюду известия о банкротствах, когда он сам так страшно обанкротился. Под военный суд его! как злостного банкрота, и, чем скорее тем лучше. Улики на лицо. Всякий знает, что ему на каждое время отпущено было в надлежащей пропорции и тепла и холоду и снегу и грязи, а у него, на беду нам, сначала до конца, оказался во всем, кроме грязи, недостаток. Нет любезный! понимаем, в казнокрадство пустился? не то теперь время, выведем на свежую воду. В очерках Щедрина будет места и на твою долю». Метеорологическая окантовка как бы скрывает болевое высказывание о расстроенной общественно-экономической жизни, произведенной Крымской войной. Но вместе с тем «эзопов язык» предлагал образованным читателям, подписчикам столичных изданий, прочитать местную публикацию в контексте общегосударственных событий. Устанавливалась связь небольшого уютного пространства и внешнего мира, солидарность губернских обывателей и столичных умов.

Любопытно отметить, что, как его предшественник показывал свою образованность и вкусы через почитание Островского и Гоголя, так и Вишневский представляется знатоком творчества опального М. Е. Салтыкова-Щедрина. Не в подражание ли «Губернским очеркам», которые в текущем 1857 году были

выпущены отдельным изданием, редактор далее надевает литературную маску и вступает в предполагаемый разговор со своей кухаркой? Если путевой очерк предыдущего редактора даже при сильном субъективном начале исходил из естественного характера и образа мысли, то Вишневский предпринимает по-настоящему художественный ход: «Смирной я человек, не люблю ни говорить ни писать, а и то выхожу из терпения когда кухарка начнет ворчать: «Што это вы барин всю комнату замазали грязью, откуда это вы её наберете, да и какая вам неволя служить в таком месте, што и лошадки не из чего держать под такое время»¹⁷. Видимо, в запале творческого вдохновения его не смутило даже то, что редактору губернских ведомостей по должности положено любить писать. И эта любовь лишний раз выражается в приведенном фрагменте, вложенная в уста кухарки. Вишневский лукаво намекает на свое материальное положение. Должность начальника газетного стола и редактора позволяла иметь такой доход, что «и лошадки не из чего держать», и приходилось ходить пешком по грязи. Исходя из того, что Иван Вишневский стал одним из самых плодовитых редакторов «Новгородских губернских ведомостей», в этом тексте он создает некоего литературного персонажа, чья биография не совпадает с авторской.

Высказывание Вишневского еще раз фиксирует тот факт, что публикации на страницах единственного периодического издания в губернии не приносили дохода, но осознавались как возможность творческой самореализации. Если помещики и местные учителя писали, преследуя общественную пользу, надеясь лишь на доброе слово благодарности, то Вишневский, подписывая свои материалы, понимал, что высшая награда – это литературный успех у читателей. Ощущение своего читателя, который мог соотносить свои мысли с внутренним миром автора, соглашаться с ним, ожидать следующего выпуска и новых художественно-публицистических очерков и высказываний в «Местных известиях», воодушевляет и заставляет искать новых средств выразительности жанров, не опробованных

¹⁷Новгородские губернские ведомости. 1857. № 50. 14 декабря.

еще изданием. Таким образом, забота об общественном благе в различных деловых, хозяйственных, научных и проч. областях, которую преследовала неофициальная часть губернских ведомостей, могла использоваться редактором для писательской самореализации. Этим объясняется возникновение подробностей из личной жизни автора, различные лирические отступления, не добавляющие сути к обсуждаемой в тексте темы.

Это обстоятельство позволяет выявить иной круг задач, которые решает редактор, формируя «Местные известия». В отсутствие активной творческой деятельности новгородцев, Вишневский создает местный продукт, способный вызвать обсуждения в обществе. Задолго до появления частных газет, в которых корреспонденты пытались влиять на общественные и культурные процессы Новгорода и Новгородской губернии, Вишневский в официальном органе фиксирует движение общественной мысли. Именно то, что это движение сосредотачивается в одной рубрике, показывает постепенное формирование журналистского авторитета и читательских ожиданий. Подписчики издания могли быть уверены, что именно в «Местных известиях» они получают экспертную оценку местных событий, подкрепленную большей стилиевой и жанровой привлекательностью, нежели деловые заметки и отчеты.

С 1858 года «Новгородские губернские ведомости» начинают восстанавливать прежние контентные позиции и осваивать новые возможности местного периодического издания. И. Вишневский или сам, или по чьему-то совету или настоянию понимает необходимость возродить полноценное отражение социокультурной жизни города на страницах издания. И его личный творческий и профессиональный потенциал, и новые правительственные начинания позволяют сделать губернские ведомости не только легитимными (подчиняющимися установленной законом программе), но в то же время индивидуально-авторскими, интересными для местных читателей. Вишневский гораздо активнее, энергичнее, бойчее, чем в прежние годы, затевает диалог с читателем, сняв маску ворчливого пессимиста. Теперь это задорный, ироничный и наблюдательный господин, истово защи-

щающий положительный имидж своего города и губернии перед лицом клеветников и охальников. Превращение это удастся ему на удивление легко. И лишь стремление к резонерству и праведности выдает прежний публицистический образ.

Опробовав раз, редактор оставляет за собой право писать фельетоны в «Местных известиях», тема которых служит продвижению деятельности правительства и делу народного просвещения. В начале 1858 года он публикует без заголовка (но в передовице и с указанием даты, отсутствие названия рубрики косвенно может говорить о типографской неаккуратности) знаковый очерк о масленице, состоящий из двух частей. Первая опирается на традиционное описание праздничных гуляний. Но каждая строчка это описания проникнута новым для «Новгородских губернских ведомостей» ритмом, настроением, красками. На страницах издания уже возникали статьи, которые размеренно, с этнографической точностью воспроизводили традиции новгородских праздников. Писались они людьми учеными или близкими ученым обществам. А прежние описания, составлявшие хронику, подавались несколько со стороны, будто журналист смотрел на описываемые им события из окна рабочего кабинета. Теперь же репортер выходит на улицу и становится участником гуляния, «Русского карнавала», как он называет масленицу. По пути он встречает знакомых и кстати вспоминает забавный анекдот: «Даже слух носится, за верность которого впрочем не ручаюсь, что один молодой человек, пришедши поздравить с масляницей особу, на которую простирал виды, съел при этом порядочный блин. Ну, да это не наше дело, на здоровье ему».

Направление пути журналиста указывается точно: это Большая Московская улица, место массового скопления народа разных сословий и званий. Для создания дальнейшей картины, безусловно, средства и приемы позаимствованы из «Невского проспекта» Н. В. Гоголя, растиражированные столичными журналистами, на которых оказала влияние русская литературная натуральная школа. «Экипажи всех родов движутся один за другим бесконечную вереницею, в которой перетасованы без

различия все состояния; здесь вы видите и блестящую Новгородскую аристократию в щегольских экипажах и скромную буржуазию в простых санках и на тощих клячах. Не раз мелькнет перед вами фронт чиновник, бросивший на извозчика последний оставшийся от жалованья рубль, для того чтобы иметь удовольствие составить звено в этой живой и движущейся цепи экипажей», пишет Вишневский; несколько идиллически и угловато, но для первого местного опыта смело. Оставляя практически без описания местную аристократию, он с удовольствием рисует портреты мещан и чиновников, позволяя себе не самую мягкую иронию. По статусу он тоже чиновник, но сейчас журналист выше всяких сословий и обладает даром письменного слова, способного превратить людей в забавных героев его рассказа. Однако, Вишневский пока не позволял себе чересчур увлечься литературой. Социальная дифференциация интересует его не только с занимательной стороны, он подмечает и положительные моменты, в которых чувствуется уважительная гордость за новгородскую публику: «Не малую часть катающегося поезда составляет почтенное купечество с их чопорными половинами, к чести впрочем последних надобно сказать, что между ними незаметно той полноты, которая составляет отличительную черту многих дам этого сословия. Бывают конечно неисключительные случаи полноты, но полноты безукоризненной, в которой она ни сколько не виноваты». Типическое представление в искусстве о русских купчихах наталкивается на жизненные реалии, из которых журналист выводит свои, удобные для чести города замечания.

Несмотря на преобладание описания события и участников, сделанных в репортерской динамике, в статье обнаруживается сюжетная логика развития. Описание внешности, повадок, характеров журналист заключает еще одной характеристикой. Он знает, куда далее направятся персонажи «сообразно наклонностям и средствам»: кто в «заведение испить на двенацк-кепеек чейкю», кто в цирк, кто на преферанс, кто в маскарад. Сам же автор заглядывает туда, куда идет самый простой народ. Это «гостеприимные *отели* откупного комиссионерства, которому

надобно отдать честь в искусстве приманки, хотя, по совести сказать, в ней бы и надобности не было, потому что Русскому мужичку не сменять рукавицами, будь оне не дороже гривенника, без того, чтобы не выпить при этом на двугривенный литок».

И в этих «отелях» автор наблюдает картину, которая является ключевой для темы статьи. Исключительно ради традиционного литературного оборота он предполагает, что «...если случилось кому нибудь заглянуть из любопытства в эти отели», то он смог бы увидеть большой ассортимент спиртного в описываемых заведениях. Предполагается, что среди читателей губернских ведомостей нет посетителей «отелей», а потому для них составляется подробный реестр с шутливым, ироничным комментарием: «...названия часто оригинальные, иногда и пошлые, но основанием тех и других служило глубокое знание сердца человеческого. Известно что Русский человек и с горя выпьет, и на радости не откажется; а тут вдруг видит на полке красуется *безумная радость*, подле ней *горе от ума*, дальше ярлык гласит, *что пей то хочется*, здесь *наслаждение в заблуждении*, просто глаза разбегутся, ум за разум зайдет, пей чего душа желает; выбирай, смотря по состоянию духа, или безумную радость, или горе от ума, а нет так испытай наслаждение в заблуждении».

Чтобы еще нагляднее проиллюстрировать забавность этого явления, Вишневский вводит новых персонажей – «неграмотного Клим» и «грамотного Кузьму», которые заходят в «отель». В разговоре этих персонажей сказывается желание журналиста показаться остроумным, подобно сочинителям юмористических рассказов. Однако это ему удастся весьма плохо. На скорую руку автор сооружает сомнительные шутки, вроде высказывания Кузьмы: «Я ищо отродясь не пивал такого вина; известно вина хочется так и пьешь, а это, говоришь ты, што пей, то хочется». Да и сама цель сочинения грамотного и неграмотного героев раскрыта слабо. Можно предположить, что Вишневский ожидал от читателей реакции на то, что в расчете на грамотных покупателей торговли соревнуются в остроумии и привлекательности товара, а результат всегда будет одинаков для любого посетителя: «И напиваются неграмотный Клим и грамотный

Кузьма до того, что через губу не плюнуть. Смотришь на другой день у неграмотного Клим и у грамотного Кузьмы оказывается сильный дефицит в кармане и кой-что лишнее на физиономии, на что они накануне никак не рассчитывали». И в этих фразах, пусть не с самым оригинальным юмором, автор показывает глубокую проработку вопроса, основанную на наблюдениях и поэтизации негативных проявлений народной жизни.

В следующих эпизодах статьи Вишневецкий продолжает разрабатывать приемы эстетизированной грубости, народной сметливости и саркастичности. Журналист «дегустировать» модную киевскую наливку, которая, по его мнению, ничего из себя не представляет. А потому он не может не представить в сатирическом свете ее популярность: «Известно, какое благоговение Русский человек питает к матери городов Российских – Киеву; сколько отрадных чувств, сколько светлых мыслей производит одно его имя. Предметы, носящие название Киевских, пользуются особенной популярностью, так может ли же после этого остаться без внимания и Киевская наливка. Глядя на нее думает Русский человек: вот она родная-то наша, ведь и выпьешь-то ей, так словно в самом Киеве побываешь». Через насмешку и остроты, автор подводит читателя к подлинной цели своего журналистского балагурства. Развлекая, но не усыпляя сознания, он констатирует полуутвердительно, полу-сожалея факт, являющийся и национальной гордостью, и национальной бедой: «Из всего этого видно, что склонность к употреблению крепких напитков заключается в самом характере Русского человека. *Есть бо веселие Руси пити*, сказал Вел. Князь Владимир Святославич, которому не понравилась Магометанская религия за то, что запрещает употребление вина».

В продолжение исторического экскурса журналист обращается к элементам этнографического очерка, которые также использует с публицистическим пафосом. Читатели могли познакомиться с мужицким обрядом потчевания гостей вином. Каждому возлиянию в этой среде придумано свое название, отражающее повод. С патерналистским любованием журналист моделирует ситуацию, которой он пользуется для своего

этнографического сообщения: «...теперь масляница – случай для наблюдения удобный, как он усердно пьет сам, и столь же усердно подчует другого. Вот у мужичка собрались гости, хозяин усаживает их за стол, уставленный яствами. Затем выносит из чулана штоф водки, первую чарку подносит гостю почетнейшему, но этот просит выпить самого хозяина, после него пьет гость. Первая чарка называется *непрошенная*; вскоре хозяин наливает другую, эта пьется, чтобы *не хромать*; третья чарка носит название *посошка*»¹⁸ и т. д. (Однако такое благодушное настроение к народным забавам является наигранным для истинной позиции Вишневого к проблеме; спустя два года, в ставшем уже традиционным рассказе о масленице, он со злобой проговорится и назовет масленичные игры «удовлетворением животных потребностей»¹⁹.)

В этой статье Вишневский практически отказывается от тональности редакторского дневника и стремится к созданию литературного произведения. Но именно факты, наблюдения из современной жизни и публицистический пафос удерживают его в границах журналистского материала. Вишневский позволяет читателям представить места массового скопления новгородцев, побывать в заведениях, которые посещают лишь представители низших классов и, наконец, заглянуть в крестьянский дом по случаю праздника. Пестрота микротем проанализированной статьи объясняется крепкими традициями редактирования губернских ведомостей, которые Вишневский стремительно преодолевает. Заметно, что автор следует предписанной правительством программе издания, собирая любопытные сведения, касающиеся местности, объединенные одной общей причиной – масленицей. Однако пафос возникает вовсе не научно-исследовательский и не отчетно-статистический, а именно публицистический. Свои представления о нормах общественной жизни (которые в данном случае представлены традициями отмечаемого народного праздника) он декларирует в качестве общепринятых, несколько завуалированно вы-

¹⁸Новгородские губернские ведомости. 1858. № 5. 1 февраля.

¹⁹Новгородские губернские ведомости. 1860. № 8. 20 февраля.

казывая заботу о народном здоровье. Пока редактор только оценивает наблюдаемую им ситуацию как журналист в расчете на просвещенных читателей, утративших связь с традициями русской обрядовой культуры, а потому с интересом могущих воспринять новые для себе сведения. Но его отношение к новгородскому гостеприимству уже иное, нежели у автора заметки об округниках, опубликованной 1840 году. Гостеприимство, основанное на употреблении спиртных напитков, он высмеивает, обнаруживает проблему, угрожающую позитивному образу Новгорода.

Рубрика «Местные известия» еще раз подтверждают статус печатной площадки, на которой затрагиваются важные и насущные общественные проблемы региона. От небольших художественно-публицистических заметок, новостей и дневниковых наблюдений просматривается движение в сторону больших очерковых статей, формирующих представление о круге вопросов и проблем, нуждающихся в обсуждении и решении.

К питейной теме Вишневский возвратится через год (поместив параллельно на страницах издания несколько перепечаток о вреде алкоголя и мерах к оздоровлению народа). Теперь он открыто сатирически выступает против торговцев вином и русской пагубной питейной привычки, над которой он ранее снисходительно подтрунивал. То есть частная проблема выбора, с опорой на традиции и менталитет русского простонародья, соединилась с торгово-экономической. Винный откуп (система налогообложения, при которой государство за определённую плату передаёт право продажи казенного вина) в 50-е годы составлял значительную часть государственных законов. И в то же время приводил к злоупотреблениям в среде откупщиков. С 1852 года власть взяла курс на повышение откупов, что привело к произвольному повышению цен на водку. Эти факты отражены в «Местных известиях»: «А впрочем недостаток морозов быть может происходит от того что новый год не сошелся со старым, как у нас откупа – прежний с нынешним, да и давай друг другу гадить, – использует Вишневский отработанные

приемы. – Но как нет худа без добра и вследствие это в Декабре водка продавалась по 3 р. ведро, то прежний откуп повидимому заслужил признательность записных поклонников Вакха, так что один из них, проникнутый чувством признательности и винными парами, в порыве благородного энтузиазма, на кануне Нового года торжественно перед питейной конторой прокричал ей и служащим там Благодарственное и мирное житие». Раздражительность и сварливость личности на этот раз позволяют ему по-иному изобразить важную проблему в контексте местности. С шутовством и прибауткой он отчитывается перед читателями: «Впрочем благодаря произошедшей между винными откупами *невинной* ссоре многие пьют по настоящее время дешевую водку лучшего качества, чем нынешняя 9-ти рублевая, на которую простой народ горько жалуется, хотя впрочем в ней-то собственно мало горечи... Говорят, что ныне заметна особенная убыль воды в Волхове, чего доброго – иссякнет вода и волей и неволей придется пить один полугарец или вовсе *негарец*, то-то будет нажива откупу»²⁰.

Надо полагать, что Новгородскую губернию миновали разгромы питейных заведений. Поскольку эти волнения власть напрямую связывала с движением против крепостной зависимости, то и отклик на страницах официального издания ожидался соответствующий. Вишневский же остается верным своей нравственной позиции по отношению к употреблению спиртного в крестьянской среде. Для усиления пафоса в разрешении питейного вопроса Вишневский избирает сказовую, народную стилистику. «Есть впрочем средство православным отвлечь эту беду неминуемую – именно: взять только в пример крестьян Ковенской губернии, которые сговорились не пить водки, и крепко держат зарок. Всполошился тамошний откуп при таком зароке. <..>

Дошли слухи об этой истории (в простой народ) отчасти до Новгорода. «Поговорил бы ты дядя Терентий на сходке в деревне, чтобы бросили пить вино», так говорил за чаем в трактире мужичек средних лет другому пожилому, «шутово ли дело на-

²⁰Новгородские губернские ведомости. 1859. № 7. 14 февраля.

шему брату платить полтинник за полштофа, а в год-то сколько наберется полуштофиков?» Подражая народной устной речи, Вишневский, с одной стороны, надеется передать натуралистичность обстановки, сделать зарисовку подлинной жизни, а с другой – сознательно прибегает к литературной форме, чтобы обострить эмоциональное впечатление, поиграть с образованным читателем, который так же несколько свысока смотрит на «беду неминуемую». В игривом воодушевленном настроении Вишневский упоминает даже о других важных событиях в городе: «Между тем как Сидорыч с дядей Терентьем рассуждают о том как бы им убедить мужиков бросить пить вино, в Новгороде толкуют об устройстве телеграфа, который как слышно в скором времени будет проведен сюда, и уже городское общество распорядилось отвести на этот предмет дом на Знаменской улице. Кроме этого носится слух, что вскоре у нас открыт будет книжный магазин. От души желаем успеха этому новому предприятию»²¹.

Таким образом, Вишневский откликается на захватившее северо-западные, центральные и поволожские губернии «Трезвенное движение» (массовые протесты податных жителей в связи с повышением налога на водку в 1858–1859 годах), приведшее к концу откупной системы. При этом Новгород и губерния остаются как бы в стороне от основных событий. Официальное издание обязано было откликнуться на общегосударственную проблему. И Вишневский выполняет свои должностные обязанности в расчете на просвещенного читателя. Цель его скорее позабавить, развлечь публику, поведав ей о разговорах среди простого народа.

Губернские ведомости регулярно публиковали таксы и тарифы на торговлю по губернии. Но до Вишневого обсуждать ценовую политику частной торговли не случалось никому. Он как бы предлагает сравнить государственные тарифы с реальной действительностью. Так, в другом месте, снова сетуя на плохую погоду, он отмечает, что «из предметов привозных солонина особенно была дешева, по 1 руб. 60 к. пуд; сено также

²¹Новгородские губернские ведомости. 1859.№ 7. 14 февраля.

упало в цене, с 25 на 15 коп. за пуд, на прочие же предметы цены стояли довольно высоки»²². Этот сигнал предназначался непосредственно читателям особым образом. Безусловно, они и так были в курсе этих событий, но в курсе ли те, кто мог ситуацию изменить – начальство? Индексируя проблему (в данном случае высокие цены и некачественный товар), издание подразумевает осведомленность властей и косвенно намекает на дальнейшие ответные действия. Одновременно губернские ведомости этим оказывают поддержку всем, для кого ситуация оказалась трудной.

Но теперь уже не просто сочувственный рассказ о проблеме, а конкретное предложение ее решения предлагает редактор «Новгородских губернских ведомостей».

Но чем же этот совет привлекательнее обстоятельных статей профессиональных корреспондентов, рекомендованных высшим начальством? Во-первых, ведомости обрели свое индивидуальное лицо в лице редактора, содержащий живую, естественную, эмоциональную, заразительную личность. И читатели уже привыкли доверять этой личности, которая обращается к ним, во-вторых, в занимательных, где-то панибратских, где-то покровительственных, где-то заговорщицких выражениях.

Различные общественно значимые темы, заключенные в поток «Местных известий», Вишневецкий продолжил разворачивать в форме обстоятельных аналитических статей – перепечаток, собственного авторства и новгородских корреспондентов. Поиски своего стиля, жанровые вариации, воплощенные в персональной рубрике, можно рассматривать как примерку к потребностям начальства и интересам читателей.

Справедливым также выглядит использование передовой рубрики для акцентирования внимания читателей на наиболее интересную и важную тему текущей недели. Тогда разножанровые блоки текста совмещаются с целью дать наиболее исчерпывающее представление о событии или проблеме. Так, устройство телеграфа побудило его совместить в одном тексте хроникаль-

²²Новгородские губернские ведомости. 1858. № 13. 29 марта.

ное сообщение об открытии и просветительский очерк о физических свойствах электричества и устройстве телеграфа. На мгновение он обретает добродушность, но снова не поднимается выше общего места: «Девятнадцатый век, по справедливости, есть век чудес, век торжества человеческого ума над природою. Только в настоящее время, когда человек подчинил своей воле все стихии, когда заставил воду и огонь, землю и воздух, в равной степени служить себе, может без лести сказать себе, что он царь природы, а природа его послушная рабыня». И далее еще целый абзац подобных дифирамбов прогрессу, чтобы затем четко и конкретно, в традициях прежних отчетов до «Местной хроники», зафиксировать: «Первое известие о соединении Новгорода с Петербургом посредством электромагнитного телеграфа получено было у нас в Генваре месяце настоящего года, а 27 Ноября последовало открытие телеграфа. На другой день, т. е. 28 числа, дом занимаемый телеграфною станцією был освящен в присутствии г. Вице-Губернатора, строителя телеграфа, Градского головы Соловьева, Гласного Зимина и почетнейших лиц купеческого сословия»²³. Выполнив свою журналистскую миссию, Вишневский, опираясь на слухи о недоумении и суевериях, вызванных новшеством среди простого люда, приступает к небольшому популяризаторскому очерку. Однако эти сведения были взяты им из специализированного издания и вряд ли достигли цели. Обилие терминов и специфическая научная стилистика не могли быть доступны самой широкой публике.

Казалось бы, осознание себя как журналиста должно было привести редактора к желанию создавать газету. Вишневский называет губернские ведомости «листочками». В типологии газет второй половины XIX века [1], такое название носили самые дешевые, «бульварные» издания. Вряд ли редактор видел свою деятельность как подражание «Московскому листку» или «Петербургскому листку». Значит, это может свидетельствовать о том, что официальное издание в Новгороде становится более подвижным, оживленным, нежели «ведомости», но термин «газета» по внутренним начальственным соображениям не был в ходу.

²³Новгородские губернские ведомости. 1859. № 49. 5 декабря.

С огромным удовольствием в последнем номере 1859 года Вишнеvский подводит итоги проделанной работы: «Еще несколько дней и 1859 г. канет в вечность. Что сулит нам преемник его 1860 г. неизвестно, но кто следил у нас за развитием общественной жизни, кто видел в ней полезные перемены, кто знает как много положено в основание ее новых начал, как деятельно, над применением их, трудился, по мере сил своих, каждый – от Г. Начальника губернии, стоявшего во главе всякого полезного начинания, до последнего труженика – писца, тот согласится с нами, что от 1860 года пожелать можно только продолжения того, чему положено начало в 1859 г. Предположенное устройство и открытие женской гимназии, городского банка, детского приюта, улучшение положения ремесленных заведений, – вот на что обращены мысли и желания всех»²⁴. О погоде нет уже ни слова. Проблемы и беды провоцировали его на сарказм и иронию, тогда как успехи и достижения он отмечает сдержанно, под занавес своего руководства редакцией осознавая силу и серьезность печатного слова в своей местности.

Частая смена редакторов 1863–1865 годов привела к утрате рубрикационного деления. В 1865 году возрождаются метеорологические наблюдения, поставляемые Игнатием Лесневским, который занимает теперь место секретаря Статистического комитета. А в середине того же года редактор Воинов предпринял попытку возродить ведущую рубрику 1850-х годов под названием «Местные заметки». И, как некогда «хроника» переросла в «известия», так и теперь «заметки» имеют принципиальное жанровое определение. Редакторский дневник трансформировался в новостную ленту практически в современном понимании: рубрика делится на заметки-сообщения, снабженные отдельным заголовком – первым предложением абзаца, выделенным курсивом. Все эти сообщения имели исключительное значение для жителей города и отражали панораму общественной жизни – от благоустройства и различных нововведений до увеселений. Вот набор заголовков одного выпуска: *«Ночные сторожа»*, *«Новости по городскому хозяйству в Новгороде»*,

²⁴Новгородские губернские ведомости. 1859. № 52. 26 декабря.

«Вчера в саду дивизионного штаба», «Галерея великолепных картин». Не все эти «новости» имели равную временную актуальность: так, рядом с танцевальным вечером в саду дивизионного штаба, который был «вчера», «Галерея великолепных картин» работает уже «с месяц». Однако свою актуальность они сохраняют именно на момент опубликования: «Цена за вход постоянно падает, что, по нашему мнению, служит верным знаком правильно возрастающего равнодушия общества к галерее, хотя на афишах и красуются фразы: «по желанию публики», «много удовольствия за малую плату», «прекрасное должно быть общественным достоянием», – замечает редактор. Заметно, что от архаичной формы диалога с читателем Воинов не смог избавиться, поэтому возникает «по нашему мнению» или «как слышно» в другом сообщении: «Дело приостанавливается потому, что г. Фрум просит монополии и, как слышно, не менее, как на 60 лет». Дело газового освещения города относится к первостепенным, и редактор находит нужным сообщить, что «расход фонарного рожка не будет превышать $\frac{3}{4}$ к. в ночь; но, конечно, устройство газового завода и первоначальная кладка труб потребует не одной сотни тысяч расхода»²⁵. Читатель оказывался погруженным в объемное и актуальное информационное поле, насыщенное фактами и оценками, не позволяющими, однако, «меню мыслей». Редактор, несмотря на использование устаревающих стилистических форм, четко выражает позицию губернской и городской администрации. Окончательно упразднил рубрику «Местные заметки» Ф. Павлинский в 1865 году.

В дальнейшем можно наблюдать отдельные случаи рубрикационного деления материалов, но они уже не выполняли своей прежней функции. Только редактор Д. Городецкий в 1895–1896 годах провел сознательную рубрикационную модернизацию с целью сделать неофициальную часть похожей на самостоятельную газету. Но на жанрово-стилистическое своеобразие эта мера никак не повлияла.

В период деятельности Ивана Вишневого «Местные известия» стали не просто рубрикой, а авторской колонкой, в ко-

²⁵Новгородские губернские ведомости. 1865. № 42. 25 сентября.

торой было сосредоточено максимально возможное обозрение общественной, культурной, экономической жизни города и губернии. Информационно-публицистический поток указывал на недостатки и поощрял успехи, сформировав определенный авторитет автора, обладавшего личностью, характером, точкой зрения и в тоже время стремившегося к объективности. Интимно-дневниковые интонации сочетались с активными публицистическими призывами к действию. Но, заявляя проблемы и предлагая пути их решения, Вишневский продолжал формировать положительный образ губернского начальства, о чем свидетельствует заключительный фельетон 1859 года. Таким образом, менялся и образ региона – он стал более современным, его жители и их деятельность обладала недостатками, но все консолидировались в стремлении улучшить положение в самых различных областях. Утрата этих позиций в дальнейшем была связана с пересмотром роли редактора.

НГВ в контексте местных частных газет (1881–1882, 1903–1917)

После ухода Э. В. Лерхе с поста губернатора и принятием этой должности А. Н. Мосоловым «Новгородские губернские ведомости» снова возвращаются на уровень официального бюллетеня с вкраплениями талантливых публикаций. Хорошо прослеживается незаинтересованность начальства в развитии издания, его соответствия требованиям времени. Даже временная конкуренция в виде «Новгородского листка», появившегося в 1881 году, не повлияла на изменение редакционной политики вплоть до 1895 года.

Никаких определенных причин смены ориентиров в эти годы установить нельзя. Анализируя публикации «Новгородского листка», можно заметить, что первая частная газета в Новгороде вобрала в себя в концентрированном виде достижения, сделанные редакторами и корреспондентами «Новгородских губернских ведомостей». Круг затрагиваемых тем не отличался от официального издания: деятельность земства, вопросы народного образования, производство судебных дел,

застой в культурной жизни новгородцев. Из этого можно сделать вывод, что авторы, пытавшиеся высказываться на страницах официального издания, предпочли частную газету, так как редактор предложил свободу для критики общественной ситуации, которая часто носила адресный характер. Так, большего всего обличительных и резких нападок сотрудники газеты совершали на новгородское купечество, которое заполнило древний город лавками, питейными заведениями, трактирами, клубами увеселений²⁶. Именно эти люди приложили все силы, чтобы газета была закрыта, что и случилось в 1882 году.

Составлял ли «Новгородский листок» серьезную конкуренцию «Новгородским губернским ведомостям» на момент своего существования? Скорее всего, оценка и значение, которые приводит литератор А. В. Круглов [2] в своих воспоминаниях, являются более поздним осмыслением. Примечательно, что газета печаталась в типографии Губернского правления. К тому же система обязательной подписки на «Новгородские губернские ведомости» не ставила перед редакцией задач коммерческого выживания, и, как показывает опыт издания в 70-е годы, переход журналистов на другую печатную площадку и появление новых не мог помешать существованию официального органа.

Но как раз длительная установка в редакционной политике «Новгородских губернских ведомостей» на создание устойчивого благоприятного образа Новгорода и Новгородской губернии, вызвала к жизни сатирический, обличающий, гневный тон большинства публикаций «Новгородского листка». Как отмечает тот же Круглов, ««Листок» иногда был буен и задорен, конечно, в пределах дозволенности...»[2], но искупалось всё любовью к родине, желанием служить ей печатным словом. При этом часть газетных полос составляли и вполне традиционные для губернских ведомостей материалы: протоколы земских собраний, судебная хроника, хроника городских событий, то есть информационные блоки в официально-деловом стиле. Дважды были отпечатаны и

²⁶См. На Волховском мосту//Новгородский листок. 1881. № 1.

прибавления, которые считаются отличительной чертой губернских ведомостей: к № 25 от 25 апреля 1882 года «Доклад медицинский Череповской уездной земской управы чрезвычайному земскому собранию» и к № 39 от 1 августа 1882 года «Журнал Череповской уездной земской управы 1 апреля 1882 года». С одной стороны, это можно рассмотреть как заимствование элементов модели издания официального органа. Но «Новгородские губернские ведомости» не были единственным доступным новгородцам периодическим изданием (как замечал один из фельетонистов «Новгородского листка», местная газета не ставит себе задач конкурировать со столичными²⁷. Значит, редактор к 1882 году предполагал, что аудитория его издания будет уникальной, не читающей местный официальный орган, и сознательно формировал конкурентоспособность частного предприятия. И не только из соображений принципиально иного качества журналистских текстов. Одним из ключевых моментов были условия повышения коммерческой выгоды путем размещения объявлений. «Новгородские губернские ведомости» уже имели отлаженную систему публикации рекламных блоков (в конце официальной части), поэтому самое выгодное печатное место «Новгородского листка» – на первой полосе – отводилось под еженедельное информирование о пунктах и условиях приема объявлений, причем предполагалась «уступка», то есть скидка за оплату 10-кратной публикации. Гонораров корреспондентам также не выплачивалось.

«Золотой век» русской журналистики коснулся и Новгорода. Первые годы XX века отмечены появлением новых частных газет. Все они были общественно-политическими и литературными (универсальными), внепартийными, но впервые за всю историю новгородской журналистики на сравнительно долгий период обеспечили местных читателей качественной периодической печатью. Длился этот период с 1903 по 1917 год – время существования самой заметной, скандальной газеты «Волховский листок», которую издавал знаменитый антрепренер и ак-

²⁷См. Новгородский листок. 1881. № 2.

тер Нил Иванович Мерянский (настоящее имя, под которым он стал издавать газету, Н. И. Богдановский).

Помимо «Волховского листка» в разные годы выходили еще 3 газеты. На волне выборов в Государственную Думу в губернской типографии стала издаваться газета «Новгородская неделя» (12 февраля – 1 декабря 1906 года, редакторы-издатели Е. И. Лебедев и А. П. Шумейко). Через три недели после ее закрытия под давлением губернского начальства в частной типографии М. О. Селиванова появилась «еженедельная политическая, общественная и литературная газета» «Ильмень» (декабрь 1906 – июнь 1907 годов, редактор-издатель Н. Г. Василевский, затем М. А. Рубакин, бывший сотрудник «Новгородской недели»). Обе газеты были внепартийными, но старались под критическим углом проанализировать программы самых видных партий и выступить в поддержку некоторых кандидатов. При этом на их страницах находилось место для упреков в адрес сохранявшей нейтралитет редакции «Волховского листка». Это первый образец полемики на страницах местных газет со времен выступления Новгородца в корреспонденции «Санкт-Петербургских ведомостей» с осуждением редакционной политики «Новгородских губернских ведомостей» в 1861 году и ответом на него в местном официальном издании.

Михаил Рубакин возобновляет свою редакторскую и издательскую деятельность в 1909 году газетой «Новгородская жизнь», чтобы с новой силой подвергнуть обвинениям в непрофессионализме сотрудников «Волховского листка». Лишь финансовая неустойчивость привела к прекращению существования издания в декабре 1911 года.

Редакционная политика этих четырех газет и взаимоотношения их редакторов подробно проанализированы в работе Е. В. Ивановой [3; 14-31]. Все они сосредоточили в себе многолетний опыт издания «Новгородских губернских ведомостей» как в структуре, так и в охвате тем (с учетом меняющейся политической обстановки в стране).

Так, «Волховский листок» состоял из постоянных рубрик «Местная хроника», «Судебная хроника», «Происшествия», «Театральная хроника» и других, которые закрепились в не-

официальной части «Губернских ведомостей» при редакторе Д. Городецком. Значительное место уделял Н. Богдановский историко-этнографическим очеркам в монархическом духе, которые появлялись регулярно в 1840–50-е годы на страницах официального органа.

Рубрика «Местная хроника» в газете «Новгородская неделя» отсылает к периоду издания «Новгородских губернских ведомостей», когда в ней сосредотачивался максимум местной информации в различных жанрах. Темы торговли, сельского хозяйства, культуры, земской деятельности реализовывались с помощью отчетов, заметок, проблемных статей в «Новгородской неделе» схожим образом, но без четко выраженной дневниковой интонации.

Редактор же «Новгородских губернских ведомостей» К. А. Северов помещает в официальном органе только сведения о пожарах, всевозможные правительственные воззвания, пропагандирующие реформы. Вместе с тем практически прекращается публикация корреспонденции, введенная Д. Городецким. В 1904–1905 году основное место в неофициальной части занимают перепечатки телеграмм и других сведений из «Правительственно вестника» о ходе русско-японской войны. Первая русская революция 1905–1907 годов по естественным причинам не нашла отражения на страницах издания. Всё больше «Губернские ведомости» уходят от обсуждения каких бы то ни было политических, общественных и даже культурных вопросов. Местный компонент практически исчезает.

Ситуация не изменилась и с приходом на должность редактора С. И. Градова в 1912 году. С одной стороны, это может свидетельствовать об оттоке пишущей интеллигенции в частные газеты, где больше было возможностей для высказывания и редактора которых выплачивали гонорары. Но Е. В. Иванова отмечает, что характер публикаций «Новгородской недели» лишь незначительно «смелее», тех, которые публиковались в «Губернских ведомостях». Правильнее было расценивать позицию администрации в игнорировании формирования контента местного компонента как сознательную. Частные газеты не составляли ни информационной, ни коммерческой конкуренции официально-

му органу. Об этом свидетельствует и то, что в полемике между частными газетами «Новгородские губернские ведомости» не упоминаются. И не из боязни преследования (журналистским нападениям подвергались многие видные люди губернии), а именно по причине того, что «Губернские ведомости» практически не влияли на информационное поле региона (помимо удовлетворения потребности в официальной информации).

За ними сохранилась функция административно-правового регулирования жизни губернии, в которой ведущую роль снова получает официальная часть. Судя по активной публикации охранительных сообщений об арестах газет, журналов, книг и брошюр, правил о положении усиленной охраны и проч. администрация всерьез была озабочена революционными настроениями в стране. Жизнь губернии не подавала поводов для чрезмерных усилий, но вся история «Новгородских губернских ведомостей» показывает безоговорочную лояльность к существующей власти. Безусловно, это связано не столько с личной позицией редактора, сколько с самой функцией издания и с его учредителем.

Литература

1. Махонина С. Я. История русской журналистики// http://evartist.narod.ru/text1/91.htm#з_04
2. Круглов А. В. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1895. Т.LXI.
3. Иванова Е. В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838 – 1917 гг. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир»

1 января 2015 года исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося русского советского поэта и прозаика, нашего земляка А. В. Жигулина (1930–2000). Большую роль в его жизни и творчестве сыграл Александр Трифонович Твардовский (1910–1971), классик советской литературы, автор знаменитой поэмы «Василий Тёркин», главный редактор журнала «Новый мир», деятельность которого, по мнению ряда исследователей, повлияла на весь дальнейший ход истории СССР.

Материалы писательского архива А. В. Жигулина, в том числе его записные книжки, дневники и рабочие тетради, переданные недавно, в соответствии с волей вдовы поэта И. В. Жигулиной, в Воронеж (это произошло во многом благодаря неустанным и многолетним усилиям известного литературоведа и общественного деятеля О. Г. Ласунского) и хранящиеся в настоящее время в фондах областного литературного музея им. И. С. Никитина [1]¹, открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизненной и творческой биографии, вносят дополнительные штрихи к портрету главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского и в целом отечественной журналистики послесталинской эпохи.

Первая встреча с Твардовским

В 1978 году вышла в свет книга «Воспоминания об А. Твардовском» (Москва, издательство «Советский писатель», 488 с.). Как говорилось в краткой аннотации, сборник воспоминаний «даёт широкое представление об А. Твардовском как писателе,

¹Ссылки сделаны по принципу: номер записной книжки (дневника) А. В. Жигулина, цитируемые страницы.

общественном деятеле и человеке». Книга была издана большим тиражом (50 тыс. экземпляров), имела твёрдый переплёт и включала в себя статьи нескольких десятков авторов – друзей и товарищей поэта по годам учёбы, военной поры, работы в советской литературе. Среди них – писатели К. Симонов, Б. Полевой, Е. Долматовский, Е. Воробьёв, К. Ваншенкин, И. Соколов-Микитов, А. Жигулин, С. Залыгин, Г. Бакланов и другие.

С высоты сегодняшних дней невольно бросается в глаза, что среди авторов книги нет А. И. Солженицына, триумфально шагнувшего в литературу в годы хрущёвской «оттепели» именно со страниц «Нового мира». Напомним, что по поводу разрешения напечатать повесть «Один день Ивана Денисовича» (первоначальное авторское название – «Щ-854») – А. Т. Твардовский обратился с письмом лично к Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущёву. После публикации за рубежом «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын в феврале 1974 года был насильно выдворен из страны и к тому времени проживал в американском штате Вермонт. Позднее он изложил свои впечатления от встреч с Твардовским в книге литературных очерков «Бодался телёнок с дубом».

Конечно, многое мог бы рассказать о Твардовском, как редакторе и человеке, его ближайший соратник, яркий и пронизательный литературный критик, которого называли, и не без оснований, «советским Добролюбовым», В. Я. Лакшин. Но и его, естественно, не оказалось среди авторов сборника, как и ряда других представителей разогнанной в начале 1970 года редколлегии «Нового мира».

Нет никаких сомнений, что в соответствии с существовавшими на тот момент порядками список авторов тщательно составлялся в Секретариате Союза писателей СССР и был согласован с Отделом культуры ЦК КПСС, а содержание книги было подвергнуто самой тщательной цензуре (ведь речь шла о «неблагонадёжном» бывшем главном редакторе журнала «Новый мир», который после антисталинского XXII съезда КПСС стал прибежищем либерально-демократических сил в литературе,

символом «шестидесятничества», трибуной легальной оппозиции советской власти).

Статья А. Жигулина «Слезам нужно верить...» начинается так: *«В сентябре 1961 года в Воронежское отделение Союза писателей на имя критика Анатолия Михайловича Абрамова поступила телеграмма: «НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЁР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ – ТВАРДОВСКИЙ» [2].*

В этой фразе допущена неточность, которую сразу же после выхода книги заметил сам упоминаемый в статье А. М. Абрамов, известный в ту пору критик и литературовед, одним из первых обративший внимание на творчество начинающего поэта и горячо поддержавший его в профессиональном становлении. Дело в том, что телеграмма А. Т. Твардовского была прислана не в областную писательскую организацию, как утверждал Жигулин, а на домашний адрес воронежского критика, одного из постоянных авторов журнала «Новый мир».

Вот что пишет А. М. Абрамов в своих мемуарах: *«С этой телеграммой началось печатание А. Жигулина у А. Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку «Костёр», которую я послал Твардовскому в сентябре 1961 года перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А. Т. Написал уже потом, когда вышли «Рельсы» Анатолия в «Молодой гвардии» («Новый мир», 1963, № 10).*

Телеграмму привожу вместе с адресом, по которому она была прислана, потому что мне довелось слышать выступления, в которых говорится, что она прислана в организацию воронежских писателей. Источником этого, думаю, явилась неточность самого А. Жигулина, которому, естественно, я её тогда же показывал (кроме него телеграмму не видел никто). <...>

В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришёл новый замеча-

тельный поэт. Были и ответы интересные. Но это уже тема особой статьи» [3].

Откуда же взялась эта неточность? Ведь известно, что Жигулин был человек очень аккуратный, даже, можно сказать, педантичный во всём – в жизни, в быту и, конечно, в творчестве, о чём свидетельствуют многие его современники, а также дневники и рабочие тетради самого поэта.

Считаем, что Анатолий Владимирович сознательно допустил в своей статье эту неточность: одно дело написать, что Твардовский прислал телеграмму на домашний адрес А. М. Абрамова, другое дело – в писательскую организацию, что сразу как бы приподнимает значимость события. Чтобы проверить эту версию, заглянем в дневник А. В. Жигулина за 1961 год. Читаем:

«27 сент. 61 г.

Среда. 22 ч.

Самое значительное событие дня (и вообще, видимо, важное событие в жизни) произошло следующим образом. Пришла в Союз (писателей. – В. К.) Антонина Тимофеевна Абрамова и принесла телеграмму на имя Ан. Михайловича. Вот точный текст телеграммы:

«Воронеж 11 мая 7/9 квартира 39 Абрамову Анатолию Михайловичу².

МОСКВА 705/51 26 27 1010=

НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЕР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ. ТВАРДОВСКИЙ».

Сила! Твардовский обратил внимание на сборник. Это, конечно, здорово! Эта радость затмевает или почти затмевает все недавние неприятности. <...>

Теперь надо работать. Для «Нового мира» нужны, конечно, очень сильные стихи» [№ 60. С. 52-54].

Как показывает анализ эпистолярного наследия поэта, А. В. Жигулин всегда старался как можно точнее и подробнее фиксировать в своих записных книжках основные со-

²Улица 11 мая – до 1962 года такое название носила Театральная улица в центре Воронежа.

бытия литературной, общественно-политической и личной жизни. Впоследствии это ему очень помогало в ходе работы над стихами, публицистикой и прозой. Не подлежит сомнению, что при написании статьи «Слезам нужно верить...» Жигулин не раз заглядывал в свой дневник и именно отсюда взял текст телеграммы А. Т. Твардовского. По нашему мнению, он сознательно «отредактировал» адрес телеграммы по вышеуказанной причине.

В статье имеется и вторая неточность. Жигулин пишет: *«Нечего и говорить, сколь радостно было для меня содержание телеграммы. Речь шла о только что вышедшей тогда в Воронеже моей книге «Костёр-человек». Стихи я послал по почте, а 4-го ноября сам приехал в Москву и пришёл в редакцию журнала»* [2; 287].

На самом деле, как свидетельствуют записи в дневнике А. В. Жигулина, в Москву он приехал утром 30 октября 1961 года.

Приоткроем одну тайну. Дело в том, что история личного знакомства Анатолия Жигулина с А. Т. Твардовским развивалась на фоне его бурного романа с Ириной Неустроевой, выпускницей филологического факультета ВГУ и аспиранткой А. М. Абрамова. После окончания университета она вышла замуж и переехала на постоянное место жительства в Москву. Их роман завязался в Воронеже летом 1961 года, во время очередного приезда И. Неустроевой к родителям (к тому моменту её неудачный первый брак распался).

Как вспоминал позже А. Жигулин, в столицу он приехал больным (простудился в поезде). По этой причине, остановившись в гостях у Ирины, которая жила в коммунальной квартире на улице Осипенко (из окон на шестом этаже были видны кремлёвские рубиновые звёзды и купола соборов), он несколько дней не выходил из дому.

Месяц спустя он по памяти и с юмором описал события тех дней в своей записной книжке.

«Утром, 4 ноября 1961 года, в субботу, я окончательно победил грипп, хоть у него были могущественные союзники: любовь и вино. Решил идти в «Новый мир».

Кажется, в этот день случилось одно из наиболее весёлых в моей жизни происшествий.

Происшествие заключалось в следующем. Дабы предстать перед очами Твардовского в приличном виде, я решил малость почистить своё пальто и костюм.

Выложив всё из карманов (в том числе деньги и ключи), чтобы удобнее было чистить, я вышел на лестничную площадку с пальто в одной руке и со щёткой – в другой. Гм... На что бы повесить пальто? Вижу, на двери вбит гвоздик. Оказывается, этот гвоздик специально и существовал именно на предмет чистки одежды. Я сразу об этом догадался. Догадку мою потом подтвердил вечером сосед Юра... Короче говоря, повесил я пальто на гвоздь и, чтобы удобнее было чистить, чтобы дверь была устойчивее, потянул её на себя. Раздался бодрый металлический щелчок. Как уже догадался проницательный читатель, это сработал нехитрый механизм английского замка. Я улыбнулся. Да, именно улыбнулся. Ничего иного я не смог бы сделать. Стало совсем весело, когда я ещё глубже осмыслил потрясающую безнадёжность моего положения.

Чужой город. Чужой дом. Здесь никто не знает меня, кроме Ирины.

Ирина и соседи по квартире (у них тоже есть ключи) придут только вечером. Я мог бы поехать к Ирине на работу за ключом, но адрес библиотеки записан в записной книжке. Книжка лежит на столе в квартире.

Впрочем, у меня и денег-то нет на дорогу. Больше того, и фуражки нет, а на улице холод. Позвонить по телефону? Номер телефона – в записной книжке. Да и двух копеек нет.

Робко я постучался в дверь к соседям по этажу. Застенчиво объяснил смысл положения. Соседка посочувствовала мне, посоветовала идти в домоуправление.

Дальше уже мало интересного. Скажу только, что мне повезло – пришла соседка по квартире (тётя Люба) и выручила меня.

Поехал я в «Новый мир».

Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи.

«Флажки», «Ночная смена», «Земля» намечены в первый номер журнала» [№ 63. С. 50-58].

Далее приведём небольшой фрагмент из статьи А. Жигулина «Слезам нужно верить...»: «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но, узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно присмотрелся ко мне и сказал:

– Вид у вас болезненный, но глаза весёлые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, заинтересовался подробностями моей трудовой биографии» [2; 287].

Строки из дневника:

«5 ноября 1961 года, в воскресенье, был я в издательстве «Молодая гвардия». Познакомился с редактором русской прозы и поэзии Дм. Ковалёвым, а также с поэтом Вл. Фирсовым, который сейчас работает там редактором вместо Вл. Цыбина.

Чертовски не хочется описывать все издательские встречи и беседы. Скажу очень коротко. Рукопись уже была отрецензирована. Положительную рецензию написал Н. Старшинов. Фирсов читал тоже – в восторге. Читал и Ковалёв – был тронут до глубины души. План забит до 65 года, но, узнав о моей беседе с Твардовским, решили товарищи из издательства выпустить мой сборник в 62-м году. Читал им стихи – понравилось. <...>

9-го ноября Дм. Ковалёв сообщил мне, что говорил с Твардовским насчёт моей книжки и что Александр Трифонович сказал обо мне и моих стихах много добрых слов.

7-го ноября вечером ходили на Красную площадь. Очень хотелось плюнуть на могилу Сталина, но не пробились» [№ 63. С. 59-60].

В один из тех дней в Воронеж на имя А. М. Абрамова была послана ещё одна телеграмма: «БЫЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ ИДУТ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРАЗДНИКОМ ЦЕЛУЕМ ИРА ТОЛЯ».

Школа мастерства и житейской мудрости

Беседы с А. Т. Твардовским стали для молодого поэта настоящей школой мастерства и житейской мудрости. Как отмечал Жигулин, у Александра Трифоновича было обострённое чувство совести, долга и какой-то необыкновенной сопричастности к чужой боли. Он считал, что любой литератор – и маститый, и начинающий – должен с чрезвычайно высокой ответственностью относиться к собственному творчеству, отдавать всего себя без остатка делу. Именно так Твардовский относился к самому себе, к собственным стихам и прозе.

«10 февраля 1962 года, суббота.

...Сейчас слушал выступление А. Твардовского на вечере, посвящённом 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Очень яркое выступление! Да, надо учиться в первую очередь у Пушкина [№ 65. С. 86].

В мае–июле 1962 года А. В. Жигулин находился на лечении в Московском научно-исследовательском институте туберкулёза Минздрава РСФСР. Как видно из записей в дневнике Жигулина, в этот момент А. Т. Твардовский принимал личное участие в его судьбе.

«14 мая 1962 года, понедельник.

Вечером приходила Хвойкина (одно из шуточных имён, данных Жигулиным Ирине Неустроевой. – В. К.). Она говорила по телефону с Твардовским. Александр Трифонович и в жизни реалист. Высказал предположение, что, может быть, Богушу (Богуш Л. К. – торакальный хирург, доктор мед. наук, профессор, академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии. – В. К.) не потребуется «данный экземпляр больного».

Из Союза (писателей. – В. К.) написали Богушу письмо. Что-то делается. Я, однако, стараюсь не вникать в эти дела – пусть будет, как будет» [№ 70. С. 4-5].

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила!.. Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы!

Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания: «Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому.

С большой радостью прочёл повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря» [№ 78. С. 47-48].

Как свидетельствует корешок почтового отправления, аккуратно вложенный А. В. Жигулиным между страниц записной книжки, телеграмма, действительно, была послана в редакцию «Нового мира».

Видимо, загоревшись желанием осилить большие жанровые формы поэзии, которые были подвластны тому же Твардовскому, в феврале 1963 года Жигулин представил в «Новый мир» «поэму» под условным названием «Не верю в слёзы». Фактически это был цикл лагерных стихов, причём большинство из них были уже опубликованы в сборнике «Костёр-человек».

«3 марта 1963 года, воскресенье.

Хорошего мало. Говорил по телефону с Александром Трифоновичем. Он «научил» меня пойти к Карагановой. Смысл разговора таков. Необязательно стихи должен читать всегда главный редактор.

– Не повисайте, – говорит. – В редакции вас знают и знают моё отношение к вам. Вам ведь ещё не отказали, так и несите стихи Карагановой. А я их прочту, может быть, только в вёрстке. Вы взрослый человек и смелее действуйте сами.

Вот такова была приблизительно беседа. Ещё Твардовский говорил, что мог бы уделить мне несколько минут, но у него совещание в ЦК и он сейчас не выходит (т. е. болеет).

После разговора я сначала огорчился, а потом передумал. Ведь Твардовский прав. Не может же он меня всё время вести за ручку. Надо самому учиться ходить. И он по-деловому посоветовал, что надо делать.

А что ему сейчас не до молодых поэтов – это тоже верно. Видел я на днях Панченко и он рассказал, что сейчас в разгаре травля Твардовского и «Нового мира» за последние публикации, в частности, за Эренбурга, Некрасова, Яшина. Действительно, предстоит какое-то совещание в ЦК и новая встреча с молодыми писателями. А во вчерашней «Лит. газете» иезуитская статья В. Кожевникова. Ругает «Матрёнин двор» Солженицына. Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ «Матрёнин двор» – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела» [№ 79. С. 81-83].

«6 марта 1963 года, среда.

Днём в понедельник, 4 числа, поехал в «Новый мир». Караганова встретила меня приветливо, хотя и не узнала сначала. Достала мою рукопись и говорит:

– Надо нам с вами пойти ещё к Александру Трифоновичу. Он уже читал ваши стихи и у него есть замечания, но я сначала скажу вам о своих замечаниях. Между прочим, это, конечно, ни в коем случае не поэма, это цикл стихов. Я даже, видите, зачеркнула здесь слово «поэма». А Александр Трифонович прочитал и спросил: «А где же поэма? Он мне говорил о поэме».

Вот так приблизительно начался разговор с Карагановой. Что ж, начало было очень обещающим и я возрадовался в душе. Значит, думаю, будут печатать. Тем более, что Твардовский заинтересовался стихами [№ 79. С. 92-93].

«Твардовский принял нас в небольшом кабинете, в том, что рядом с большим залом. Сказал:

– Здравствуйте, товарищ Жигулин! Ну, что ж, сядем рядком и поговорим...

И начал читать стихи и делать замечания. Итог разговора таков. Работать надо над стихами «Москва», «Поезд», «Вина». В первых двух переписать последние строфы. <...> Дойдя до главы «Вина», сразу перечеркнул средние строфы карандашом и сказал:

– Это всё от лукавого. Ничего вы не могли знать и понимать даже смутно!

И даже предпоследние две строфы вымарал, сказав:

– Нет-нет! Это ни в коем случае нельзя!..

<...> Что ещё сказать? Поэма, безусловно, проиграла, когда её стали рассматривать, как цикл стихов. Твардовский разгромил такие стихи, как «Отец», «Сны», «Стихи» по отдельности очень легко. Вместе (в поэме) им было бы удобнее защищаться. А когда их рассматривали по одному, то каждое стихотворение было убито такими словами:

– Ну, и что? И зачем это?

И всё-таки Твардовский сказал, что в «Снах» есть отличные строфы, что «Стихи» тоже интересны, но плохо, что гениальные лермонтовские строки обрамляют мои слабые и нерифмованные. Невыгодное соседство!

Окончание главы «Москва» он предложил сделать теплее, человечнее. Зачем, мол, эта твердокаменность – «не верю в слёзы»? Разве это хорошо – не верить в слёзы? И Москва, мол, получается какой-то свирепой, а вы к ней присоединяетесь. <...>

Были замечания и по «Хлебу», и по другим стихам. И разговор был довольно большой, наверное, не меньше полчаса. Потом расспросил меня о здоровье и о жизни. Я рассказал, что чувствую себя неплохо, что женился, что жена – та девушка, что ему звонила, когда я лежал в больнице. В общем, он со мной тепло поговорил и душевно. <...>

Вот запомнил ещё одну деталь. Когда говорили о стихотворении «Хлеб», Твардовский спросил, действительно ли была норма 20 кубометров. Я объяснил, что норма зависит от диаметра деревьев, от породы дерева, погоды, пилы и т. п. Объяснил, зачем «бойся!» кричат. <...>

Караганова говорит, что, может быть, в ближайшее время они и не смогут дать эти стихи, но всё-таки хотят иметь их в своём портфеле» [№ 80. С. 3-13].

Видимо, осознав правоту замечаний А. Т. Твардовского, Анатолий Жигулин больше не возвращался к идее объединить под сводами «поэмы» отдельные лагерные стихи, в том числе в перестроечное и постперестроечное время.

«Обложили, как волка, флажками...»

Это известное стихотворение Анатолия Жигулина, написанное в 1981 году на основе его личных воспоминаний и переживаний, безусловно, можно поставить эпиграфом к рассказу о той беспрецедентной травле, которая на протяжении многих лет велась против Александра Твардовского и возглавляемого им журнала «Новый мир»:

Обложили, как волка, флажками,

И загнали в холодный овраг.

И зари желтоватое пламя

Отразилось на чёрных стволах...

В журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Огонёк» и центральной прессе (газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и др.) периодически публиковались материалы с прямыми или косвенными нападкамии на «Новый мир». Делалось это в виде различных «рецензий» на новомировские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц на газетных полосах и т. д., и т. п.

Затяжную литературную (фактически – идеологическую) борьбу с «Новым миром» вёл журнал «Октябрь» (главный редактор В. А. Кочетов, автор романа «Чего же ты хочешь?», направленного против «разложения советского общества западной псевдокультурой и пропагандой»).

Не отставал от него и еженедельник «Огонёк» (главный редактор А. В. Софронов, один из советских «литературных генералов», автор патриотически-государственнических стихов и поэм, по преимуществу – на донскую тему). 26 июля 1969 года в «Огоньке» появилось письмо под тенденциозным заголовком «Против чего выступает "Новый мир"?» одиннадцати писателей, обвинивших журнал в том, что он является «проводником буржуазной идеологии и космополитизма». По своему стилю и содержанию оно напоминало скорее политический донос, чем попытку вести конструктивную полемику. При этом большая часть авторов, подписавших данное письмо, как отмечалось в кратком и сдержанном ответе, опубликованном в журнале из-

за препятствий цензуры лишь в сентябре, «в своё время подвергалась весьма серьёзной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма».

Вот лишь небольшая часть записей в дневнике, отразивших переживания А. Жигулина в связи с развернутой против А. Твардовского и «Нового мира» широкомасштабной обструкционной кампанией.

«6 марта 1963 года, среда.

...Нынче в изд-ве «Мол. гвардия» я узнал, что положение с «Новым миром» тревожное. Готов проект решения о снятии Твардовского с поста главного редактора. Завтра состоится встреча руководителей Партии и Правительства с писателями. Будут выступать Шолохов, Софронов и другие лидеры правого крыла. Будут ругать Твардовского. И, видимо, сам Никита Сергеевич выступит» [№ 80. С. 9].

«2 апреля 1963 года, вторник.

Утешительно мало в жизни. Чёрная сотня совсем распоясывается. Нынче в «Лит. газете» некто Михаил Соколов требует чуть ли не в тюрьму посадить Твардовского, Суркова, Эренбурга. Мерзостная, хамская статья! Подло охаивает «Новый мир». А ведь при всех ошибках «Новый мир» сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего «Нового мира» в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль «Современника». <...>

Неужели уйдёт Твардовский? Это было бы ужасно. Опять поперли бы, как грибы, «Кавалеры золотой звезды» и всякие прочие «Белые берёзы». Опять мрак!

Ей-Богу, так обидно и больно за Твардовского, как за самого себя. Но он не уйдёт, он сильный человек. Его трудно свалить» [№ 80. С. 77-78, 81-82].

«18 августа 1963 года, воскресенье.

Огромная радость! В «Известиях» – великолепная поэма Твардовского «Василий Тёркин на том свете». Это предельно смелая сатира на те мерзости, которые творились в нашей

стране при культе, на те мерзости, которые и нынче в значительной степени у нас здравствуют в виде дураков-перестраховщиков в Воронежском обкоме...

Заметка А. Аджубея (главный редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущёва. – В. К.), предваряющая публикацию, довольно своеобразная (чтобы не сказать иезуитская – весь целый год «Известия» планомерно травили Твардовского и «Новый мир»). Аджубей, в частности, пишет: «Наверное, вызовет она (поэма – А. Ж.) и споры, и возражения, и это хорошо!..» Да, это хорошо, если споры и возражения. Но плохо, если начнётся травля. Как бы не спустили кочетовских собак. Могут и письма появиться «от читателей», как это было с А. Яшиным и Ф. Абрамовым. Но всё равно Твардовский – гений! И великое дело сделано – поэма живёт! Она многому научит людей, многим шире откроет глаза.

Дай Бог здоровья Александру Трифоновичу! Всё. Нету слов больше» [№ 83. С. 45-48].

В первом номере «Нового мира» за 1965 год была опубликована статья А. Твардовского «По поводу юбилея» (в рамках дискуссии с журналом «Октябрь» речь шла о партийности литературы, её задачах и судьбах). Это публикация вызвала новый шквал критики и даже брани в адрес А. Твардовского и «Нового мира». 14 апреля 1965 года в «Известиях» вышел резкий, несправедливый и явно инспирированный сверху, со Старой площади, где располагался комплекс зданий ЦК КПСС, отклик известного скульптора Е. Вучетича.

«16 апреля 1965 года, пятница.

Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с передержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за «Известия». Впрочем, им не в первый раз... Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в «Известиях». Наверное, для «Правды» показалась слишком глупой. Впрочем, в «Правде» появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году» [№ 90. С. 29-30].

«8 сентября 1969 года, понедельник.

Получили в бухг. «Известий» за 7-й номер «Н. м.» 147 р. 41 к. Неожиданная радость – так много! По четыре рубля за строку.

Зашли в редакцию к Юре Буртину, выразили в его лице признательность журналу. Грустно побеседовали о жизни. А Солженицына запрещено даже упоминать. Считается, что вроде бы даже и не было такого писателя. Ответ авторам «огоньковского» письма удалось дать с большим трудом – против была и цензура, и ЦК. Вёрстка журнала теперь читается не только Главлитом. Главлит каждый номер направляет в ЦК партии. А там он попадает в руки Барабаша, Мелентьева... Ну и ну! [№ 112. С. 7].

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30.

Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в «Лит. газете». Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. Мерзавцы! Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунеядца. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок» [№ 112. С. 62-63].

Разгром «Нового мира»

Затянувшийся конфликт А. Т. Твардовского с партийными и литературными властями достиг апогея после смещения Н. С. Хрущёва с высших постов (это произошло на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 года).

В числе представителей высшего эшелона власти, особо рьяно выступавших против журнала и А. Т. Твардовского, были,

в частности, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, один из лидеров национально-патриотического движения (именно в его подчинении находилось издательство «Молодая гвардия»), и начальник Главного политического управления Армии и Флота А. А. Епишев, своим волевым решением запретивший подписку на «Новый мир» в Вооружённых силах.

Учитывая внушительный авторитет А. Т. Твардовского, руководство Союза писателей не решалось уволить его с поста главного редактора «Нового мира», как говорится, «одним росчерком пера». Тогда было решено действовать в соответствии со старой русской поговоркой: «Не мытьём, так катаньем». После решения Секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначении на эти должности людей из «противоположного лагеря» загнанный в угол Твардовский в феврале 1970 года был вынужден сложить редакторские полномочия.

«9 февраля 1970 года, понедельник, 16.25.

Плохо! Очень плохо! Кажется, что и не может быть хуже. Но это обманчивое ощущение – хуже, конечно, бывает, и, видимо, ещё будет хуже.

Начинаю с самого тяжкого. Задушили «Новый мир» – последовательно на двух Секретариатах СП СССР – 4 февраля и нынче, 9-го. Внешний повод – публикация за рубежом поэмы Твардовского. По последним сведениям (И. Золотусский сказал по телефону) – из редколлегии выведено пять человек: Лакишин, Виноградов, Марьямов, Кондратович и ещё кто-то, кажется, Сац. Введены в редколлегию: Косолапов, Рекемчук, Наровчатов, какой-то критик Олег Смирнов, и бывший редактор «Сов. культуры» Большой... Не известно, останется ли Твардовский редактором, но в любом случае прежний «Новый мир» прекратил своё существование [№ 112. С. 172-173].

«10 февраля 1970 года, вторник, 22.00.

Так горько и грустно, что и писать не хочется. Не одному мне тяжело... Погиб «Новый мир»... Говорил сейчас с Лёвой Левицким. Он тоже в унынии. Первый номер уже печатается. Это последний будет номер, подписанный Твардовским. <...>

Говорил днём с Игорем Золотусским. Он был в «Н. м.». Ребята собирают бумаги. Разгром. Уходят из редколлегии (кроме пяти уже выведенных) и Твардовский, и Дорош, и Хитров. Уходят все работники редакции, даже корректоры. В редколлегии остаются из старых только всеядные представители «дикой дивизии» – Айтматов и Гамзатов. И «крупный писатель» К. Федин – инициатор и главная движущая сила этого гнусного дела. <...>

А Наровчатов всё-таки устыдился: каким-то образом сумел всё-таки отказаться от сомнительной чести. Переиграли. Вместо него в числе первой пятёрки новой редколлегии – некто А. И. Овчаренко, крупный специалист по соцреализму ещё со сталинских времён. Завтра в «Л. Г.» рядом с половинчатой рецензией на роман Кочетова будет первая маленькая информушка о разгроме «Нового мира». Мелким незаметным шрифтом. Это для всей страны. А в московском выпуске «Л. Г.» информация, возможно, будет чуть побольше – будут указаны и лица, принимавшие участие в секретариате. Возможно, будет и письмо Твардовского (по поводу публикации за границей поэмы).

Что ещё сказать? В новую редколлегию «Н. м.» стремится и Миша Синельников. А этот самый А. И. Овчаренко уже выступал несколько дней назад на пленуме по критике – обвинил Твардовского в защите кулачества. Это он уже на основании новой поэмы. Сразу ему за это кусок пирога – в редколлегию «Нового мира». Хоть бы название журнала сменили, сволочи. Или вовсе закрыли бы.

И ещё мелкая обида: мы на целый год на «Н. м.» подписались. А зачем он нам теперь? Статьи Синельникова читать?..

Плохо. Очень плохо. Полный закат наступает» [№ 112. С. 174-177].

«13 февраля 1970 года, пятница, 12.30.

Сейчас, когда я пишу эти строки, идёт заседание Секретариата СП СССР. Рассматривают заявление Твардовского, радостно потирают руки. Добились своего: формально Твардовский уходит сам. Не нужны громкие статьи об ошибках журнала и т. п. Заявления об уходе подали также Е. Дорош и М. Хитров.

...Существуют письма протеста против разгрома «Нового мира». Письмо учёных. Письмо писателей (по словам Г. Красухина: Исаковский, Можаяев, Тендряков, Аксёнов, Евтушенко, Вознесенский, Ю. Трифонов, С. Антонов – всего около 15).

12 лет существовал «Новый мир» Твардовского. Целая эпоха русской советской литературы. Наши внуки и правнуки, наши потомки будут изучать в школах этот период. Специальный раздел будет в учебниках литературы.

Вся прогрессивная Москва прощается с «Новым миром». Сотни людей ежедневно приходят в редакцию в эти дни. Словно на панихиду, словно на похороны» [№ 112. С. 181-182].

Из приведённых выше записей А. В. Жигулина видно, как тяжело перенёс он разгром редакции «Нового мира». А болезнь и преждевременная смерть Твардовского, случившаяся 18 декабря 1971 года в подмосковном посёлке Красная Пахра, стали для него личным горем.

Да только ли для него одного? Александр Солженицын в своём Поминальном слове о Твардовском, составленном к девятому дню после его смерти и распространявшемся через Самиздат, гневно писал: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище – его страсть – его журнал» [4].

Смерть и похороны Твардовского

18 декабря 1971 года А. В. Жигулин вместе с другими литераторами приехал в Академию общественных наук при ЦК КПСС и принял участие в вечере, посвящённом 150-летию со дня рождения великого русского поэта, писателя и публициста, классика русской литературы Н. А. Некрасова. В этот момент пришла весть о смерти А. Т. Твардовского.

За три недели до этого, 26 ноября 1971 года, Жигулин выступал на подобном вечере в Литературном музее. Отметив огромный вклад Н. А. Некрасова в общественно-политическую жизнь и русскую литературу, Анатолий Владимирович сказал (цитируем по его записям в дневнике):

– Традиции Некрасова живы и сейчас в советской поэзии. Несомненно, самым ярким представителем некрасовской школы является наш современник и тоже – не побоюсь сказать – великий поэт Александр Твардовский. И общественно-гражданская деятельность Твардовского, и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н. А. Некрасова.

Далее Жигулин прочитал небольшое стихотворение, посвящённое А. Т. Твардовскому:

Осень, опять начинается осень.

Листья плывут, чуть касаясь воды.

И за деревней на свежем покосе

Чисто и нежно желтеют скирды...

Завершил он выступление такими словами:

– Александр Трифонович сейчас тяжело, неизлечимо болен. Как видите, даже этим обстоятельством он как бы повторяет судьбу Некрасова... [№ 118-а. С. 1-6].

И вот случилось то, что должно было случиться.

«18 декабря 1971 года, суббота.

Умер А. Твардовский, великий русский поэт.

Узнал об этом от Е. Сидорова в Академии общественных наук, куда приехал выступать на вечер Некрасова. Приехал С. С. Наровчатов и подтвердил: да, Твардовский умер на даче этой ночью... Слов нет никаких. Никакими словами не выразить боль и горечь. Убили великого поэта! Убили сытые и благополучные – той самой породы люди, коим я читал нынче стихи!.. Никогда больше не буду выступать в подобных учреждениях...» [№ 118. С. 82].

21 декабря 1971 года, в среду, состоялись похороны А.Т. Твардовского. В своём дневнике Жигулин сделал подробные записи об этом печальном дне. Приведём отдельные фрагменты:

«Ещё не было десяти утра, когда я поехал в ЦДЛ. По дороге купил свежие и вчерашние вечерние газеты. Всё не верилось, что так и не будет объявлено о времени и месте прощания, похорон. Увы! Нигде ни единой строчки! Какая жестокость! Какой позор! Намеренно лишили народ возможности проститься со своим великим поэтом. Что ж, российские правители всегда боялись

великих поэтов России, даже умерших. Гроб с телом Пушкина, накрытый простой рогожей, тайно увезли в Святогорский монастырь в сопровождении двух жандармов... Иные времена – иные масштабы: ещё с Садового кольца из автобуса заметил я цепи милиционеров в чёрных дублёных полушубках. А в самом ЦДЛ сразу бросилось в глаза обилие незнакомых молодых мужчин с настороженными лицами. У некоторых повязки «дружинник». Так и стояли они шпалерами вдоль стен большого зала, вдоль всего пути к гробу... Вот уж воистину: у страха глаза велики. Вооружённого восстания что ли боялись?! Несмотря на все жестокие меры, людей было много. И откуда только узнали? С девяти утра до самой панихиды люди шли непрерывно. Я думаю: если бы было объявление в газетах, народ заполнил бы всю площадь Восстания и ближайшие улицы.

Первая живая душа, которую встретил я в вестибюле, был Лёва Левицкий. Мы прошли с ним первый прощальный круг. Гроб стоял на сцене чуть наклонно к залу. Много венков с красными и белыми лентами. Живые и бумажные цветы. Лицо Твардовского жёлтое, без морщин. Потом я разглядел и запомнил его хорошо, когда стоял в почётном карауле. Стояли мы с Лёвой Левицким, Ф. Световым. И незнакомая какая-то писательница была с нами четвёртой. Ордена и медали на красных шёлковых подушечках. И подумалось: какая это пустота – эти побрякушки рядом со смертью, с окончанием жизни. <...>

Говорили речи: С. Наровчатов, А. Сурков, С. Орлов, Г. Абашидзе, генерал Востоков (заместитель Епишева, одного из самых яростных гонителей «Нового мира»), К. Симонов. Проникновенно вроде, но пусто, слишком трусливо и слишком отрепетировано говорили все. Кто лучше, кто хуже говорил, но никто главного не сказал. Только К. Симонов робко упомянул «Новый мир», сказал о честности и принципиальности Твардовского и назвал его великим поэтом. И зал словно вздохнул облегчённо (так мне показалось) – хотя малая доля правды была сказана.

Наровчатов закрыл митинг. И вдруг в тишине раздался женский голос из задних рядов, что ближе к ложам. Взволнован-

но кричала молодая женщина. Ей мешали. Голос её был слаб. До-летали до сцены отдельные слова, отдельные фразы:

– Почему никто не сказал, что Твардовского затравили, лишили его любимого детища?.. Почему не сказали, что последняя поэма Твардовского не напечатана, запрещена?..

Женщину утихомирили. Возникло несколько странное ощущение...

Потом – вынос тела. Встреча с Г. Троепольским, очень горюет старик.

Автобусы, много специальных автобусов. Амурные розовые заснеженные стены и башенки Ново-Девичьего монастыря. Это – ещё из окон автобуса. А когда вышли, первое, что бросилось в глаза – оцепление. Сотни солдат на расстоянии метра друг от друга окружили всё кладбище. И в пустом блестящем от солнца и снега пространстве – милицейские машины. Оказывается, никого из простых людей на кладбище не пускали. <...> Холод. Перекрикивания милицейских офицеров:

– Сниматься будем ровно в четыре!..

Говорят, первую горсть земли бросил в могилу А. Солженицын. Он был и на панихиде, но я его не видел. Много было людей. <...>

Обратил вдруг внимание: кто-то фотографирует одну из могил, самую обычную могилу. Пригляделся: это, оказывается, могила Н. С. Хрущёва. Потом, когда уже все расходились, мы с Б. Слуцким и В. Огневым постояли немного у этой могилы, сняв шапки. Почтили память Никиты Сергеевича...» [№ 118. С. 86-96].

Вместо эпилога

В своей статье «Слезам нужно верить...» Анатолий Жигулин написал: «Говорят, Твардовский в жизни бывал порою суров и даже резок, в частности, в отношениях к молодым поэтам. Допускаю, что в этом есть небольшая доля истины, идущая от высоких требований поэта к стихам. Но мне всегда открывался в нём прежде всего человек добрый, участливый, готовый помочь. Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже

– не побоюсь сказать – для окончательного формирования моего мировоззрения. Не говоря уже о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...» [2; 288-289].

О своих встречах с А. Т. Твардовским, о его редакторских и житейских уроках А. В. Жигулин написал в повести «Чёрные камни» (1988), в «Страницах автобиографии», опубликованных в однотомнике «Избранное» (М. : Художественная литература, 1981), в многочисленных интервью и письмах.

Есть все основания полагать, что в последние годы, несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья, А. В. Жигулин мечтал написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о великих современниках. В том числе – и прежде всего! – о Твардовском. Он всё чаще обращался к своим дневникам и рабочим тетрадям, перечитывал их, делал новые записи. Он до последней минуты, до последнего удара сердца работал, строил планы на будущее. Но, увы, им не суждено было сбыться...

Литература

1. Жигулин А. В. Записные книжки, дневники и рабочие тетради / А. В. Жигулин. – Архив Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
2. См.: Жигулин А. В. «Слезам нужно верить...» / Анатолий Жигулин // Воспоминания об А. Твардовском (сборник). – Москва, Издательство «Советский писатель», 1978. – С. 287-291.
3. Абрамов А.М. Письма Александра Твардовского / Анатолий Абрамов. – Русское поле. Содружество литературных проектов. – 2001. – <http://podyom.ruspole.info/node/1657>
4. Солженицын А. И. Поминальное слово о Твардовском / Александр Солженицын. – Наш современник. – 1989. – №9.

Они начинали в «Новом мире»

Материалы писательского архива А. В. Жигулина (его записные книжки, дневники, рабочие тетради и письма), поступившие в 2011–2013 годах в Воронеж и хранящиеся в настоящее время в Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина, открывают новые, ранее неизвестные, страницы истории советской литературы и журналистики второй половины XX века [1].

В предыдущей статье на основе анализа эпистолярного наследия Анатолия Жигулина было рассказано о большой роли, которую сыграл в его жизни и творчестве Александр Трифонович Твардовский (1910–1971), великий русский поэт, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Новый мир» [2]. Не менее значимую роль сыграл «Новый мир» в жизни и творчестве А. И. Солженицына. На страницах возглавляемого А. Т. Твардовским журнала во времена «хрущёвской оттепели» были опубликованы первые произведения Александра Солженицына, принесшие ему мировую славу (рассказы «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай на станции «Кречетовка», «Для пользы дела», «Захар-Калита»).

Первое упоминание об А. И. Солженицыне встречается в дневнике А. В. Жигулина 23 ноября 1962 года в связи с публикацией в «Литературной газете» рецензии Г. Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось» на повесть «Один день Ивана Денисовича» (*авторское название рассказа – «Щ-854». – В. К.*).

«23 ноября 1962 года, пятница.

<...> Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключённых в особых лагерях. Сказано по существу всё в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале «Новый мир», № 11. Надо обязательно почитать!.. Да!..

Разве думал я **тогда**, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!».

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила!.. Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы!

Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания: «Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому.

С большой радостью прочёл повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря».

Как свидетельствует корешок почтовой квитанции, вложенный Жигулиным между страниц записной книжки, телеграмма, действительно, была послана в редакцию «Нового мира».

«23 января 63 г., среда.

<...> Прочитал в 1-ом номере «Нового мира» рассказ А. Солженицына «Случай на станции Кречетовка» (*авторское название* – «Случай на станции Кочетовка». – В. К.). Вещь огромной силы. Прочитал – и словно мне сердце насквозь прострелили! Не могу не думать о рассказе этом. Люди – такие живые, такие выпуклые! И сердце болит от этой живой правды. Замечательный художник Солженицын! <...> Дай Бог мне когда-нибудь такую вещь написать. Всё».

«31 янв. 63 г., четверг.

Нынче были у Абрамова (*Абрамов А. М., известный воронежский литературовед, поэт, член СП СССР, д-р филолог. наук, проф. ВГУ. – В. К.*) Он (наконец-то!) прочёл повесть Солженицына и пребывает в радостном восторге. И впечатление от моей поэмы у него, естественно, поблекло. «Глазами, – говорит, – хочу поэму-то прочитать».

Да. А за Солженицына мы и сами рады, сами не дураки. Самородок из Рязани совершил подвиг, написав «Один день Ивана Денисовича».

«3 марта 1963 года, воскресенье.

...Во вчерашней «Лит. газете» иезуитская статья В. Кожевникова. Ругает «Матрёнин двор» Солженицына (*авторское название рассказа – «Не стоит село без праведника».* – В. К.). Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ «Матрёнин двор» – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела! Может быть, и перегнул в чём-то А. Солженицын, но только не в фактах. В последние годы царствия Сталина деревня действительно была доведена до крайней бедности. Может быть, Солженицыну следовало бы рядом с Матрёной показать каких-то иных людей (например, не смирившихся с культом коммунистов), но упрекать его за то, что он таких людей не вывел в рассказе, нельзя. Он, видимо, и не ставил себе такую задачу. Нельзя охватить сразу всё, всю сложную, полную противоречий эпоху. Поэтому претензии Кожевникова неосновательны. Не нравится – пиши сам, расскажи о том, что не показал Солженицын».

«6 сентября 1963 года, пятница.

В Воронеже прочитал великолепный рассказ Солженицына «Для пользы дела». Солженицын – великий художник! Никто ещё у нас не писал так ярко и смело, так гневно, с такою болью. Разве что Твардовский. Глыбы преогромные, обросшие мохом догматизма, поднимают они. Не поднимают, а пока раскачивают, но и раскачать трудно всю эту гнусь и тупость, скопившуюся за годы культа. Мерзость злобно сопротивляется, не хочет сдавать позиции. Уже появилась в «Литературной газете» гневная до омерзения, да и страшно глупая, статейка <...> о рассказе «Для пользы дела». <...> Чувство было такое, словно мне лично в сердце наплевали. Потом решил написать письмо Солженицыну. Целых два дня ходил и сочинял в уме хорошее душевное письмо ему. Но так и не написал. Напишу, однако. А, может, и не стоит писать – удобно ли это? И без моего письма Солженицын не пропадёт – он, видно, кремень-человек. Дай ему только, Бог, здоровья!».

«29 декабря 1963 года, воскресенье.

<...> Опубликован список работ, выдвинутых на соискание Ленинской премии. И Солженицына «Один день...» выдвинули. Дадут ли?.. В «Известиях» статья об этой повести. Да, конечно же, Шухов не положительный и не идеальный герой. Это человек, исковерканный жизнью. Но это не умаляет художественного значения повести... И Ручьёва выдвинули, и Исаева снова будут рассматривать. Исаеву, наверное, дадут. В высших сферах этот вопрос, наверное, уже решён. Могут и Солженицыну дать из чисто политических соображений».

«31 января 1964 года, пятница.

<...> Единственная радость нынче – в «Правде» за 30-е число большая хорошая статья С. Маршака о повести А. Солженицына.

«Один день Ивана Денисовича» – единственное произведение из выдвинутых, по-настоящему достойное премии. <...> Конечно, талантливы и Ручьёв, и Исаев, но Ленинскую премию нельзя им присуждать. Здесь должны быть высокие требования».

«8 февраля 1964 года, суббота.

...Вчера на лекции по эстетике (на *Высших литературных курсах Союза писателей СССР* – В. К.) я сразился с <...> Астаховым. Глупо, конечно, лезть на рожон, но никак не мог я себя сдерживать, когда услышал визгливую ругань и клевету в адрес Солженицына. Выступал я довольно резко и эмоционально. Дважды просил слова и спорил с Астаховым. Ребята потом в перерыве говорят: «Зачем ты с ним связываешься, зачем врага наживаешь?». А я не могу не связываться, не могу молчать. Когда молчу, то кажется мне, что я участвую в подлости. Разве можно молчать, когда при тебе человек, облаченный доверием, говорит с кафедры другим людям явную ложь. А народ у нас из провинций, жадно всё впитывает, считает всё правдой. Тут никак нельзя молчать. Пересказывать астаховские выпады не хочется. Его доводы я, человек вовсе не искушённый в спорах, легко разбил. Астахов противопоставлял Солженицыну записки Б. Дьякова «Пережитое». Вот, мол, у кого настоящие героиборцы!.. Но ведь насытить произведение декларациями, повторяющимися на каждом шагу: «Мы были верны партии!» – это

ещё не значит создать образы борцов. Повесть Дьякова нехудожественна, беспомощна. Это детский лепет. И главный герой её – приспособленец, как правильно пишет Лакшин в первом номере «Нового мира». Статья его «Иван Денисович, его друзья и недруги» великолепна! Сейчас идёт жестокая борьба вокруг Солженицына и статья Лакшина очень нужна.

Астахов говорил, что у него есть сведения о том, что в лагере, который описывает Солженицын, было много и настоящих врагов, что в городе, который описан в рассказе «Для пользы дела», техникум в конце концов получил хорошее помещение, что в Матрёниной деревне, как сейчас выяснилось, были и хорошие «колхозники-борцы». Вот такую галиматью гнёт с кафедры Астахов и очень всерьёз это делает. А наши чудачки сидят, развесив уши, да ещё поддакивают. Как же тут можно промолчать?! Да разве Солженицын пишет очерк, разве он фотографирует действительность?! Он может как угодно использовать материал своей жизни, не спрашивая мнения какого-то Астахова.

Внёс я также ясность в вопрос о питании в лагере. Астахов упрекал Солженицына в сгущении красок. Дескать, после 1951 года, когда был введён в лагерях хозрасчёт, стали кормить хорошо. Это так, с 52 года не стало в лагерях голода. Но Солженицын описывает год, приблизительно, 50-й или начало 51-го. Это было самое тяжёлое время.

Говорили и о герое. Мой тезис: «Качество произведения не определяется степенью идеальности героя».

...Был в «Новом мире». <...> Рассказал Карагановой (С. Г. Караганова – сотрудник редакции журнала «Новый мир». – В. К.) о своём споре с Астаховым. Она посоветовала мне воспользоваться его же оружием. Мол, партия одобрила повесть Солженицына, хорошую оценку ей дали Н. С. Хрущёв и Ильичёв. Так, значит, вы, товарищ Астахов, выступаете против этих оценок?.. Только такой демагогией, по мнению Карагановой, можно на смерть поразить Астахова. Что ж, она, пожалуй, права».

«11 апреля 1964 года, суббота.

...Плохи дела и у Солженицына. Прошли было слухи, что ему дадут премию, но – увы! – нынче в «Правде» большая, гнус-

ная подборка отрицательных писем читателей об Иване Денисовиче. И это перед самым тайным голосованием! Нечестный и подлый удар!..

Сейчас <снова> сразился за Солженицына с Астаховым. Даже разволновался. Чёрт с ними! Пусть не дают Ленинскую премию! Всё равно Солженицын – великий писатель! Получит Нобелевскую. Кстати сказать, говорят, что его уже выдвинули на Нобелевскую премию. Может быть, именно с этим связана подборка в «Правде».

Говорят, что перед тайным голосованием голоса разделились так: 37 – за Солженицына, 30 – против. А надо две трети. Правда, предварительное голосование было открытым, потом будет тайное, но вряд ли будет изменение в лучшую сторону. Вряд ли у Ивана Денисовича есть тайные доброжелатели, которые не могли проявить свои чувства открыто. Скорее наоборот. Да, многим он стал костью поперёк горла».

«2 мая 1964 года, суббота, праздник.

Ровно три недели, с 11 апреля ничего не записывал в дневнике! А как много всяких событий, мыслей, впечатлений было за это время! Всего и не опишешь. Несколько раз собирался начать писать, но всё откладывал – не чувствовал в себе сил всё описать. <...>

Итак, что же произошло за последние три недели. Это время разбивается на три отрезка: 1) до поездки в Воронеж – 11–18 апреля; 2) Поездка в Воронеж на День поэзии – 19–22 апреля; 3) после поездки – 23 апреля–2 мая.

Первый период густо окрашен волнениями за повесть А. Солженицына. В это время я много слышал (и часто из первоисточников – например, от Егора Исаева) о борьбе в Комитете по Ленинским премиям. И всё принимал очень близко к сердцу. Страсти там здорово разыгрались. По словам С. И. Машинского, какой-то дегенерат из правых <...> договорился до того, что во всеуслышанье заявил на Комитете, что Солженицын был осуждён вовсе и не безвинно, что он вовсе не тот, за кого выдаёт себя.

На следующем заседании А. Т. Твардовский огласил официальное разъяснение Прокуратуры СССР о деле Солженицына, данное по просьбе «Нового мира». Прокурор СССР подтверж-

дал, что писатель А. И. Солженицын был незаконно осуждён якобы за участие в антисоветской террористической организации, ставившей целью убийство И. В. Сталина. Клеветнику пришлось публично извиниться. Факт, однако, показательный. Подонки кочетовского лагеря прибегают к прямой клевете. Ведь мысль о том, что Солженицын был правильно осуждён за шпионаж, высказывал у нас с кафедры Астахов. Эти измышления давно распространяются. Результаты голосования в Комитете стали известны задолго до их опубликования. Очень хорошо, что Исаев не получил премию. Это большая радость и она отчасти уравнивает неудачу «Ивана Денисовича». Хотя, конечно, было бы лучше, если бы был достигнут компромисс. Но правые не пошли на него. <...> Сам Егор Исаев говорил мне, что его убили голоса защитников Солженицына. Вот почти дословные слова Егора: «Дело в том, что все мои сторонники выступали против Солженицына. И Твардовский решил: раз забаллотировали «Ивана Денисовича», значит, и Исаеву не быть лауреатом».

В дневниках А. В. Жигулина есть и другие записи об этом заседании Комитета по Ленинским премиям. Вот запись от 17 июня 1970 года, в которой Анатолий Владимирович рассказывает о дружеском застолье в ЦДЛ с участием Е. А. Исаева.

«Много говорили о Твардовском и его юбилее. Исаев вспоминал свою неполученную Ленинскую премию. Более всего, оказывается, виноват, по мнению Егора, Николай Тихонов. Он задал ему вопрос при всех (при «левых» и «правых»):

– А Вы, Егор Александрович, за присуждение Ленинской премии Солженицыну?

(Егор был членом Комитета по Ленинским премиям).

У Егора были считанные секунды на обдумывание ответа. Если бы он сказал «за», то получил бы поддержку Твардовского и получил бы премию вместе с Александром Исаевичем (это я так полагаю). Но Егор сказал, что он против, и тем лишил себя премии.

Сложное, конечно, было положение Егора. Лучший был бы для него вариант, если б Тихонов не задавал этого, по мнению Егора, «провокационного» вопроса. Много лет уже Егор переживает свою неудачу и часто о ней рассказывает. Рассказывает и

о своих недавних встречах с Твардовским. Рассказывает довольно интересно и красочно, но трудно увидеть грань между правдой и <...> воображением. По его мнению, Александр Трифонович вроде бы и раскаивается, что выступал тогда против него...

Утром я подписал адрес Твардовскому. Текст хороший. К. Ваншенкин написал, по словам П. Вегина».

Следующая запись в дневнике А. В. Жигулина снова имеет прямое отношение к его учёбе на Высших литературных курсах СП СССР.

«15 мая 1964 года, пятница.

...Несколько дней готовил доклад по теории литературы на тему: «Язык повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Сегодня успешно сделал этот доклад. Говорил около 45 минут. Потом были споры и нападки со стороны некоторых противников Солженицына. Есть у нас на курсе такие, слепо ненавидящие этого писателя».

«9 сентября 1964 года, среда.

...Прочёл «Шелест листьев» В. Шаламова. Хороший поэт! Есть очень тонкие и мудрые стихи. Я так не могу писать, так рассудочно, так умно. И не знаю, плохо ли, что не могу. И не только не могу так писать, как Шаламов. Наверное, и не хочу, хотя многое мне очень у него нравится. Просто совсем поразному пишем... Левицкий говорит, что Шаламова любит Солженицын и не любит Твардовский. Однако «Нов. мир» даёт рецензию на книгу Шаламова. Значит, Твардовский может *оценить*, хотя сам так и не пишет».

«24 апреля 1965 года, суббота.

Утро. Главное событие дня. Получил письмо от А. И. Солженицына. Хорошее письмо. Просто замечательное!.. Что-то, видимо, надо о нём сказать в дневнике, но у меня слов нет. Не пересказывать же письмо, если оно сейчас лежит передо мной. Я ещё возвращусь не однажды к письму Солженицына».

Предыстория этого письма следующая. В начале 1960-х годов А. В. Жигулин познакомился с ещё одним летописцем ГУЛАГа – Варламом Шаламовым. Творческие отношения двух писателей складывались непросто. В 1964 году, когда в Воронеже вышел

сборник стихов Анатолия Жигулина «Память», Шаламов отозвался о книге отрицательно. «По его мнению, «Кострожоги», «Бурундук» и другие мои лагерные стихи плохо передают природу Сибири и Колымы, <...> он признаёт в поэзии только символы. Варлам Тихонович предлагал обратиться к его стихам. Он говорил, что в них плачет каждая травинка, каждый камешек. Но, на мой взгляд, вся суть была в том, что в тех напечатанных тогда стихах Шаламова были травинки и камешки Колымы, но не было людей», – вспоминал Жигулин.

За разрешением творческого спора поэт решил обратиться к А. И. Солженицыну. В конце 1964 года А. В. Жигулин отправил в Рязань, где после реабилитации жил известный писатель, подробное письмо и книгу «Память».

Фрагменты двух писем А. И. Солженицына, спустя многие годы, были процитированы Анатолием Жигулиным в его беседе с известным московским журналистом Вячеславом Огрызко [3]. В начале Солженицын признался: «Я вообще отношусь к поэзии XX века настороженно – крикливая, куда-то лезет, хочет как-то изошриться особенно, обязательно поразить и удивить. Но я рад сказать, что всё это совершенно не относится к Вам. Ваши стихи сердечно тронули меня, это бывает со мной очень редко. Вы – человек честный, душевный и думающий, и всё это очень хорошо передают стихи. «Кострожоги» Ваши великолепны, очень хорош «Бурундук». Ощущаю чрезвычайно родственно: «Я был назначен бригадиром», «Осенью». Да и в машинописном приложении ни одного незначительного нет».

«Я не смею никогда судить о теории поэзии (тем более что, по-моему, поэты и сами ещё ни разу не договорились о том, что такое поэзия), – писал далее А. И. Солженицын, – но мне кажется, Шаламов, говоря Вам о стихе-символе, за которым главное должно стоять неназванным, только предчувствуемым, – распространяет на всю поэзию метод только одного её направления, хоть и очень ценного, очень нежного, очень плодотворного. У нас это направление началось с Блока (не ручаюсь за точность), включает Ахматову, Пастернака (перечислять тоже не берусь) и, очевидно, самого Шаламова. Со всех сторон мне толкуют, что

вот это и есть «единственная и настоящая поэзия – когда слова даже не имеют прямого смысла, когда переходы неуловимы, алогичны, но вдруг на что-то тебе намекают, что-то навевают. Я согласен – поэзия эта великая, тонкая, изящная, настоящая, я их всех очень люблю. И всё-таки никогда не соглашаюсь, что другой поэзии быть не может. По-моему, большинство стихов Пушкина и Лермонтова совершенно не отвечают этим критериям – но ниже ли они? Едва ли. Не уступлю их. (И, что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит Некрасова – а уж, кажется, противоположнее поэзии и найти нельзя).

Поэтому я хочу всё-таки Вам посоветовать не верить Варламу Тихоновичу, что «Кострожоги», «Бурундук», «Хлеб» – не поэзия. Самая настоящая и самая нужная! И если пишется так – пишите!!».

Своё письмо, отправленное 20 апреля 1965 года, Солженицын заканчивал словами: «А прозу Шаламова постарайтесь прочесть».

Стоит отметить, что через несколько лет спор «колымских» поэтов благополучно разрешился. Однажды Шаламов, по словам критика Геннадия Красухина, пришёл в редакцию «Литературной газеты», прижимая к груди только что вышедший сборник Жигулина «Полынный ветер», и спросил: можно ли ему написать на эту книгу рецензию. Согласие было получено. И Шаламов написал восторженную рецензию, которая, правда, не была напечатана. Начиналась она так: «202 раза повторяется слово «Холод» в 144 стихотворениях, составляющих книгу «Полынный ветер». Это – не оплошность, не безвкусица, не бедность, а тончайшее мастерство и богатство поэтического словаря Анатолия Жигулина» [4].

«9 февраля 1966 года, среда.

С утра работал над стихотворением «Беяево-Богородское». Дорого начало.

Вечером Ира принесла 1-й номер «Нового мира» и я сразу же прочитал великолепный рассказ Солженицына «Захар-калита». Это чудо, а не рассказ! Больше пока ничего не могу записать. Прочту ещё раз, осмыслю...

В последние дни читаю осенние номера «Нового мира» от корки до корки. Какое великое дело делает этот журнал, его редакция, его редактор! Как всё по-настоящему честно, талантливо, идейно! Какие превосходные статьи на научные темы! Читаешь и душа радуется. Легче жить, легче дышать, когда есть такой журнал, такие люди».

С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Кремлёвском Дворце съездов в Москве проходил XXIII съезд КПСС. Записи в дневнике писателя свидетельствуют о том, что А. В. Жигулин внимательно наблюдал за ходом партийного форума, от которого во многом зависело то, по какому пути продолжится развитие страны, развитие литературы. В его дневнике вклеены вырезки из газеты «Правда» с выступлениями делегатов съезда Михаила Шолохова и первого секретаря ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюла.

Последний, в частности, заявил с трибуны съезда: «Как известно, в нашей стране каждый художник имеет право творить свободно, волен писать по своему усмотрению, без малейших ограничений. Но в такой же мере партия, наши государственные органы пользуются правом свободного выбора, что печатать. Этим ленинским принципом не все кадры, которым доверен данный участок идеологической работы, правильно пользуются. В результате появляются на свет и распространяются произведения, которые в идейном и художественном отношении слабо способствуют росту коммунистической сознательности масс. Более того, как здесь уже говорили, иные из них прямо искажают отдельные этапы жизни советских людей, вроде повести «Один день Ивана Денисовича», оценённой, кстати, журналом «Новый мир», как значительная веха в развитии советской литературы.

Недоброжелательное критиканство, а иногда и охаивание того, что досталось нашему народу в острой классовой борьбе, в условиях невероятных трудностей, не соответствует морально-политическому облику советских людей, их высокой идейности, непоколебимой уверенности в торжество коммунизма. (Бурные аплодисменты)». Газета «Правда», 3 апреля 1966 года.

По этому поводу Жигулин пишет:

«Полночь с 4 на 5 апреля 1966 года.

...Всё-таки на съезде прорываются довольно мрачные окрики в адрес литературы. Раньше своим долгом кусать «Новый мир» и Солженицына считали Егорычев и Павлов (*Егорычев Н. Г., в 1962–1967 гг. – первый секретарь Московского горкома КПСС; Павлов С. П., в 1959–1968 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. – В. К.*). Сейчас эту миссию взял на себя И.И. Бодюл, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии. Обращает на себя внимание нелепейшая формулировка его ругани. По его словам выходит, что повесть искажает этапы жизни советских людей. Что же она может исказить, какой этап? Наоборот, очень правдиво показан «этап» бериевских лагерей. И какие тут могут быть «этапы», когда описан лишь один день лагерника!?

Речь Бодюла опубликована в «Правде». В этой же газете в своё время даже Ильичев (*Ильичев Л. Ф., секретарь ЦК КПСС в 1961–1965 гг. – В. К.*) хвалил повесть Солженицына, называя её правдивой и говоря, что «партия поддерживает такие произведения». А прекрасная статья С. Маршака об «Одном дне...» тоже ведь была в «Правде». Чему же верить?.. Да, крепко, видно, стал кое-кому Солженицын поперёк горла».

«20 ноября 1966 года, воскресенье.

Из событий последних дней главное – обсуждение I-й части повести А. Солженицына «Раковый корпус» на заседании бюро секции прозаиков Моск. отделения СП. Оно состоялось 16-го, в среду, в ЦДЛ, в Малом зале.

Я пришёл в ЦДЛ заранее – в половине второго (назначено было обсуждение на два часа). Никакого объявления, конечно, не было, но, тем не менее, в фойе уже чувствовалось оживление. Я сразу узнал А. Солженицына. Он сидел на одном из диванчиков в окружении нескольких людей, из которых мне был знаком только Л. Копелев. Они о чём-то беседовали. Кто-то лихорадочно листал какую-то рукопись. Какая-то женщина рядом что-то записывала за низким столиком. Я, немного волнуясь, подошёл к Солженицыну, когда народа стало меньше (он отходил к окну с какой-то дамой; кажется, это была его жена). Я сказал:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Жигулин.

– А, Анатолий Владимирович! Очень рад вас видеть.

– Я тоже очень рад. Не сразу Вас узнал. У меня есть Ваша фотография, но на ней Вы без бороды...

– Анатолий Владимирович, я получил Вашу книгу. Спасибо! Ещё не прочитал (очень сейчас занят), но обязательно прочитаю.

Затем Солженицын сказал, что нынче в восемь вечера он выступает в Фундаментальной библиотеке Академии общественных наук, а завтра, т. е. 17-го, – в издательстве «Советская энциклопедия». (Оба выступления, как мы узнали позже, были отменены). Я заметил, что на выступления эти, наверное, трудно проникнуть. Александр Исаевич согласился со мной. Затем, извинившись («Очень сейчас занят, но, может быть, мы ещё нынче побеседуем»), пошёл пить кофе».

Как отмечает Жигулин, вёл собрание Г. С. Березко. Кроме него и А. И. Солженицына, выступили 15 человек: А. М. Борщаговский, В. А. Каверин, И. Ф. Винниченко, Н. А. Асанов, А. М. Медников, Л. И. Славин, З. С. Кедрина, Л. Р. Кабо, Б. М. Сарнов, П. П. Карякин, Е. Ю. Мальцев, П. А. Сажин, Е. Б. Тагер, А. М. Турков, Г. Я. Бакланов.

Жигулин подробно излагает ход обсуждения повести А. Солженицына «Раковый корпус», цитирует и комментирует отдельные выступления.

«В конце обсуждения выступил А. И. Солженицын. Я уже был отчасти подготовлен ириным (*имеется в виду И. В. Жигулина – жена поэта, литературный критик. – В. К.*) рассказом к тому обстоятельству, что А.И. Солженицын выглядит вовсе не так, как мы его себе представляли. Действительно, это совсем не мрачный и не угрюмый человек, каким он нам казался. Крупный, жизнерадостный, очень спокойный и уверенный в себе человек. Держится отлично, говорит убедительно, просто, говоря только о самом главном. Быстро и чётко ответил на все записки, разъяснил недоразумения, возникшие у некоторых при чтении повести. Поразила, кроме всего прочего, его есте-

ственная скромность. Он сердечно благодарил всех выступавших. В общем Солженицын буквально покорила аудиторию. Выступление его закончилось радостной овацией».

Одна из следующих встреч А. В. Жигулина и А. И. Солженицына состоялась 31 мая 1967 года в Москве на вечере, посвящённом 75-летию писателя Константина Паустовского. В своих записях, сделанных в блокноте непосредственно в ходе вечера, Анатолий Владимирович отмечает наиболее интересные, на его взгляд, моменты.

«20 ч. 15 мин. Текст моей записки Солженицыну, он сидит крайним справа в нашем ряду: «Дорогой Александр Исаевич! Я получил Ваше письмо. Спасибо! Прекрасное письмо! Рад Вас видеть здесь. Я сижу в нашем ряду в середине. Анатолий Жигулин». Ал. Ис., прочитав записку, радостно мне кивнул и поклонился».

«Он надписал мне на фото: «Анатолию Владимировичу Жигулину с большим расположением и надеждой. 31.5.67 г. А. Солженицын»».

В марте 1968 года А. В. Жигулин перенёс тяжёлую операцию. Тем не менее, он внимательно наблюдает и описывает в своём дневнике главные события в стране и мире: знаменитую «Пражскую весну», гибель Гагарина и, конечно, пропагандистскую кампанию против Солженицына, развёрнутую в советской прессе после опубликования в США и Западной Европе его романов «В круге первом» и «Раковый корпус».

«26 июня 1968 года, среда.

В «Лит. газете» большая редакционная статья против А. Солженицына».

«8 сентября 1969 года, понедельник.

<...> Потом мы с Ирой поехали... в ЦДЛ и там весь вечер собирали похвальные отзывы о моих стихах в седьмом номере («Нового мира». – В. К.). Довольно долго сидели с Ф. Искандером, Г. Семёновым. <...> С Фазилём разговор о его прозе, о Солженицыне, о «Раковом корпусе».

Потом подсади С. Куликов и Н. Тряпкин. Спартак читал <...> стихи. Рассказал, что А. Солженицына исключили в Ря-

зани из Союза писателей. Ездил будто бы туда по этому случаю Л. Соболев. Неужели правда? <...> Очень, очень может быть. Надо проверить».

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30.

Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в «Лит. газете». Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. <...> Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунядца. На это у них хватит совести. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок. Его теперь и в ЦДЛ могут не пустить... лечить не будут в поликлинике Литфонда, больничные листы не будут оплачивать.

Ужасный акт! Противоречивые слухи об исключении давно ходили, но мне всё не верилось. Великого писателя исключили из Союза писателей СССР! <...> Всё равно Солженицын переживёт своих гонителей!

Надо ему завтра написать письмо, послать книжку».

«13 ноября 1969 года, четверг.

В Москве уже известны некоторые подробности исключения А. Солженицына из СП, подробности хода собрания в Рязанском отделении. Были партийные руководители, был от секретариата правления СП РСФСР <...> Франц Таурин. Были, естественно, и рязанские писатели (ни одного не знаю). Солженицын, в частности, сказал:

– Голосуйте. Вы в большинстве. Но не забывайте, что история литературы проявит интерес к этому заседанию...».

«16 ноября 1969 года, воскресенье.

Вчера стало известно, что А. Солженицын обратился к Союзу писателей с открытым письмом по поводу своего исключения из СП. Письмо, естественно, не опубликовано... Очень подло поступили с Солженицыным. Всем писателям плюнули в лицо. Но протестовать совершенно бесполезно. Делают, что хотят. И пожаловаться некому и некуда. Они могут отменить решение Верховного Суда о реабилитации Солженицына, могут снова упрятать его в лагерь и не только его. Могут всё, что угодно, сделать. Могут, например, завтра переименовать Москву в город Мао Цзэдун. Обоснуют – надо, мол, для возрождения дружбы. И никаких протестов не будет. Вот такое положение».

«25 ноября 1969 года, вторник.

Сейчас хотел было работать, но позвонил Гена Красухин – прочитал статью против А. Солженицына из завтрашнего номера «Л. г.» – и рабочего настроения как ни бывало. Статья, естественно, подлая. Вроде тех, что писались в своё время о Пастернаке: уезжай, мол, за границу, не держим. Не поедет, конечно, Александр Исаевич за границу. Но и здесь жизни ему не будет. Пересказывать публикацию больше не буду, завтра газету купить постараюсь.

А в «Н. м.» <...> нынче или завтра партсобрание с участием представителей райкома, горкома и т. п. Предполагают, что будут требовать от работников редакции высказать своё отношение к Солженицыну и его исключению. Хотят, стало быть, услышать от работников «Н. м.» нечто вроде китайских само-разоблачений. Красухин, как обычно, считает, что могут быть кадровые изменения. Да, на «Н. м.» будут, конечно, давить».

«12 декабря 1969 года, пятница.

Вчера был день рождения Александра Исаевича Солженицына. Великий писатель. А великих писателей всегда в России преследовали. Травят и Солженицына. Дай, Бог, ему здоровья и мужества».

«19 марта 1970 года, воскресенье.

<...> Улучшаю свой «уголок юмора» – рядом с портретом А. И. Солженицына устроил на книжной полке маленькую книжечку «Устав Союза писателей СССР». Нет в нём такого

пункта, по которому Александра Исаевича можно было бы законно исключить из СП».

«9 октября 1970 года, пятница.

Поздний вечер, точнее полночь. Вчера, 8 октября 1970 года, Шведская академия присудила Нобелевскую премию по литературе Александру Исаевичу Солженицыну. Я очень рад! Солженицын несомненно заслуживает такой высокой награды. Это великий писатель. Присуждение Нобелевской премии, вероятно, явится новым поводом для травли этого писателя».

Предчувствие Жигулина не обмануло. Уже на следующий день в «Известиях» (московский вечерний выпуск) была напечатана анонимная заметка – Жигулин аккуратно вырезал её из газеты и приклеил между страниц своего блокнота:

«НЕДОСТОЙНАЯ ИГРА

По поводу присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну

По сведениям зарубежных газет и радио, Нобелевский комитет присудил свою премию по литературе А. Солженицыну.

В связи с этим корреспонденту «Известий» в Секретариате Союза писателей СССР сообщили:

Как уже известно общественности, сочинения этого литератора, нелегально вывезенные за рубеж и опубликованные там, давно используются реакционными кругами Запада в антисоветских целях.

Советские писатели неоднократно высказывали в печати своё отношение к творчеству и поведению А. Солженицына, которые, как отмечалось секретариатом правления Союза писателей РСФСР, вступили в противоречие с принципами и задачами добровольного объединения советских литераторов. Советские писатели исключили А. Солженицына из рядов своего Союза. Как мы знаем, это решение активно поддержано всей общественностью страны.

Приходится сожалеть, что Нобелевский комитет позволил вовлечь себя в недостойную игру, затеянную отнюдь не в интересах развития духовных ценностей и традиций литературы, а продиктованную спекулятивными политическими соображениями».

«16 ноября 1970 года, понедельник.

<...>10-го декабря должно состояться вручение Нобелевской премии А. Солженицыну в Стокгольме. Выпустят ли его? И выпустят ли обратно? Говорят, он сделал заявление, что передаст нобелевские 78 тысяч долларов вьетнамским детям, «детям борющегося Вьетнама»... Много всяких слухов и разговоров, официальной информации нет. Хоть бы уж писателей что ли информировали...».

О сложной обстановке вокруг опального Солженицына, о том, как система ломала души советских писателей, заставляя их отречься от «пророка в своём Отечестве», красноречиво рассказывает эпизод, описанный в дневнике А. В. Жигулина.

«3 апреля 1971 года, суббота.

Вчера, 2 апреля, был на Партбюро секции поэтов. Обсуждали персональное дело Булата Окуджавы. Вся суть его очень несложна: выступая в Молдавии от «Дружбы народов», Булат в ответ на записку: «Достоин ли Солженицын Нобелевской премии?», – ответил: «Достоин».

Я шёл на Партбюро с твёрдым решением защищать Булата. Но его уже, видно, крепко пробрали журналистские боссы <...> Короче, вопреки моим ожиданиям, Булат признал, что совершил ошибку, сожалел и т. д. Я попытался помочь ему, ухватившись за его мысль, что речь шла всё-таки о Нобелевской премии, а не о Ленинской, скажем. Нобелевская премия, мол, – премия буржуазная. Шведских академиков наша пресса ругала. Премия, стало быть, чужая, нехорошая? Солженицын, стало быть, вполне достоин этой поганой премии... Такая, мол, вероятно, логика внутренняя была у Окуджавы, когда он отвечал на вопрос. И в этом случае криминала никакого нет. <...> В общем, Булату почти сошло – поставили на вид. После Бюро было ощущение, словно в дерьме искупался. И все были гадки: кто тупостью, кто лицемерием... И сам себе до сих пор гадок: ведь по-честному-то, по-человечески действуя, не надо было мне прибегать для оправдания Булата к формальной, логической уловке. Надо было сказать:

– Друзья! Да вы что с ума походили что ли? Солженицын великий писатель! И зря ты, Булат, вину признаёшь! Достоин Солженицын Нобелевской премии! Правильно ты сказал в Молдавии! И я сейчас с тобой повторю: конечно, достоин! Зачем ломать эту дурацкую комедию?..

Вот такие дела!..».

Как и многих коллег по перу, А. В. Жигулина шокировали насильственный арест, обвинение в измене Родине, лишение советского гражданства и высылка А. И. Солженицына 12 февраля 1974 года из СССР (опальный писатель был доставлен на следующий день в ФРГ на самолёте).

Начиная с этого момента, А. В. Жигулин, делая записи в своих дневниках и рабочих тетрадях, становится более осторожен, он старается избегать острых политических тем, опасаясь возможного преследования со стороны властей – вплоть до ареста и повторного лишения свободы за свои убеждения. Он не сомневается в том, что его телефон прослушивается спецслужбами, а за ним самим ведётся постоянное наблюдение внештатными сотрудниками КГБ.

Вот, к примеру, одна из характерных записей тех лет:

«30 декабря 1980 года, вторник.

<...> Спал плохо и мало. Но жив, почти здоров. Ира вчера выкупила в Лит. фонде путёвки в Малеевку на 12 дней, на полсрока – с 31-го дек. по 11 января. <...> А я, как всегда, опасаясь ограбления. Боюсь прежде всего за коллекцию монет, за дневники (впрочем, вору их не возьмут). Их могут взять, посмотреть, на просмотр люди другой профессии».

В дальнейшем в писательском дневнике встречаются краткие и завуалированные упоминания об А. И. Солженицыне. Например, «Дядя Саша». Или: «Солженицын – письма».

Как и многие советские люди, А. В. Жигулин с большой надеждой и даже ликованием встретил начавшуюся в стране перестройку. Он приветствует изменившееся официальное отношение в СССР к творчеству и деятельности А. И. Солженицына, публикацию в журналах многих его произведений, восстановление опальному писателю советского гражданства с последующим

прекращением уголовного дела, присуждение ему Государственной премии РСФСР за «Архипелаг ГУЛАГ» в декабре 1990 года.

«6 марта 1987 года, пятница.

<...> Вечером большой разговор с Г. Красухиным о том, как перестройка отражается в газете «Московские новости», на партконференциях и (забыл слово! – P. S. – брифинге) для иностранных и наших журналистов. Процесс глубокий, подлинно революционный. Запишу самое главное.

Готовится реабилитация всех партийных деятелей (кроме троцкистов, ибо они были врагами Ленина), а Бухарин и другие вовсе не были врагами народа. Они были врагами Сталина.

Готовится публикация (кажется, в «Н. м.») «Ракового корпуса» А. Солженицына. Возможно возвращение на родину и самого Александра Исаевича. Готовится советское издание его книги «Архипелаг ГУЛАГ», как ценнейшего сборника документов. А. Солженицын на вопросы журналистов сказал:

– Я не уезжал из СССР. Меня лишили советского гражданства Указом Верх. Совета. Если меня восстановят в советском гражданстве, я с удовольствием вернусь на Родину, которую никогда не собирался покидать».

После публикации автобиографической повести А. Жигулина «Чёрные камни» (журнал «Знамя», 1988 год, №7 и 8) в Воронеже развернулась ожесточённая литературно-идеологическая борьба, в эпицентре которой оказались редакции газет «Комсомольская правда» и «Молодой коммунар».

«31 октября 1988 года, понедельник.

<...> У Елены (Е. Яковлева, корреспондент газеты «Комсомольская правда». – В. К.) ко мне просьба ...написать ей рекомендательное письмо к А.И. Солженицыну. Но мы всего лишь обменивались несколькими письмами, виделись однажды в ЦДЛ, он подписал мне свою фотографию. И позже – никакой связи почти <четверть> века. Ей надо бы просить такое письмо у академика Сахарова, у Роя Медведева и других подобных людей, которых он хорошо знает, которые связаны с ним. Да, он меня, конечно, вспомнит. Тем более, что я процитировал два его письма в «Книжном обозрении». Но понравились ли ему

мои «Чёрные камни»? Он ведь монархист. Конфуз будет, если он её не примет. Он ведь никого не принимает».

1 декабря 1988 года А. В. Жигулин в составе писательской делегации прилетел в Париж.

«5 декабря 1988 года, понедельник.

<...> Беседа с Никитой Алексеевичем Струве. Он подарил мне свою книгу и журнал, я – ему подписал «Стихотворения», 1987, и «Белый лебедь». Эти же книги я передал для Александра Исаевича Солженицына. По словам Н. А. Струве, Ал-др Исаевич положительно говорил о «Чёрных камнях» в «Знамени» и внимательно заметил моё интервью в «Книжном обозрении», где я процитировал его письма».

«26 марта 1990 года, понедельник.

<...> По телевидению – передача «Слово». Интересное в ней: чтение А. И. Солженицыным отрывка из «Одного дня Ивана Денисовича». Запись голоса на фоне фото и кинохроники. Изумительные забытые уже детали (давно не перечитывал я эту повесть). Это, конечно, жемчужина русской классики».

«29 января 1991 года, вторник.

<...> Пришёл Борис Никитин. Зашла речь о письмах А. И. Солженицына ко мне (у меня их было три). Да, были. Сейчас нет. Обнаружилось, что их нет. Они украдены из папки №МА-3 (1964-1968), где всегда лежали в специальном конверте. Возможно, взяли не из папки, а скорее всего при показе кому-то. Письма могли лежать на столе. Я мог отвлечься и т. п. Потеря обидная и копий нет. Т. е. они есть, но где они, эти копии? В какой папке? Копии я снимал, посылал А. Абрамову. Ещё кому-то».

«29 мая 1994 года, воскресенье.

<...> Газета «Московский комсомолец» (см. вырезку-вклейку) опубликовала гнусную, издевательскую, подлую статью <...> Откуда такая злоба и русофобская ненависть к Солженицыну? Я и раньше замечал презрение, охаивание Александра Исаевича <...>, но решил, что это зависть.

Однако понял нынче, в чём дело. Александр Исаевич сказал по телевидению уже, очевидно, на эту статью:

– Я русский националист.

У нас на такую смелость идут далеко не все русофилы. Разве что Стас Куняев. <...> Как теперь обустроить нашу Россию?».

С пристальным вниманием и искренней радостью А. В. Жигулин следил за сообщениями в средствах массовой информации о триумфальном возвращении А. И. Солженицына на родину. 27 мая 1994 года великий писатель вместе с семьёй прилетел из США в Магадан. Затем из Владивостока проехал на поезде через всю страну и закончил путешествие в столице.

«13 июня 1994 года, понедельник.

Медленно, с остановками едет в Москву великий писатель А. Солженицын».

«1 июля 1994 года, пятница.

Развернулась злобная травля А. И. Солженицына в печати <...> и по телевидению... <...> Почему наши литературные <...> так набросились на великого русского писателя? Потому что это русский гений».

«5 июля 1994 года, вторник.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА!

Писатель впервые в стране написал и опубликовал при тираническом режиме правду о нём: «Один день Ивана Денисовича». Писатель продолжал в невероятных условиях травли со стороны КГБ и многих «правых» писателей своё творчество: «В круге первом», «Раковый корпус». Он был выдворен из страны. Ему сказали на Лубянке:

– Или напишите заявление о выезде за рубеж или мы вас убьём!

– Я никогда добровольно не покину Родину! Можете меня убить!

Его насильно посадили в самолёт и высадили в ФРГ во Франкфурте на Майне – без визы, без документов.

Генрих Белль приютил его у себя. Солженицын совершил великий нравственный и творческий подвиг. Живя в изгнании, но беззаветно любя свою Родину, он написал бессмертные книги «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо» и многие другие.

Сейчас Александр Исаевич Солженицын возвращается в нашу безжалостно ограбленную и проданную Россию.

Радость! Конечно, радость. Тем более что на франкфуртском аэродроме в 1974 году он сказал:

– Я ещё вернусь в Россию!

И вернулся.

Но в газетах и по телевидению вдруг развернулась <...> злобная травля великого писателя. Появились полные злобы, ревности и зависти публикации <...> Кто вы, нынешние травители Солженицына? Это прежде всего либо чистые графоманы <...>, либо неталантливые, конъюнктурные литераторы, усердно служащие любой власти <...>. Побойтесь Бога, неуважаемые господа! <...> О таких И. Крылов писал:

Ах, Моська! Знать, она сильна,

Что лает на Слона.

Заткнитесь в своей злобе, хулители А. И. Солженицына! Стыдно завидовать гению, а тем более оскорблять его. От вас и пылинки не останется, а Солженицын – навсегда, как Пушкин, Толстой, Достоевский!».

«21-VII-94, четверг.

<...> Приезд в Москву А. И. Солженицына. Смотрели весь вечер по телевидению его приезд, его встречу на Ярославском вокзале, его интервью. Великий писатель, великий человек».

«28 октября 1994 года, пятница.

<...> Днём поливал свои иссохшие домашние цветы.

Вечером прекрасное выступление А. Солженицына в Думе».

«28 ноября 1996 года, четверг.

<...> В «Общей газете» статья А. Солженицына «К нынешнему положению в России». Прекрасная статья».

«4 февраля 1997 года, вторник.

Я написал утром письмо А. И. Солженицыну, надписал ему последнюю книгу и «Летающие дни» (ему и Наталье Дмитриевне). К письму приколот своё интервью в «Труде» (там многое касается его).

Письмо, книги и проч. решили передать А. И. через его Фонд.

Игра с Вовой были в Солженицынском Фонде. Это улица Тверская, 12. Когда приехали, оказалось, что Солженицынский Фонд решил выдать мне единовременное пособие ...тысячу

долларов США. Кто-то предлагал двести, но Александр Исаевич твёрдо сказал:

– Нет! Жигулину – тысячу!

Это высшая сумма, которую они могут выдать.

Спасибо, дорогой Александр Исаевич!».

«7 ноября 1997 года, пятница.

Приходила вечером и была долго Лена Санникова. Книги ей и Солженицынскому фонду. И Александру Исаевичу – издание «Книжной палаты». Надпись – на листке в архиве.

«10 ноября 1997 года, понедельник.

<...> Обзорение «Мир без границ». Завтра приедут снимать сюжет на несколько минут, посвящённый 35-летию выхода повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

«11 ноября 1997 года, вторник.

Съёмка, примерно минут 20. Инф.-аналитическая программа. Я ещё вчера подготовил ход записи. Нашёл в дневнике за 1962 год (27 ноября, дн. №78, с. 47-48) свои мысли и текст телеграммы, отправленной тогда Солженицыну и Твардовскому. В общем хорошо сказал и даже спел без повторов «Колымскую песню», но всё это сократится до пяти минут».

«15 ноября 1997 года, суббота.

<...> По телевидению в обзорении «Мир без границ» (Млечин) – жалкие крохи записи Е. Сеславиной об «Одном дне Ивана Денисовича».

«27 ноября 1997 года, четверг.

<...> Главное событие, освятившее весь день – звонок А. И. Солженицына. Формальный повод – моё выступление к юбилею «Одного дня Ивана Денисовича». Я, словно с голлодухи, на него набросился. И получил ли он мои книги в Америке и т. д. и т. п. О здоровье. У него был в прошлом году инфаркт. Заинтересовали его и мои микроинсульты и почка. И о «Чёрных камнях», о КПМ. Забастовка журналистов в Воронеже и прочее. А за 1000 долларов забыл поблагодарить. Ладно! В письме напишу. У него скоро день рождения. 11 декабря надо его поздравить. А в будущем году ему будет 80 лет, юбилей. Об «Одном дне Ивана Денисовича», о труд-

ностях, связанных с выходом подобных книг при жизни писателей. О том, что все следователи названы в «Чёрных камнях» своими именами. За это он меня похвалил».

«3 декабря 1997 года, среда.

<...> Написал корявым почерком письмо А. И. Солженицыну на 4-х страницах. Сейчас Ирка читает, боюсь заставит переписывать. <...>

Прочитала, предложила сделать две вставки».

«4 декабря 1997 года, четверг.

<...> Снял ксерокопию с письма А. И. Солженицыну и написал ему книгу «Соловецкая чайка». Созвонился с Солженицынским фондом... и Вова (*сын А. В. Жигулина. – В. К.*) отвёз всё это в Фонд. Жаль, что Наталья Дмитриевна уже ушла и будет (и то предположительно) только во вторник, т. е. 9-го. Так что ко дню рождения А. И. моя посылка может и не попасть.

Но ничего, когда-нибудь попадёт».

«12 декабря 1997 года, пятница.

<...> Вчера и сегодня читал книгу А. Солженицына «Бодался телёнок с дубом». Безумно интересно».

«15 декабря 1997 года, понедельник.

<...> Дочитал книгу А. Солженицына – гениально».

«31 декабря 1997 года, среда.

<...> Написал телеграмму Солженицыным – с Рождеством Христовым и Новым годом».

«14 января 1998 года, среда.

Вечером звонил А. И. Солженицын: поздравить с Новым годом. Вы, дескать, поздравили меня с Рождеством Христовым, а я вот со Старым Новым годом Вас поздравляю. <...> Говорили о многом. В частности, А. И. сказал, что я в своём письме ошибаюсь – что на его долю досталось гораздо меньше, чем на мою (испытаний). Говорили и о здоровье, сошлись во мнении, что лучше не резать, если можно не резать, не оперировать. Пусть всё развивается и проходит по воле Господа.

А «Урановую удочку» А. И. не прочитал – не попало ему в руки новое издание «Чёрных камней», которые вместе с «Летающими днями» Ира лично передала Наталье Дмитриевне в Фонд».

де 4-II-97 г. Солженицын сказал, что, возможно, найдёт у себя новое издание, что после переезда у него беспорядок в книгах.

– Я дарил и в Фонд.

– Вот я в Фонде возьму и прочитаю.

Я не всё записал (сократил мелочи), но разговор был очень хороший».

«12 февраля 1998 года, четверг.

<...> Утром нашёл для А. И. Солженицына копии снимков Бутугычага, сделанных в Музее Сахарова. Что-то вроде ксерокопий, но впечатляют.

<...> Была Лена Санникова. Чай, беседа, «Колымская песня». Передал с нею для А. И. Солженицына письмо, книгу с «Урановой удочкой», «Северную Гилею» («Враг») и снимки Бутугычага. И ещё – две последние чёрные книги – для Библиотеки Солженицынского Фонда. Пусть читают. И Ира настояла, чтобы я передал для А. И. ксерокс публикации о Евстигнееве (*бывший начальник «Озерлага»*. – В. К.). На ксероксе – тоже письмецо для А. И.»

«5 марта 1998 года, четверг.

<...> Звонил А. И. Солженицын. Отдельные его фразы:

– Имею счастье звонить Вам! Спасибо за «Урановую удочку»! Как Вы там выдержали!? Спасибо!

<...> Сказал, что нашлись «Летающие дни». Но он, по-моему, уже плохой – забывает, путает. «Северную Гилею» вспомнил и, что за мои стихи пострадал человек, но за какие не ясно – за «Кострожоги» или вообще за «Память». Всё у него перепуталось. Говорит, нашлись «Летающие дни», но за посвящение не поблагодарил. Да. А начал с юбилея – 45 лет! (*5 марта 1953 года умер И. В. Сталин*. – В. К.). Сейчас посмотрел ксерокопии моих писем А. И. Да, письмо от 12 февраля он прочёл. Говорил он и о ещё каком-то письме, поступившем без книг. Вероятно, это письмо от 4-II-97 г., его копии у меня нет. Говорил, что очень много приходится читать, не хватает времени».

Из записей в больничной тетради:

«9 февраля 1999 года, вторник.

<...> Вчера до поздней ночи смотрел 1-ю и 2-ю серии фильма О. Фокиной «Избранное» о Солженицыне. Интересно. Сегодня

третья серия, но очень поздно, с 23.20, и посмотреть можно, если только не поделят нового соседа. <...>

10 февраля 1999 года, среда.

Вчера Ира с Вовой были в Фонде Солженицына».

Остаётся только сожалеть, что А.В. Жигулин не успел воплотить в жизнь свой последний творческий замысел – написать мемуары о прожитой жизни, о своей счастливой и одновременно трагической судьбе, о встречах с великими современниками.

Но он всегда знал и свято верил: когда-нибудь его писательские дневники и письма, в которых кровью многострадального сердца запечатлены его боль, его вера, любовь и надежда, будут востребованы Временем, дойдут до Читателя.

Мы уверены: так и будет.

Литература

1. Жигулин А. В. Материалы писательского архива / А. В. Жигулин. – Фонды Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
2. Колобов В. Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир» (По материалам писательского архива А. В. Жигулина) / В. В. Колобов. – Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №2. – С. 107-116.
3. Жигулин А. «Трудная тема, а надо писать...» : [Беседа с писателем А. Жигулиным / Записал В. Огрызко. – Книжное обозрение. – 1988. – 19 авг. – С. 4, 15.
4. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки. Записные книжки 1954-1979. – М., 2005.

*Елена Первалова
(Московский государственный
университет печати
имени Ивана Федорова)*

Популяризация естественнонаучных знаний в изданиях М.Н. Каткова: газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник»

Интенсивное развитие промышленности, сельского хозяйства, железнодорожного строительства во второй половине XIX в., значительные достижения русских ученых в различных областях научных знаний, активизация русской разночинской интеллигенции в 1860–1870-е гг. – все эти факторы обусловили усиление интереса к естественным наукам. Однако специализированных изданий, ориентированных непосредственно на пропаганду научных знаний, в России по-прежнему было немного: «Общезанимательный вестник» В. Рюмина, «Вестник естественных наук» К.Ф. Рулье, «Природа» Л.П. Сабанеева и С.А. Усова и др., причем все они были недолговечными и, несмотря на богатство и разнообразие содержания, не имели большого количества подписчиков [23].

Главными пропагандистами научных знаний во второй половине XIX в. по-прежнему оставались газеты и «толстые» литературно-общественные ежемесячники, в структуре которых по традиции, сложившейся еще в начале века, обязательно имелся отдел науки. В связи с ростом потребности аудитории в естественнонаучных знаниях в отечественной периодике увеличилось количество научных и научно-популярных материалов.

«Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова были в первую очередь политической газетой, основное содержание которой составляли передовые статьи и материалы общественно-политического характера. На протяжении 25 лет почти в каждом номере газеты печатались передовые статьи, тематический диапазон

которых был очень широк: взаимоотношения России с западно-европейскими странами, странами Ближнего Востока, Америкой; реформирование системы образования; Кавказский транзит, строительство железных дорог, проблемы высшего женского образования, полемика с петербургскими изданиями – газетами «Весть», «Русские ведомости», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и др., политические процессы, нигилизм, революционные движения на западе, рабочий вопрос, судебная реформа, хлебная торговля, покровительственная система в экономике, национальная политика России на окраинах империи, земская реформа и реформа городского управления, сооружение Суэцкого канала, положение русскоязычного православного населения на Аляске и т. д.

Утвердилось мнение, что все остальное содержание «Московских ведомостей» было достаточно скудным. Даже сочувствовавший направлению газеты Каткова историк Д.И. Иловайский утверждал, что «Московские ведомости», если исключить передовые статьи, «не отличались богатством и разнообразием своего содержания», и из них «менее всего можно было узнать о ходе общественной жизни в самом городе Москве, за исключением риторичных отчетов о торжественных раутах и обедах, о концертах и т. п. или кратких известий о пожарных и других несчастных случаях» [31, с. 139].

А для демократически настроенной интеллигенции газета Каткова вообще представляла сплошное описание парадных обедов, отличающихся друг от друга лишь указанием на их различную географию. В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М.Е. Салтыков-Щедрин с присущим ему едким сарказмом заставил оказавшихся на необитаемом острове и неприспособленных к условиям реальной жизни генералов читать «Московские ведомости». Несчастные и голодные генералы, найдя на острове удивительным образом (!) оказавшийся там экземпляр «Московских ведомостей», смогли найти там лишь ту информацию, которая в их положении вызывала горькое раздражение и усугубляла их отчаяние – «как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани».

Однако содержание «Московских ведомостей» в период редактирования их Катковым было, несомненно, глубже и значительнее описания, приведенного Иловайским и Щедриным, и заслуживает более высокой оценки. Тематический диапазон публикуемой в «Московских ведомостях» информации год от года расширялся. Значительное место занимали материалы естественнонаучной направленности, газета знакомила читателей с научными открытиями и исследованиями, деятельностью научных обществ, результатами экспедиций и т. д., делала это в занимательной и доступной форме. Увлекательная форма подачи большинства материалов, простой доступный язык сочетались в газете с научным подходом, стремлением заинтересовать читателя, объяснить ему неизвестные факты и явления. Следует отметить, что аудитория «Московских ведомостей» состояла в основном из представителей дворянства и буржуазии, т. е. людей, обладающих достаточно высоким уровнем образования, что, несомненно, учитывалось в процессе подготовки и публикации материалов научно-популярного содержания.

Научно-популярный характер имела рубрика «Научные новости», появившаяся в газете в 1873 г. и публиковавшаяся на протяжении 1870–1880-х гг. Ее постоянным автором был И.М. Хайновский, педагог и популяризатор науки, член Московского общества испытателей природы, основатель и директор частного реального училища в Москве. Рубрика, состоявшая из 8-10 заметок в тридцать-сто строк, знакомила читателей с самой разнообразной информацией: что такое полимерность галогенов, как устроен глаз хищных птиц, где в России находятся залежи кремнезема, как работают разнообразные приборы. В ней можно было прочитать об открытиях Пастера в медицине, новых исследованиях о дифтеритре, о столетнем юбилее воздухоплавания, землетрясениях и кольцах Сатурна, протоплазме и каменных дождях, гипнотических опытах и т. д. Небольшие по объему заметки Хайновского, написанные простым, доступным читателю языком, несомненно, пользовались успехом у аудитории. Зачастую заметки сопровождались небольшими рисунками, как, например, информация о наблюдении над Солнцем иллюстри-

ровалась картинкой солнечного затмения [60]. В 1877 г. наряду с «Научными новостями» стало появляться «Научное обозрение» – регулярная рубрика, содержание которой имело более строгий научный характер. Здесь, например, описывалось устройство батометра – прибора Сименса для точного измерения глубины моря и для составления топографических карт морского дна [58], рассказывалось о результатах английской экспедиции к Северному полюсу [61], об изобретениях П.Н. Яблочкова [62], о телефонной связи, о наблюдениях профессора Ф.А. Бредихина над планетой Юпитером и т. п. Объемы научного обозрения были внушительными – от трех до 4 колонок. Автор рубрики скрывался за литерой Ц, и определить его имя сегодня, к сожалению, представляется затруднительным.

В 1876 г. в газете была опубликована достаточно большая по объему (две с половиной колонки) статья «Солнечная теплота как двигатель», подписанная инициалами К.Ц. Подробно анализируя многообразный опыт применения «солнечной машины» французского изобретателя Мушо, автор статьи выдвигал в качестве одной из первостепенных задач современной науки – поиск и изобретение новых источников энергии: «Сожигая леса и каменный уголь, истребляя запасы, скопленные природой, человек не только вынуждает обращаться непосредственно к источнику этих запасов, что мы уже видим в солнечных машинах, но и старается подражать ее заботливости, изыскивая средства накапливать искусственные запасы солнечной энергии. Вот ближайшая задача, предстоящая науке на этом пути» [32]. Весьма вероятно, что эта статья является одной из первых публикаций ученого-самоучки К.Э. Циолковского, который в это время жил в Москве и изучал физико-математические науки по циклу средней и высшей школы, занимался точными науками с одним из основоположников русского космизма Н.Ф. Федоровым. В дальнейшем большая часть научных изысканий Циолковского была посвящена именно освоению энергии Солнца, что служит еще одним подтверждением его авторства в «Московских ведомостях».

В 1885 г. в газете появилась регулярная рубрика «Научная беседа», содержание которой представляли сообщения об интересных фактах из мира науки и изобретений, но несколько изменился стиль подачи информации, он стал более публицистичным, добавились авторские оценки описываемых научных опытов и открытий. Так, например, в одной из публикаций описывались опыты над обезглавленными преступниками, произведенные французским ученым Б.В. Лабордом, который пытался доказать, что мозг продолжает функционировать даже после отсечения головы. Опыты Лаборда потрясли тогдашнее общество, так как ему, казалось бы, почти удалось добиться восстановления на некоторое время нормальных мозговых функций – в отсеченных головах. Автор «Научной беседы» «Московских ведомостей» убедительно доказывал, что возвращение сознания имело лишь мнимый характер и убеждал читателей в нелепости подобных опытов, не говоря уже об их безнравственности [63].

Целям популяризации естественнонаучных знаний служил появившийся в 1887 г. регулярный раздел «Из области научных и практических открытий и изобретений», в котором публиковались небольшие по объему заметки: «Температура планет», «Как защищаются растения», «Светящиеся бактерии в море», «Переносной электрический звонок», «Подмеси к воску и их обнаружение», «Электрический капельмейстер», «Откуда достают растения азот», «Древесная шерсть», «Механический перевертыватель нот», «Гидравлические сооружения арабов», «Энергия солнечного луча и теория происхождения солнечной теплоты» и т. д.

В «Московских ведомостях» начинал свой путь в журналистике и известный просветитель и популяризатор науки, изобретатель, основатель и издатель научно-популярного журнала «Наука и жизнь» М.Н. Глубоковский. Именно он с 1884 г. под псевдонимом М.Г. вел рубрики «Научные известия» и «Научные новости». Однако некоторые его материалы подписывались полной фамилией, например, подробнейший репортаж с проходившей в 1887 г. фармацевтической выставки, публиковавшийся сразу в нескольких номерах газеты [22].

Помимо вышеперечисленных рубрик, в газете публиковались достаточно значительные по объему (2-3 колонки) статьи, посвященные самым разным областям естественнонаучных знаний, авторами которых были известные ученые и исследователи. Со статьями, поясняющими движения небесных светил и других астрономических объектов, в «Московских ведомостях» выступал Б.Я. Швейцер – ученый-астроном, астрометрист, географ, профессор и директор обсерватории московского университета. Так, например, в феврале 1867 г. была опубликована его обстоятельная статья о предстоящем 6 марта кольцеобразном затмении Солнца [65]. Стремясь заинтересовать читателей газеты, автор даже сопроводил статью рисунком. Ученый обратился к тем читателям, которые будут находиться в пределах полосы предстоящего затмения, с просьбой обратить внимание на это любопытное явление и сообщить, какой вид будет принимать солнечное кольцо. В статье было указано, что подобного рода сообщения помогут решить вопрос, какое из сделанных ученым предварительных вычислений наиболее точно совпало с действительностью. К удовольствию ученого, в редакцию пришло более тридцати писем очевидцев с достаточно подробными описаниями наблюдаемого ими явления. По итогам наблюдений за этим нечастым явлением природы Швейцер опубликовал в «Математическом сборнике» (1867) сообщение «О кольцеобразном солнечном затмении, бывшем 6 марта н. ст. 1867 года». После смерти Швейцера на эти же темы в «Московских ведомостях» продолжал писать Ф.А. Бредихин – ученик профессора астрономии А.Н. Драшусова, директор обсерватории Московского университета, декан физико-математического факультета Московского университета, директор университетской обсерватории, создатель «московской астрофизической школы» [11].

Новости западноевропейской науки в газету сообщал профессор физики Московского университета А.Г. Столетов. Часто бывая за границей, Столетов был хорошо знаком со всеми выдающимися западноевропейскими физиками. Ученый принимал участие в международных конгрессах, состоял членом многих учёных обществ, как русских, так и иностранных. Его

корреспонденции, отличавшиеся хорошим литературным языком, знакомили русских читателей с достижениями западных ученых, особенностями преподавания естественных наук в европейских университетах [56].

Газета не только рассказывала читателям о новостях в научной сфере, но и подчеркивала практическую необходимость и значимость научных открытий. В 1880-е гг., когда в России только начиналась промышленная разработка нефти, стали появляться первые промышленные предприятия, в частности «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» (1879), создавались транспортная и сбытовая нефтяные сети и т. д., «Московские ведомости» активно поддержали научные изыскания в этой области. Так, в 1881 г. в одной из статей были подробно описаны научные опыты с нефтью, приводилось большое количество расчетов, убедительно обосновывалась дешевизна нефти и делался вывод, что «всякая замена оставшихся лесов минеральным топливом желательна безусловно» [5]. В 1882 г. в газете выступал известный ученый-химик, профессор Московского университета, один из организаторов Русского химического общества, исследователь нефти на Кавказе В.В. Марковников, научная и практическая деятельность которого содействовала развитию отечественной химической промышленности [41, 42]. Этой же теме были посвящены статьи известного геолога и гидрогеолога В.Д. Соколова [52].

На читателей – сельских хозяев были рассчитаны статьи профессора Петровской земледельческой академии К.Э. Линдемана. Ученые труды Линдемана были посвящены изучению вредителей сельского хозяйства, он неоднократно предпринимал поездки на юг России, в Западную Сибирь, на Северный Кавказ с целью изучения сельского хозяйства этих регионов и сельскохозяйственных вредителей. В своих статьях он подробно описывал меры борьбы с вредителями сельскохозяйственных угодий путем проведения различных агротехнических мероприятий и т. п. [38, 39, 40]. На темы сельского хозяйства писал в газету также известный агроном и публицист И.У. Палимпсестов, препода-

даватель естественных наук, сельского хозяйства и садоводства в Ришельевском лицее и в Новороссийском университете.

Заслугой «Московских ведомостей» стали публикации по проблемам народной медицины и общественной гигиены, пропаганда профилактики эпидемиологических заболеваний. Первым, кто обратил внимание на эти почти не разработанные в литературе темы, был врач и гигиенист Н.И. Соловьев, автор постоянной рубрики «Известия из медицинского мира». Значительным вкладом в дело народной медицины стал труд Соловьева «Санитарная карта Московского военного округа и г. Москвы», часть которого была напечатана в «Московских ведомостях» [55].

По вопросам профилактики инфекционных заболеваний в газете выступал известный врач-инфекционист и эпидемиолог Г.Н. Минх. В 1874 г. Минх доказал опытом на себе заразительность крови больных возвратным тифом, указал на роль кровососущих насекомых в распространении сыпного и возвратного тифов. В 1879 г., во время эпидемии чумы в Астраханской губернии, Минх был командирован в зараженные местности. Он исследовал не только Астраханскую губернию, но и Решт в Персии и некоторые места на Кавказе с целью выяснения путей эпидемии; результаты опубликованы им в «Отчете об астраханской эпидемии». В «Московских ведомостях» был опубликован ряд писем Минха из зараженной чумой районов, в которых Минх детально описывал устройство карантина, включая т. н. «окурочную», опросный пункт, чумное отделение и т. д.) [43, 44]. Письма сопровождалась картами зараженных районов, схемами карантинных и т. п.

О необходимости профилактики заразных болезней в газету писал начальник Московской врачебной управы доктор медицины В.М. Остроглазов [45, 46, 47]. В 1884 г. во время очередной вспышки эпидемии холеры «Московские ведомости» опубликовали целый цикл статей доктора-эпидемиолога М. Богомолова, в которых разъяснялись источники заболевания, пути и меры борьбы с заболеванием, методы профилактики болезни [12, 13, 14, 15, 16]. Большое место в обширных по объему ста-

тнях Богомолова занимали разъяснения по поводу исследований немецкого врача и микробиолога Роберта Коха, который в эти годы как раз участвовал в экспедиции в Египет и Индию и занимался поисками возбудителя холеры [17, 18].

Еще одним способом привлечь внимание читателей к проблемам естественных наук были публикации о результатах научных экспедиций. «Московские ведомости» зачастую сообщали читателям уникальные сведения о путешественниках, первооткрывателях, исследователях малоизученных территорий. Так, в 1869 г. газета сообщила читателям о заседании отделения физической географии Русского Географического общества и выступлении знаменитого русского зоолога и путешественника Н.А. Северцова, который в 1865–1867 гг. осуществил поездку на Тянь-Шань и в окрестности озера Иссык-Куль и в Ходжент. «Московские ведомости» указывали на огромное значение исследований Северцова и собранных им в ходе путешествия зоологических, географических и геологических наблюдений, коллекций, составленных подробных карты пройденных местностей и т. п. [7]. В 1873 г. газета в нескольких номерах публиковала «Заметки о Туркмении» – наиболее интересные эпизоды из отчета генерала И.Н. Стебницкого о путешествии в Закаспийский край в 1872 г. [29]. Весной 1873 г. газета сообщила новые известия об известном путешественнике Н.Н. Миклухо-Маклае, опубликовала несколько писем ученого, которого на тот момент уже считали погибшим [6]. В 1874 г. в «Московских ведомостях» были напечатаны путевые дневники Джекоба Уэнрайта – чернокожего спутника британского путешественника, миссионера и врача Давида Ливингстона, который присутствовал при кончине Ливингстона и был единственным, кто сопровождал его тело из Африки в Лондон [51]. В 1884 г. были напечатаны два письма Н.М. Пржевальского из Урги и из кумирни Чейбсен [49]. В этом же году «Московские ведомости» познакомили читателей с подробностями трагического финала полярной экспедиции североамериканского исследователя лейтенанта Адольфа Грили [3]. В 1886 г. в газете почти целую полосу заняла перепечатанная из «Правительственного вестника» биография известного мореплавателя П.К. Пахтусова

[50]. Из корреспонденций Ю.В. Арсеньева – морского офицера, путешественника, члена-корреспондента Американского географического общества, читатель узнавал подробности кругосветных плаваний, участником которых был Арсеньев, о встрече путешественника с великим американским поэтом Г.У. Лонгфелло в 1878 г. [1]. В 1880-е гг. в газете публиковались материалы о раскопках древнеегипетских гробниц, предпринятых французским египтологом Г.К.-Ш. Масперо [24], о найденных в Египте памятниках древней цивилизации, в частности, о легендарном папирусе, оказавшемся при невыясненных обстоятельствах в собственности немецкого египтолога Карла Лепсиуса [25] и т. п. В 1882 г. в нескольких номерах «Московских ведомостей» помещались материалы об экспедиции французского исследователя полковника П. Флаттерса в Сахару в 1880 г., о трагическом финале одной из первых попыток колонизации этого региона [9]. В начале 1885 г. газета напечатала «Письма из Судана» английского генерала Чарльза Гордона, бывшего в 1876–1879 гг. генерал-губернатором Судана. Письма представляли собой очень интересные африканские очерки, в которых описывались традиции и обычаи племен населявших Судан и Египет, а также давалась характеристика непростой политической ситуации, сложившейся на северо-востоке Африки [48]. Трагическая судьба генерала Гордона, погибшего в январе 1885 г. во время антиегипетского махдистского восстания в Судане, усиливали интерес аудитории к этим публикациям. В 1885 г. газета поместила несколько корреспонденций об экспедиции в Восточную Африку к высочайшей точке африканского континента – вулкану Килиманджаро, организованной Британским королевским географическим обществом с целью выявления и документирования флоры и фауны на территории Килиманджаро [10].

Большое внимание «Московские ведомости» уделяли деятельности научных обществ, никогда не оставляли без внимания научные съезды, собрания. Так, например, в 1884 г. в нескольких номерах печатались подробные отчеты с проходившего 15 августа – 1 сентября в Одессе шестого Археологического съезда. Газета обращала внимание читателей, что целью этих

съездов являются не только научные заседания, но и организация научных археологических экспедиций и экскурсий для ознакомления приезжих археологов с местными древностями, устройство археологических выставок, пополнение местных музеев и т. п. Публикации «Московских ведомостей» не только информировали читателей о деятельности видных ученых археологов, но и привлекали внимание к исследованию отдельных местностей российской империи, возбуждали в русском обществе интерес к истории, традициям и т. п. Так, об археологических раскопках на территории Крыма писал профессор Новороссийского университета Н.П. Кондаков, который стремился обратить внимание читателей газеты на бедственное положение уникальных с исторической точки зрения территорий древней Тамани. Он писал об отсутствии музея древностей на месте древнего греческого города Ольвия [33], о несанкционированных раскопках древних курганов и процветающей спекулятивной торговле древностями [34], о необходимости раскопок на территории древней Фанагории, Тифлиса и т. п. [35, 36].

Еще более полно и разнообразно была представлена естественнонаучная тематика в журнале «Русский вестник». С первых же лет издания журнал зарекомендовал себя в качестве общественно-политического и ученого издания либерально-консервативной направленности, а редактор внимательно следил, что содержание журнала отвечало не только определенному политическому направлению, но было актуальным и разнообразным. Наряду со статьями на политическую, экономическую, историческую тематику, прекрасно поставленным отделом беллетристики, в котором печатались Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, П.И. Мельников-Печерский, Н.С. Лесков, журнал публиковал значительное количество статей по вопросам химии, физики, медицины и т. п., давая тем самым своим читателям возможность быть в курсе самых значительных явлений в мире естественных наук.

Среди наиболее интересных статей на естественнонаучную тематику можно назвать «Цветы и насекомые» (1863) С.А. Рачинского, «Падающие звезды» (1871), «Кометы» (1872), «Пери-

одичность солнечных пятен» (1876) Ф.А. Бредихина, «Золотые россыпи в Сибири», «Землетрясения около Байкала» (1864) Г.Е. Щуровского, «В чем дух естествознания?» (1867), «Успехи физики. Ученые о сохранении энергии в природе», «Успехи физики. Очерк трудов Фарадея в области электричества» (1868) Н.А. Любимова, «Затмение 22 февраля 1867 г.» М.Ф. Хандрикова, «Растение как источник силы» (1875), «Жизнь растения» (1876-1877) К.А. Тимирязева, «Очерки русского лесоводства» (1868) А. Рудзкого, «Вопрос об уменьшении воды в источниках и реках» (1878), «Лес и его значение в природе» (1879), «Электрическое освещение» (1880) Я.И. Вейнберга, «Обзор сейсмических и вулканических явлений 1883 года» (1884) А.П. Орлова и др. Освещалась работа ежегодных съездов британских естествоиспытателей, Британского общества споспешествования науке и т.п. В 1870-е гг. «Русский вестник» принимал активное участие в обсуждении теории естественного отбора Ч. Дарвина, хотя отношение авторов журнала к учению английского естествоиспытателя и особенно к попыткам его последователей перенести выявленные Дарвином закономерности животного мира на человеческое общество, было далеко не однозначным [4, 26, 27, 37, 63].

Авторами большинства публикаций естественнонаучной и научно-популярной тематики были известнейшие ученые-естествоиспытатели: К.А. Тимирязев – доктор ботаники, профессор Петровской сельскохозяйственной академии, а затем Московского университета, основоположник русской и британской научных школ физиологов растений, академик; М.Ф. Хандриков – астроном и геодезист, доктор астрономии, впоследствии – руководитель астрономической обсерватории в Киевском университете; Г.Е. Щуровский – известный геолог и популяризатор науки, возглавлявший около 50 лет кафедру геологии и минералогии Московского университета и один из основателей и первый президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Д.Н. Абашев – химик и агроном, профессор химии Новороссийского университета, вице-президент Сельскохозяйственного общества южной России и др.

Большое количество публикаций принадлежало ближайшему сотруднику изданий Каткова – профессору Московского университета Н.А. Любимову, который сочетал дар талантливого публициста и ученого-физика. Любимов внес большой вклад в мировую и отечественную науку и был одним из тех, кто заложил основы отечественной технической научной школы. Любимовым был разработан фундаментальный курс «Начальные основы физики», он выступал с публичными лекциями, на которых демонстрировал опыты и уникальные приборы, сконструированные им собственноручно. Например, в 1860 г. на одной из своих лекций Любимов применил электрическое освещение, осветив учебную аудиторию и двор университета, что стало мировой сенсацией.

Постоянным автором журнала с первых лет издания был профессор и просветитель С.А. Рачинский, ученик первого русского эволюциониста додарвиновского периода К.Ф. Рулье. Человек прогрессивных взглядов, разносторонних знаний и интересов, отличавшийся честностью и бескорыстием (его избирали судьей университетского суда, он был членом попечительского комитета о бедных студентах, оказывал материальную помощь бедным, особо одаренным студентам, ежегодно жертвуя по пятисот рублей серебром из своего жалованья на отправку за границу студентов университета для усовершенствования в науках) Рачинский много лет руководил кафедрой физиологии растений в Московском университете. Оставив университет, Рачинский много времени и сил посвятил развитию в России сельских школ, переписывался с Л.Н. Толстым. В 1872 г. он основал первую в России сельскую школу с общежитием для крестьянских детей; в 1880-е гг. стал главным в России пропагандистом церковно-приходских школ, уже после смерти Каткова в «Русском вестнике» публиковались его «Заметки о сельских школах», во многом способствовавшие развитию отечественной педагогики.

Автором многочисленных статей научно-познавательной тематики был известный просветитель и популяризатор естествонаучных знаний, один из выдающихся русских педагогов-физиков, крупный исследователь, член Московского общества

испытателей природы и Общества любителей естествознания Я.И. Вейнберг. Выпускник физико-математического отделения Московского университета, Вейнберг многие годы преподавал физику и математику в московских гимназиях и вузах, со временем стал почетным членом университета, был окружным инспектором и управляющим Московским учебным округом. Особо важное практическое значение имело его сочинение «Лес и его значение в природе» (1879), удостоенное премии Академии наук. Автор исследовал физические свойства живого леса, выявил его значение в теплообмене Земли, круговороте воды, показал влияние леса на атмосферные явления, роль в природно-климатических процессах. В статье убедительно доказывалось, что изменения климата, засухи на юге России, распространение эпидемиологических заболеваний, сокращение урожаев в два-четыре раза за последние одно-два десятилетия – являются последствием масштабного вырубания лесов. Исследователь показал, как пагубно влияет истребление лесов на климат, флору и фауну, на хозяйственный цикл в целом, и предлагал такие меры, как замещение одних пород деревьев другими вследствие вырубок, естественное или искусственное возобновления леса. Выводы Вейнберга основывались на материале многочисленных исследований, обобщении имеющихся данных европейских естествоиспытателей, обширных сведениях, собранных им методом дистанционных письменных опросов [20].

Среди авторов «Русского вестника» были не только отечественные ученые, но и видные представители научного сообщества Запада. Так, в 1867 г. в «Русском вестнике» была опубликована статья «Солнце» выдающегося английского астронома и физика Джона Гершеля, который был известен как замечательный популяризатор науки, автор знаменитых «Очерков по астрономии». В 1873 г. в нескольких номерах журнала был опубликован обширный научно-популярный очерк «Формы воды в облаках, в реках, в льде и ледниках» [57] известного английского физика, директора Королевского института в Лондоне Джона Тиндаля. В очерке подробно анализировалась структура воды, снега и льда, строение и движение ледников в Альпах и

т. д. Очерк был написан доступным, понятным языком, сопровождался многочисленными рисунками, что позволяло даже мало осведомленному в естественных науках читателю понять суть тех процессов, о которых писал исследователь. «Толстые журналы» того времени не практиковали иллюстрации, что, кстати, было достаточно сложно сделать с технической точки зрения, но в «Русском вестнике» многие научно-популярные тексты были иллюстрированы рисунками, как, например, статьи «Новейшие открытия в области физики. Телефон, фонограф и микрофон» (1878) Я.И. Вейнберга [19], «Артезианский колодезь в Москве» (1869) Г.Е. Щуровского [65] и др.

Содержание многих статей выходило за рамки научно-популярной тематики. Именно такой характер имела, например, статья агронома Ф.И. Гайдука «О значении для России сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря». В этот период политика правительства Российской империи была направлена на привлечение квалифицированных рабочих на Черноморское побережье Кавказа с целью освоения и сельскохозяйственного развития свободных земель, появившихся в 1864 г. после массовой эмиграции горцев в Турцию. Среди тех, кто изъявил желание переселиться, было немало представителей славянских народов. В результате переговоров Наместника Кавказского графа И.И. Воронцова-Дашкова и председателя Пражского комитета по переселению подданных Австро-Венгрии доктора права А. Пенриченко на побережье стали возникать этнические хозяйственные поселения чехов, которых к переселению вынуждало обезземеливание в ходе интенсивного развития капитализма в Австро-Венгрии. Однако процессы адаптации сопровождались рядом трудностей, особенно на первом этапе заселения, и именно исследования агронома Черноморского округа Ф.И. Гейдука, чеха по национальности, в немалой мере способствовали освоению новых территорий, развитию виноградарства, виноделия, садоводства, интенсивных способов производства и т. п. [28]. В статье Гайдука рассматривались перспективы хозяйственного развития не только чешских поселенцев, но и всего Черноморского побережья, указывалось не только на технологические и экономические

преимущества освоения Причерноморья, но и на культурно-просветительское значение чешских поселений, на необходимость сохранения единой общности славянских народов [21].

В статье «Из истории и практики городского освещения» И.П. Архипова – доктора технологии, профессора Московского университета, одного из активных участников и организаторов Политехнических выставок и Политехнического музея в Москве, не только прослеживалась история освещения городов начиная с древнего мира, но и поднимались вопросы московского городского благоустройства, в частности проблема освещения города газовыми фонарями [2].

Значительный общественный интерес имели санитарные очерки Н.И. Соловьева «Москва и Петербург в санитарном отношении» (1871) [53], «Источники повального распространения болезней» (1872) [54] и др. Фактически это были первые публикации в отечественной литературе, посвященные теме общественной гигиены и народного здоровья. Интерес представляет и сам жанр «санитарного очерка», в котором сочетались данные о санитарном состоянии крупных российских городов с популярным изложением и акцентом на общественный характер исследуемой проблемы.

О необходимости использовать профилактические методы предупреждения заболеваний и следовать гигиеническим правилам указывалось в статьях Г.А. Захарьина «Здоровье и воспитание в городе и за городом» (1873). Захарьин был одним из крупнейших клиницистов второй половины XIX в., заведовал терапевтической клиникой Московского университета, являлся новатором в клинической и преподавательской деятельности. Большое внимание в статье Захарьина уделялось проблеме профилактики заболеваний, правильному образу жизни, режиму, гигиене и т. д.: «Чем зрелее практический врач, тем более он понимает могущество гигиены и относительную слабость лекарственной терапии... Победоносно спорить с недугами масс может лишь гигиена. Самый успех терапии возможен лишь при соблюдении гигиены» [30].

Значительное место в журнале занимали статьи научно-практического характера, посвященные сельскохозяйственной тематике. Большая часть этих публикаций могла быть интересна не только сельским хозяевам и землевладельцам, но и широкому кругу читателей, тем, кто интересовался использованием новых технологий в обработке земли, новыми методами ведения хозяйства и т. д. К такого рода статьям можно отнести публикации «Агрономическое учение Либиха» (1864), «Переменился ли климат на юге России?» (1864) И.У. Палимпсестова, «О различных системах обработки земли» (1864) М.М. Вольского, «По поводу обводнения и облесения Крымского полуострова» (1866) И.Н. Шатилова, «Гессенская (успенская) муха» (1880), «Саранча в Донской области» (1883) К.Э. Линдемана и др.

Состав авторов и содержание естественнонаучных публикаций «Русского вестника» и «Московских ведомостей» свидетельствует о пристальном внимании редактора журнала к успехам естествознания и точных наук. Издания Каткова вели активную просветительскую деятельность среди читателей, их можно назвать в числе активных пропагандистов науки и популяризаторов ее достижений. Содержание многих статей было значительно шире чисто естественнонаучной тематики, в них затрагивались проблемы экономики, промышленности, сельского хозяйства, острые социальные вопросы, актуальные для России 1860–1880-х гг. Подобные публикации не просто служили задачам популяризации научных знаний, но и стимулировали общественную активность, ориентировали аудиторию на решение насущных проблем.

Литература

1. Арсеньев Ю. Воспоминания о Лонгфелло // Московские ведомости. 17.03.1882. № 76.
2. Архипов И.П. Из истории и практики городского освещения // Русский вестник. 1973. Кн. 10. С. 530-566.
3. Б.п. Гибель полярной экспедиции // Московские ведомости. 15.07.1884. № 194.
4. Б.п. Доктор Штраус и его исповедь // Русский вестник. 1873. № 11. С. 291-324.
5. Б.п. Нефть как топливо // Московские ведомости. 30.08.1881. № 240.

6. Б.п. Новые известия о Миклухо-Маклае // Московские ведомости. 31.05.1873. № 133.
7. Б.п. Огромный баран и гриф-исполин // Московские ведомости. 8.03.1869. № 52.
8. Б.п. По поводу новой теории Дарвина // Русский вестник. 1871. Кн. 11. С. 321-260.
9. Б.п. Французская экспедиция полковника Флаттерса в Сахару // Московские ведомости. 4.03.1882. № 63.
10. Б.п. Экспедиция в Килиманджаро // Московские ведомости. 21.04.1885. № 108.
11. Бредихин Ф. Физические свойства новой кометы // Московские ведомости. 15.06.1874. № 150.
12. Богомолов М. Новое средство, понижающее температуру // Московские ведомости. 13.07.1884. № 192.
13. Богомолов М. Меры в Германии против холеры и заноса ее // Московские ведомости. 19.07.1884. № 198.
14. Богомолов М. Мнение Вихрова о холере // Московские ведомости. 5.08.1884. № 215.
15. Богомолов М. Берлинская конференция для разъяснения вопроса о холере // Московские ведомости. 11.09.1884. № 252; 12.09.1884. № 253; 20.09.1884. № 261.
16. Богомолов М. К естественной истории холерной бациллы // Московские ведомости. 24.09.1884. № 265.
17. Богомолов М. Учение Коха о холере // Московские ведомости. 29.08.1884. № 239.
18. Богомолов М. Роберт Кох о холерных бактериях // Московские ведомости. 3.11.1884. № 305 и др.
19. Вейнберг Я.И. Новейшие открытия в области физики. Телефон, фонограф и микрофон // Русский вестник. 1878. Кн. 11. С. 288-316.
20. Вейнберг Я.И. Лес и его значение в природе // Русский вестник. 1879. Кн. 1. С. 5-35; Кн. 2. С. 514-552; Кн. 5. С. 48-75; Кн. 8. С. 483-517; Кн. 10. С. 644-673; Кн. 11. С. 59-78.
21. Гейдук Ф.И. О значении для России сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. 1871. Кн. 3. С. 5-41; Кн. 4. С. 381-404.
22. Глубоковский М. Фармацевтическая выставка // Московские ведомости. 19.01.1887. № 19; 23.01. 1887. № 23; 28.01.1887. № 28; 29.01.1887. № 29.
23. Громова Л.П., Маевская М.И. Научно-популярная журналистика в России XVIII-XIX вв.: вехи становления. СПб., 2012. 98 с.
24. Г-ский Н. Раскопки в Египте // Московские ведомости. 8.07.1886. № 186.
25. Г-ский Н. Папирус Лепсиуса и содержащийся в нем роман из вре-

- мен фараона Хеопса // Московские ведомости. 6.07.1886. № 184.
26. Д. Английские критики о новой книге Ч. Дарвина // Русский вестник. 1871. Кн. 5. С. 381.
27. Д. Новое сочинение Дарвина // Русский вестник. 1872. Кн. 12. С. 945-952.
28. Домашек Е.В. История Чешских поселений Черноморского побережья Кавказа во второй половине XIX в. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к. и.н. Краснодар, 2007.
29. Заметки о Туркмении // Московские ведомости. 8.07.1873. № 170; 9.07.1873. № 171; 16.07.1873. № 178; 23.07.1873. № 185.
30. Захарьин Г.А. Здоровье и воспитание в городе и за городом // Русский вестник. 1873. Кн. 2. С. 706-727.
31. Иловайский Д.И. М.Н. Катков. Историческая поминка // Русский архив. 1891. Кн. 1. Январь. С. 119-134.
32. К.Ц. Солнечная теплота как двигатель // Московские ведомости. 18.05.1876. № 123.
33. Кондаков Н. Из села Порутина // Московские ведомости. 14.06.1874. № 149.
34. Кондаков Н. Из Керчи // Московские ведомости. 3.08.1874. № 202.
35. Кондаков Н. С Кавказского побережья // Московские ведомости. 20.08.1874. № 208
36. Кондаков Н. Из Тифлиса // Московские ведомости. 5.11.1874. № 277.
37. Лебедев А.П. Учение Дарвина о происхождении мира органического и человека. Философско-критические этюды // Русский вестник. 1873. № 7. С. 118-167; Кн. 8. С. 429-509.
38. Линдеман К. Еще по поводу гессенской мухи в средней России // Московские ведомости. 15.07.1880. № 194.
39. Линдеман К. О мерах против хлебного жука // Московские ведомости. 17.02.1881. № 47
40. Линдеман К. Главнейшие враги плодовых деревьев в Средней России // Московские ведомости. 7.10.1886. № 277.
41. Марковников Вл. Вывоз нефти за границу и русское нефтяное производство // Московские ведомости. 15.01.1882. № 15; 21.01.1882. № 21.
42. Марковников Вл. Из экскурсии на юго-восточные окраины России // Московские ведомости. 23.02.1885. № 53; 9.03.1885. № 67.
43. Минх Г. Из Сарепты // Московские ведомости. 13.03.1879. № 63.
44. Минх Г. Из Удачного // Московские ведомости. 24.03.1879. № 74 и др.
45. Остроглазов В. Дифтерит в Москве за последние два с половиной года // Московские ведомости. 30.01.1880. № 29.
46. Остроглазов В. Холера в Москве в 1830 году // Московские ведомости. 21.07.1884. № 200.
47. Остроглазов В. Смертность в Москве за 1884 год // Московские ведомости. 19.11.1885. № 320 и др.
48. Письма Гордона к сестре из Судана // Московские ведомости.

- 5.01.1885. № 5; 6.01.1885 № 6; 7.01.1885 № 7; 12.01.1885 № 12 и др.
49. Письма Н.М. Пржевальского // Московские ведомости. 27.12.1884. № 358.
50. П.К. Пахтусов (Из «Правительственного вестника») // Московские ведомости. 23.10.1886. № 293.
51. Путевой дневник Негра // Московские ведомости. 10.08.1874. № 199; 13.08.1874. № 202; 14.08.1874. № 203.
52. Соколов В. Нефть в Закаспийской области // Московские ведомости. 5.04.1886. № 94.
53. Соловьев Н.И. Москва и Петербург в санитарном отношении // Русский вестник. 1871. Кн. 3. С. 153-179.
54. Соловьев Н.И. Источники повального распространения болезней // Русский вестник. 1872. Кн. 2. С. 663-692.
55. Соловьев Н. План санитарной карты России // Московские ведомости. 31.12.1872. № 331; 16.06.1873. № 149.
56. Столетов А. Из Кембриджа // Московские ведомости. 21.06.1874. № 156.
57. Тиндаль Дж. Формы воды в облаках, в реках, в льде и ледниках // Русский вестник. 1873. Кн. 1. С. 411-434; Кн. 2. С. 582-619; Кн. 3. С. 394-423; Кн. 4. С. 772-803.
58. У. Научное обозрение // Московские ведомости. 1.02.1877. № 29.
59. Хайновский И. Научные новости // Московские ведомости. 18.06.1873. № 151.
60. Ц. Научное обозрение // Московские ведомости. 17.02.1877. № 41
61. Ц. Научное обозрение // Московские ведомости. 11.09.1877. № 225.
62. Ц. Научная беседа // Московские ведомости. 1.08.1885. № 210.
63. Цион И.Ф. Происхождение человека по Геккелю // Русский вестник. 1878. Кн. 1. С. 5-71.
64. Щвейцер Б.Я. Предстоящее затмение Солнца // Московские ведомости. 16.02.1867. № 38.
65. Щуровский Г.Е. Артезианский колодезь в Москве // Русский вестник. 1869. Кн. 6. С. 610-640.

«Паноптикум» Е. Замятина как воплощение «живой публицистики» 1920-х годов

Размышляя над состоянием российских журналов в этот период Михаил Осоргин писал: «Отдел публицистический, бывший раньше и знаменем и центром интереса журнала, – теперь совсем отсутствует, – поскольку под публицистикой разумеется предельно-независимое и убежденное слово. В данных российских условиях публицистику сменила официальная статья в духе правящей партии, и делает слабую попытку заменить статью литературно-критическая, как наименее четкая для слабограмотных цензоров. Расцвел потому... отдел библиографии. В некоторых журналах неплох отдел «научный» (точнее – популярно-научный) и мемуарный. Впрочем, «мемуарность» лежит в основе и произведений художественных» [1]. Это выводы человека, который наблюдал за публицистическим процессом советской России со стороны, из французского далека, и судил о ситуации по журналам, не всегда регулярно приходившим с родины. Но, будучи знатоком русской литературы, прекрасным публицистом, недавним участником культурной жизни России, Осоргин чутко реагировал на происходящие изменения в интересующей его сфере и мог очень точно оценить не только теперешнее состояние, но и перспективы развития публицистических тенденций. Его замечания интересны по нескольким моментам:

- в них дано определение сущности публицистики как «предельно независимого убежденного слова», исходя из которого оценена сама вероятность наличия такового в советской стране;
- в них обозначены ведущие публицистические жанры начала 1920-х годов: официальная и литературно-критическая статья;
- в качестве самостоятельных, вызывающих читательский интерес, обозначены популярно-научные и библиографические материалы;

– отдельным потоком «внехудожественной» литературы названа мемуаристика.

К подобным выводам М. Осоргин приходит на основании аналитического прочтения «толстых» журналов «Печать и революция», «Россия», «Красная новь» и некоторых других, называя основной «помехой» развития писательской свободы «официозность, приказанное «направление» как в подборе материала, так и в трактовке вопросов», считая, что «марксистский подход к художественному слову, к искусству, к театру, к музыке есть не только нонсенс, но и крайняя безвкусица» [1; 360]. По мнению М. Осоргина, марксизм делается «правительственной религией», а «критика» начнет «служить целям морализирующе – полицейским» [1; 361].

Некоторые попытки «живой публицистики» М. Осоргин отмечает в журнале «Россия», редактором которого был И. Г. Лежнев. Словно походя, он упоминает о читательских приоритетах пролетарской молодежи – увлечении «революционно-бытовым репортажем» и о смелости издателей сказать ей «немало горьких и отрезвляющих» мыслей» [1; 361]. Несмотря на отдельные проблески самостоятельности, «Россия», по мнению М. Осоргина, не может называться «независимым» изданием. Линия журнала охарактеризована как «практическое и идейное приспособление, честная дружба с начальством», которая чаще всего «кончается служебным подчинением» [1; 361].

Первым опытом независимого журнала строгий критик считает «Русский современник». Под «независимостью» в текущих условиях он понимает «не забегающий вперед и не стремящийся приспособиться и снискать особое расположение начальства». Этим «похвальным качеством» не ограничиваются достоинства журнала. Он интересен еще и тем, что «собрал вокруг себя лучшие литературные силы России, и «старые» и «новые» [1; 361]. Более того, М. Осоргин заслугу редакторов (в их числе Е. Замятина) видит в том, что никаких «политических изгородей» для новейшей русской литературы они не ставят, руководствуются исключительно «критерием художественности». Среди наиболее интересных материалов выделены исто-

рико-литературные, «статьи и обзоры, касающиеся искусства, культуры и быта», библиографические [1; 362].

Для наших размышлений важно подчеркнуть, что имя Е. Замятина присутствует и в авторском списке издания, более того, «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева», составлявшая последний раздел журнала, в немалой степени определяла его направление. Считалось, что «Паноптикум» Замятина – это сатирически – полемическая часть «Русского современника». Вероятно, период НЭПа, давший недолгую возможность частным издателям реализовывать свои проекты, допустил некоторый «либерализм» их содержания. Во всяком случае, анализ «примечаний» Замятина свидетельствует о стремлении автора открыто выражать свое ироническое отношение к нелепостям текущей жизни.

Зоркий взгляд писателя улавливает прежде всего «речевые ляпы», в большом количестве встречавшиеся на страницах социалистической прессы и новых художественных произведениях. Например, в «Воспоминании о дяденьке» заслуженной издевке подверглась цитата из романа «Хромой барин» А. Толстого: «Скотница, сидя на скамейке под коровой, доила *парное* молоко». Замятинский Онуфрий вспоминает в этой связи о своем дядюшке, который тоже «соблюдал в выражениях большую точность» и говорил: «А ну-ка, принеси мне *мокрой* воды стаканчик» [2; 481].

В заметке «Нечто для молодых хозяек» обыграна фраза «сочинителя Б. Пильняка»: «повар развешивал по утрам соленую баранину для бекена». Онуфрий Зуев обращается к о. Павлу Щеголеву с просьбой пояснить ему значение слова «бекен» и узнает, что это не что иное, как «свиное сало». Тогда сразу рождается «рецепт» приготовления «свиного сала из простейшей баранины» [2; 481].

Вторая группа тем, подвергшихся осмеянию Замятина, фактические ошибки, допущенные авторами и издателями. В заметке «Нотабене»: «сообщить куда следует (что бывший князь укрывается под чужой фамилией), указано на неточность в установлении авторства цитируемого в «Детстве» Горького

стихотворения. Писатель ссылается на «(бывшего) князя Вяземского», а Замятин находит эти строки у И.С. Никитина. Поэтому сделан по-щедрински едкий вывод: «под фамилией Никитина преступно укрылся бывший князь, дабы избежать народного гнева» [2; 480].

Еще одна тема сатиры Замятина – так называемые «научные открытия», сделанные его язвительным «корреспондентом» на основе современных публикаций. Так, в журнале «Хочу все знать» Онуфрий обнаружил сведения о том, что «Казбек и Эльбрус – действующие вулканы» [2; 485], пришел в недоумение, но вскоре выстроил «научную гипотезу»: «Погодя и до того доживем, что из Воробьевых гор вулкан забьет» [2; 486].

Восторженно встретил Онуфрий Зуев очередное изобретение, о котором сообщил «писатель В. Лидин в сборнике «К новым берегам». Оно свидетельствует о «полной победе нашей техники», т. к. «были посланы две радиоантенны» [2; 501]. Искренне радуясь случившемуся, замятинский герой рассуждает: «Когда по воздуху слова посылают – это дело плевое, потому что в слове – сколько в нем весу? А вот ежели дошли, что посылают уже не слова, а тяжелые подобные предметы вроде антенн, – вот это я понимаю» [2; 501].

В прессе 1920-х годов много говорилось о Пушкине и «полезности» его творчества для «строительства социализма». Появились исследования, слишком вольно трактовавшие жизнь и произведения первого поэта России. Е. Замятин не мог обойти вниманием «новое» прочтение Пушкина и посвятил этому несколько своих заметок: «Сведения из быта херувимов», «Нечто о пользе Пушкина», «Рассуждения о науке», «Нотабене: на случай экспромтов», «Нечто о молодости», «Примечание в смысле пушкинского «Пророка», «Нотабене: сообщить в уважаемую редакцию «На посту». Вот, например, одно из открытий в пушкинистике, поразивших Замятина и его героя: «александрийский стих – есть стих Александра, т. е. Пушкина» [2; 496]. Писатель в русле подобных утверждений выстраивает свой ассоциативный ряд: «город Александрия – есть город Алексан-

дра, т. е. Пушкина, и здесь вдобавок египетское пророчество о рождении великого поэта земли русской» [2; 496].

В четырех номерах «Русского современника» писателем было опубликовано больше 40 «примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». «Спрятавшись» за своего простоватого и наивного персонажа, говорящего народным живым языком, писатель сумел не только сатирически представить многие черты современной ему литературы и журналистики, но как будто «невзначай» выставить напоказ идейные, политические проблемы социалистической действительности, проблемы «нового мировоззрения», «нового образа жизни». В каждой из миниатюр заключено это главное звено замятинской сатиры «малых форм».

Хотя многие ситуации, диалоги героев смоделированы автором, эффект правдоподобия все-таки создается. Как «истинный публицист» Е. Замятин строго опирается на подлинные источники: в каждом тексте указаны выходные данные издания, в котором обнаружены «погрешности», фамилия их автора, невзирая на лица и звания. Здесь Горький, А. Толстой, Брюсов, Пильняк. А в одной из миниатюр фигурирует писатель Е. Замятин, который придумывает фразы «нарочно, в пику» («Нотабене: еще сообщить куда следует».)

Создается впечатление некой отстраненности реального художника от записок Онуфрия Зуева. Сам Е. Замятин, как все, может быть подвержен «уколам» любознательного героя – «рассказчика и аналитика». Он может соглашаться или не соглашаться с представленным мнением и давать свои комментарии в форме редакционного подстрочника («Переворот судьбы 16 мая», «Нечто о пользе Пушкина», «Рассуждения о науке» и др.). Ощущение его присутствия, на наш взгляд, создается за счет различных намеков, «случайно» оброненных слов, упомянутых реалий современной действительности. Что только стоит неоднократное «нотабене», которое автор расставляет на полях своих «примечаний». В них несколько раз одно и то же напоминание – «сообщить куда следует». Не надо быть искушенным читателем, чтобы понять намеки автора на атмосферу 1920-х годов: постоянный поиск врагов советской власти, неу-

сыпная политическая бдительность со стороны партийной верхушки, недавно созданной милиции ко всякого рода проискал «бывших» или «примазавшихся попутчиков», а также искреннее убеждение советских граждан в том, что доносы помогут очистить страну от буржуазных элементов, мешающих строить новую жизнь.

Присутствие и позиция автора проявлены в самом отборе фактов – одной из важнейших этапов создания публицистического текста. Е. Замятин прекрасно ориентируется в современной ему литературной ситуации (знает журнальные, газетные материалы, новинки художественной, научной литературы), которая служит источником его сатирических заметок и комментариев. Писатель «не лезет» в политику, он переживает за состояние той сферы жизни, которая наиболее близка ему. Своими острыми выпадами в сторону братьев-словесников он, пожалуй, стремится привлечь внимание к вопросам низкого качества современного «литературного продукта», слабо развитой редакционной и издательской культуры.

Нельзя сказать, что в советской публицистике 1920-х годов не было «сатирического крена», но он был иным. Убедиться в этом позволяют фельетоны, публиковавшиеся на страницах основного рупора рабочего класса газеты «Правда». У истоков жанра тогда стоял Л. Сосновский. Предметом его сатиры были негативные явления советской действительности – расточительство, бесхозяйственность, бюрократизм, тунеядство, «бестолковщина». Так, в знаменитом фельетоне «Тяжелые дни Волховстроя» высмеивалась абсурдная ситуация, создавшаяся на строительстве электростанции, которая должна дать «энергию Питеру». Вместо того, чтобы заниматься делом, люди постоянно страдают от препон «новых» чиновников, «бесконечных комиссий РКИ». Казалось бы, как смело автор клеймит Госплан, рабоче-крестьянские комиссии, созданные для борьбы с бюрократизмом и не выполняющие своего назначения. Но все иллюзии по поводу «свободного гнева» публициста проходят после прочтения отдельных его фраз, подобно следующей: «а пока что тянутся тяжелые будни. На Волхове свыше 10 тысячи человек

взнуздывают стихию. В Москве инженер Графтио, как щепка, носится по волнам бюрократической стихии, которую взнуздать бессильны даже Ленин, даже компартия» («Правда», 1923, 8 дек.). Подобный драматический пафос характерен для большинства фельетонов Л. Сосновского. В их числе: «Севастьян Карманов и его хождения по НЭПу (истинная повесть в трех частях с судебным эпилогом)», «Проделки Скалена, или классическая комедия», «Некрещеный паровоз», «Подкладочка» и другие. Всякий раз автор пытается оправдать самое дорогое, что есть у «новой жизни» – ее руководящую партию. К сожалению, даже такая «осторожная» тактика не спасла публициста от гнева властей. В 1927 году он был осужден как троцкист, а его произведения на долгие десятилетия остались под запретом. Не менее трагичной оказалась судьба многих литераторов, пытавшихся путем сатиры излечить язвы советской действительности.

Желавший служить, но не прислуживаться, Замятин плохо вписывался в официальный публицистический контекст 1920-х годов. Вместе с тем как истинный «сын Отечества» Замятин не мог молчать о тех вопиющих фактах «насилия» над русским словом, литературой, культурой, которые возводились в норму, становились эталоном «нового», образцом для подражания. В самих способах и формах выражения авторской позиции писатель принципиально расходился с конъюнктурными советскими «сатириками». Произведения Евгения Замятина, опубликованные в «Русском современнике», были созданы в русле «смеховой культуры». В «Записках Онуфрия Зуева» отчетливо проявились связи с традициями русского фольклора, где, по верному служению своей деятельностью, в том числе в области публицистики, он определил себя в стан оппозиции, вряд ли способной морально адаптироваться в новой жизни.

Литература

1. Осоргин М. Российские журналы. Литература русского зарубежья.
2. Антология в шести томах. Том первый. Книга вторая 1920-1925 / М. Осоргин. – М., 1990.
3. Замятин Е. Слово предоставляется.... / Е. Замятин. – М., 2009.

Спортивная публицистика Алексея Поликовского

Писатель и журналист, обозреватель «Новой газеты» Алексей Поликовский нередко выступает и на спортивные темы. При этом он также демонстрирует публицистическое мастерство – спортивный очерк становится для него еще одним поводом обратиться к социальным проблемам, а не представлением каких-то технических спортивных результатов. Показательной в этом смысле является его публикация «Вне игры» [1].

Оттолкнувшись от конкретного факта травмы, нанесенной вратарю московского «Спартака» и сборной Украины Андрею Диканю нападающим «Зенита» и сборной России Александром Кержаковым, публицист выходит на глубокие философские размышления. Он сообщает, что за всю историю советского футбола вратарь пострадал лишь однажды, да и то на чужой земле (чилийский нападающий ударом ноги сломал челюсть вратарю сборной СССР Владимиру Маслаченко). И это потому, что в прежние времена чуть ли не в гены нападающих, в их сознание было накрепко вбито, что нельзя идти на вратаря в тот момент, когда он прыгает головой и руками вперед: *«Вратарь, идущий на мяч, беззащитен, потому что видит только мяч, и все его тело открыто для удара. Себя в этот момент он защитить не сумеет. Теперь это не так. В наше время футбольный вратарь становится опасной профессией. Вратарь ЦСКА Перхун погиб в стыке с игроком соперника. Вратарь «Ростова» Радич лишился почки из-за столкновения с нападающим. Вратарю «Динамо» Габулову сломали челюсть. Вратаря ЦСКА Акинфеева выбили на многие месяцы. Теперь вот Дикань лежит в больнице со сломанными костями лица. Все это не случайные события».*

Агрессия в спорте, отсутствие тормозов внутри самих спортсменов передается и на трибуны («Прежде телевидение непременно показывало, как хоккеисты после игры выстраивались в

цепочки и пожимали друг другу руки, до тех пор пока каждый не пожмет руку каждому. Теперь – посмотрите нынешние игры плей-офф – этот ритуал выброшен из телетрансляции как неважный. Снимается ощущение игры и общности дела, усиливается ощущение взаимовадшной резни за деньги»). Когда из спорта выхолащивается человеческое, он из искусства превращается в нечто противоположное. Публицист подытоживает: «Для меня сущностью спорта, его высшей точкой и достижением является не гол, не рекордный прыжок, не нокаут. Для меня самым потрясающим моментом в спорте является та секунда в боксе, когда в разгаре боя, в бешенстве и азарте рубки боксер усилием воли, с искаженным лицом вдруг останавливает летящую в голову противника руку, потому что видит, что тот падает. И это очень трудно. Потому что после восьми или десяти раундов боя глаза залиты потом, подглазья вздулись, из сорванной брови сочится кровь, мозг сузился до счетного устройства, определяющего дистанцию, и руки не могут ничего, кроме как бить, бить и бить. Но я видел много раз, как в боксере – этой бьющей, сокрушающей машине – срабатывал тормоз, без которого нет ни спорта, ни человека».

Итак, морально-этическая компонента спорта как важнейшего на данный момент социального института, формирующего, воспитывающего и социализирующего молодое поколение спортсменов и болельщиков, отражающего проблемы и болевые точки нашего общества, всегда находится в зоне внимания ведущих спортивных публицистов. Именно в этом аспекте поступок известного футболиста рассмотрел и Алексей Поликовский.

Дополним идейно-тематический разбор его текста анализом, позволяющим определить слагаемые журналистского мастерства, стилистического в том числе, данного автора.

Основные теги публикации можно расположить в следующем логическом порядке: *вратарь Дикань – удар Кержакова – майор Солнечников – футбол дичает – тормоз*. Журналист в той же экспрессивной манере, порой на грани фола, подробно описывает травму вратаря, полученную им в результате варварского удара форварда – коленом в лицо, – и другие спортив-

ные травмы. Но целью автора является не столько рассмотрение трагической ситуации, сколько акцентирование внимания аудитории на проблеме, возникшей в последние два десятилетия в российском футболе и превратившей это прежде благодарное зрелище в «резню за деньги». Мог или не мог Кержаков избежать столкновения? Ответ очевиден: тренированный атлет был способен на это физически, но, по мнению автора, дело тут *«не в физике, а в психике»*. В такие секунды решает не мысль, а *«странная композиция из души, ума, памяти и подсознания», «необходимые запреты и алгоритмы»*. Автор с горечью констатирует: *«У доброго, хорошего парня Кержакова... не сработала заповедь “Не убий!” Автоматически, на уровне рефлекса, в Кержакове сработала программа “Убей ради победы!”»* А ведь, повторимся, за всю историю советского футбола вратарь пострадал только раз – да и то от чилийского форварда, а в генах наших нападающих был тот самый запрет идти на вратаря в прыжке... Что же происходит с нашим футболом, с Родиной и с нами? На эти вопросы Поликовский отвечает с «последней прямоотой» и жесткостью, что называется, зрит в корень проблемы: *«Футбол, в котором игрокам платят бешеные деньги и в котором сталкиваются бешеные амбиции огромных корпораций, дичает. Идет снижение игры до бойни за победу. Идет дебилизация процесса, в котором человеческий язык уступает место мату, а радостное боление за своих уступает место угрюмым расовым инстинктам. Цинизм больших денег и остервенение народных масс зажимают футбол в тиски»*.

Ярким контрапунктом во всей этой беспросветности звучат имя и образ майора Солнечникова, в долю секунды решившего накрыть собой гранату для спасения людей. Автор своей антитезой «Один спас, другой чуть не убил» разводит героев статьи по разные стороны добра и зла, пытается понять и показать читателям, что есть Человек.

Последним тегом мы указали слово «тормоз». Тормозами журналист считает необходимые в спорте «искусство и способность спортсмена контролировать агрессию», а также сопереживание упавшему сопернику, умение вовремя остановить

бующую руку: «Я видел много раз, как в боксере – этой... сокрушающей машине – срабатывал тормоз, без которого нет ни спорта, ни человека». И не случайно Кержаков, лишенный этических тормозов, все чаще становится антигероем спортивной и светской хроники, не вызывая у публики ни особого уважения, ни сочувствия. Примером тому служит отклик воронежского журналиста Ю. Коденцева на «плач столичных СМИ» по поводу потери А. Кержаковым 330 миллионов рублей в результате аферы: *«Нет повода для сожаления об утраченных миллионах форварда, исповедующего классический принцип “бил, бью и буду бить”. Он еще набьет себе бабок. И еще по какой-то глупости своей природной их разбазарит. Я вспоминаю ситуацию с хоккеистом из Ярославля, погибшим в авиакатастрофе. Так тот парень, не обладая кержаковскими миллионами, перечислял деньги на счет больной воронежской девочки... Вот это Человек. Вот это мужчина! Вот это из серии, чтобы реагировать, сожалеть, соучаствовать... Но чтобы посочувствовать Кержакову?! Абсолютно не хочется»* [2].

Еще раз убеждаемся, сколь важна морально-этическая сторона жизни и труда спортсменов как публичных личностей, находящихся под пристальным вниманием миллионов и даже миллиардов людей во всем мире, как должны вести себя эти личности и какие примеры подавать своим поведением и самой своей судьбой.

В этой связи вполне оправданно возникает параллель с замечательной статьей Ильфа и Петрова «Честное сердце болельщика», написанной в 1933 году. Стилистически она близка вышеназванной публикации своей экспрессивностью, метафоричностью, динамичностью описания, яркостью эпизодов и характеров. Однако в идейно-содержательном плане представляет собой полную противоположность иным произведениям наших современников. Ведь в центре внимания советских журналистов мы видим мощную силу воздействия истинного и честного спорта на огромные массы народа, его воспитательное, мобилизующее, объединяющее влияние: *«Наступают последние пятнадцать минут игры. Напряжение достигает*

предела. По воротам бьют непрерывно и не всегда осмысленно. Команды предлагают бешенный темп. Трибуны кипят.

Болельщики уже не хохочут, не плачут. Они не сводят глаз с мяча. В это время у них можно очистить карманы, снять с них ботинки, даже брюки. Они ничего не заметят.

Но вот очищающее влияние футбола! Ни один карманищик не потратит этих последних, потрясающих минут, чтобы предаться своему основному занятию.

Может быть, он и пришел специально за тем, чтобы залезть в чужой карман, но игра увлекла, и он прозевал самые выгодные моменты.

Футбольная трибуна примиряет нежного теннисиста с могучим городошником, пловцы жмутся к тяжелоатлетам, всеми овладевает футбольный дух единства» [3].

Правдивость этой статьи могут подтвердить поколения советских болельщиков, которые никогда не понимали «тиффози», а чистоту и верность принципам черпали у своих спортивных кумиров. Теперь же остается надеяться на то, что великие традиции честного спорта еще не забыты и рано или поздно возродятся, благодаря усилиям всего общества и усилиям честной журналистики в том числе.

Алексей Поликовский выступает в «Новой газете» не только и даже не столько как чисто спортивный журналист – публициста интересуют проблемы и характеры, как бы высвеченные через призму спорта. Его эссе «Портрет хищника» [4] – настоящая поэма о личности в спорте, что проявляется в необыкновенно образном, отчасти даже романтическом стиле: *«Посмотрите в это никогда не улыбающееся лицо, оцените эти жгучие черные волосы, блестящие без всякого бриолина, загляните в эти черные глаза, в которых сквозит неотвязная, навязчивая мысль, – и вы узнаете, как выглядит футбольный хищник Луис Суарес. Суарес – нападающий не по назначению тренера и графе в анкете, а по инстинкту. Есть люди, которые все говорят правильно, но их невозможно слушать, потому что сами они пресные, и речи их тоже пресные. Суарес может ошибаться в игре и иногда даже делать глупости, но он острый. Инстинкт*

Суареса – быть острым». Без сомнения, такие публикации увеличивают не только читателей газеты, но и почитателей спорта, футбола как поистине народной игры: «В отличие от таких персонажей, как Бекхэм и Криштиану Роналду, Суарес не знает и не хочет ничего, кроме футбола. Его бьют. В замедленной съемке после матчей следует показывать не только, как он на скорости обыгрывает защитников, но и как они, набрав скорость, врезаются в него всем телом, рубят его сзади, торпедируют в жестоких подкатах. Суарес рушится как подкошенный, и тогда весь мир наблюдает плачущие гримасы на его лице и жесты в сторону судьбы. Плакса Суарес! Симулянт Суарес! Так со смехом говорят о нем толстокожие болваны, полагающие тупость синонимом мужества. Смейтесь, вы, не понимающие души уругвайца, уязвленного жестокостью жизни в самое сердце! На чемпионате мира в Южной Африке Суарес зарыдал, когда его удалили в матче против Ганы на 120-й минуте. Так и шел, рыдая, а когда увидел, что Асамоа Гьян не забил пенальти, продолжал идти, но уже рыдая и смеясь».

Текст Алексея Поликовского отличается динамизмом, метафоричностью, образностью и экспрессивностью, присущими орнаменталистской прозе 20–30-х гг.¹ Сюжет посвящен характеру героя, раскрытию всей его сложности и неоднозначности в движении и развитии. Семь абзацев как семь пунктов анкеты, ни одного лишнего или недостающего. Композиция закольцована подзаголовком и финальной фразой: «Завтра по телевизору будет не просто футбол, завтра по ТВ будет полтора часа Суареса».

План анализа личности выдающегося игрока, по нашим наблюдениям, имеет четкую структуру: портрет-характеристика – манера игры – индивидуальные особенности игрового стиля – взаимодействие с командой – сравнение с другим «гением футбола» – доминанта личности – вывод. Кульминацией является шестой пункт, в котором автор словами самого Суареса

¹Нам кажется, что избранная автором форма подачи невольно отсылает в лучшие годы публицистики 20–30-х гг., когда о спорте, культуре, искусстве писали И. Эренбург («Счастье»), Ильф и Петров («Честное сердце болельщица»), Бабель («Ди грассо») и другие мастера слова.

определяет доминанту его личности, игры и всей жизни: «Мне нужны трофеи (т. е. победы), а не мешки денег!» Этот девиз достоин уважения в наш конъюнктурный и меркантильный век, в нем журналист видит «самонадеянный вызов и гонор героя, помешанного на футболе».

Развитие образа построено на определяющей метафоре «футбольный хищник», и каждый абзац текста, каждый эпизод подтверждают, углубляют и конкретизируют основную мысль автора. Мастерство игрока и необычность его манеры А. Поликовский описывает так: *«Хищники охотятся в одиночку. Суарес играет сам по себе. Любимый способ его охоты состоит в том, чтобы в пустынной зоне у центра поля подкараулить защитника и сожрать его в секунду... Он летит сквозь пространства и тела, а противник с криками ужаса гасит этот летящий огонь как только умеет...»*

Стилистически и интонационно это напоминает описание игры великого актера из рассказа И. Бабеля «Ди Грассо»: *«Пастух – играл его ди Грассо – стоял, задумавшись, потом он улыбнулся, поднялся в воздух, перелетел сцену городского театра, опустился на плечи Джованни и, перекусив ему горло, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь».* Как и Суарес, ведущий свою «личную непрекращающуюся борьбу против всего, что оскорбляет его чувство красоты и гармонии», герой художественного очерка И. Бабеля «каждым словом и движением своим утверждал, что в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира» [5]. А. Поликовский в публицистическом тексте приходит к важнейшему выводу о том, что искусство и спорт в своих лучших проявлениях способны поднять человеческий дух на небывалую высоту.

И еще одно сравнение: в реальной жизни Суарес – пятый ребенок из семи братьев, познавший в детстве нужду и бесправие и живущий «с оголенными нервами», а гениальный трагик у Бабеля тоже всюду ходит с нищенской кошелкой – и на Привоз, и в театр...

Психологизм и метафоричность суть признаки журналистики «большого стиля», продолжающей лучшие традиции отечественной словесности. А. Поликовский владеет всей палитрой изобразительных средств языка, что обогащает текст, делает его выразительным и неповторимым, а манеру журналиста – узнаваемой, яркой, индивидуальной.

Приведем несколько конкретных примеров. Добиваясь динамичности описания, автор умело использует глагольный ряд: бежит, мощно бьет, вырывается из тисков защиты, умудряется проделать серию финтов (о Суаресе); льет воду, оплетает лианами, тычет железом, швыряет камни, тормозит тычками и дергом за майку (о противнике) и т. д. Вспомним подобный ряд в очерке И. Эренбурга «Счастье»: *«Брянцев заделывал бреши, направляя удары с воздуха, перебрасывал полки, придвигал и отодвигал артиллерийский огонь, срезал клинья, подгонял машину, терзал телефон и приподымал всех своей неумемной силой»* [6]. А. Поликовский активно создает необычные и емкие метафоры, например: *«нападающий не по назначению тренера и графе в анкете, а по инстинкту», «сплетаться в живом катящемся клубке с защитниками», «игра всесильного хищника», «летит сквозь пространство и тела», «закладывает развороты и финты на скорости 120 в час», «находится с миром на ножах», «в его душе есть оголенное место, а может, не одно»* и т. п. Сравнения также отличаются новизной и даже некой элегантностью: *«Он как скрипач-виртуоз, воюющий с лесорубами. Он – рапира против досок и дубины»*. Интересны и паронимия эпитетов («неотвязная, навязчивая мысль»), и оправданные лексические повторы («сами они пресные и речи их... пресные», «...он острый. Инстинкт Суареса – быть острым», «...детская обидчивость... заставляет мстить ударом в обидевшую его ногу»), и антонимические пары («рыдая и смеясь», «хищный форвард и ранимый человек»), и оригинальная антитеза: *«Скромный, тихий, маленький аргентинец (Месси) живет в гармоничном равновесии с миром, а Суарес находится с миром на ножах»*.

Необходимо отметить и наличие авторской позиции, авторского «я», личностного подхода к герою и проблематике

современной спортивной жизни. Эта позиция предельной откровенности и доверительности импонирует читателю, заставляет проникнуться идеями и чувствами журналиста, принять его мнение и оценку. А вывод Поликовского неоспорим как для профессионалов спорта, так и для масс болельщиков: великий спорт, равно как и великое искусство, всегда выше мешков денег и мелких дрызг.

Литература

1. Поликовский А. Вне игры /А. Поликовский // Новая газета, 6 апреля 2012 г.
2. Коденцев Ю. Кто во что вложился/ Ю. Коденцев // Воронежский курьер. 21 марта 2013 г.
3. Ильф И. Собр. соч./ И. Ильф, Е. Петров. – М., 1961. – С. 251-252.
4. Новая газета, 20 февраля 2013 г.
5. Бабель И.Э. Собр. соч., т.1, / И.Э. Бабель. – М., 2005.
6. Эренбург И. Рассказы этих лет / И. Эренбург. – http://royallib.com/read/erenburg_ilya/rasskazi.html#0

Профессия журналиста: возможности и риски

Журналистика и журналисты

Журналистика – понятие многозначное: это не только социальный институт общества, но и система видов деятельности, совокупность профессий, комплекс каналов передачи массовой информации, система произведений, учебная дисциплина и научное направление.

Журналистику можно трактовать широко, подразумевая под нею все, что связано с производством массовой информации (в этом случае и газета бесплатных объявлений, и имиджевая программа на кабельном телевидении будут проходить по рангу журналистики).

Журналистику можно трактовать и узко, предполагая обязательное наличие *массовой* аудитории, потребляющей *общественно значимую* информацию, которая по возможности объективно отражает многомерность мира и имеет прогностический характер. То есть в состоянии формировать сознание масс, ориентировать их в явлениях, процессах и закономерностях социальной жизни, прогрессивно влиять на их убеждения, взгляды, идеалы, стремления, показывать пути и средства достижения целей, направлять социальную активность людей в соответствующее целям русло. Думается, подлинная журналистика обладает именно такой *качественной* характеристикой.

Наличие *этической составляющей* – также неременное условие функционирования журналистики как таковой. Если эта деятельность опирается на устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, одинаково понимаемых всеми субъектами (правила «игры» одинаково трактуются «игроками», «судьями» и «зрителями»), она действительно становится способной реализовывать основную

функцию социального института – *регулирование тех или иных сфер социальных отношений*.

Как вид массово-информационной деятельности журналистика обладает набором функций и принципов. Если функция (от лат. *function* – осуществление, выполнение) обозначает обязанность, круг деятельности, то под принципом (от лат. *principium* – начало) понимается некая норма, правило. То есть в первом случае мы отвечаем на вопрос «Что?», во втором – на вопрос «Как?». Известно, что журналистика реализует целый ряд *функций*: информационную, коммуникационную, ценностно-ориентационную, культурно-образовательную, организаторскую и развлекательную. К *принципам* журналистской деятельности относятся принципы правдивости и объективности, народности и массовости, патриотизма, демократизма, гуманизма, которые взаимосвязаны и которые постоянно взаимодействуют. Постоянное обращение к принципам неизбежно перерастает во внутреннюю убежденность – тогда мы и говорим о принципиальности журналиста, о ярко выраженной позиции того или иного СМИ, о его репутации [1].

Репутация – это то, что зарабатывается годами, десятилетиями и что можно потерять в один день. Какое же значение имеет доброе имя для прессы? Попробуем в этом разобраться на примере качественной общественно-политической газеты.

Редакция газеты с хорошей репутацией неизбежно приобретает *постоянного преданного читателя*, будь то подписчик или регулярный покупатель газеты в киоске. Такой читатель тем более дорог, что газета сама его породила и воспитала. Такой читатель, естественно, критичен, требователен к своему изданию, но именно это сдерживает газету от того, чтобы изменить своей линии, позиции, методам работы. Такой читатель еще и стимулирует журналистов совершенствовать свое мастерство.

При условии, что качественная газета, ориентируясь на «качественного читателя», думает и о потенциальной аудитории – расширяет тематику, предоставляет свои страницы выразителям других мнений и т. д., ее *тираж неуклонно растет*.

Газета с неподмоченной репутацией, содержащая солидный блок социально-политической информации, журналисты которой ориентируются прежде всего на общественные потребности, занимают конструктивную позицию, даже когда критикуют власть, становится по-настоящему *влиятельной* – к мнению авторитетной газеты прислушиваются всегда.

Если качественное издание обращается к проблемам экономического характера, имеет хороший рекламный раздел, его начинают рассматривать и как *эффективное рекламное средство*, что всегда привлекает солидных спонсоров.

Таким образом, репутация важна на всех уровнях взаимодействия газеты:

газета – аудитория (*идейно-политическая позиция*);

газета – власть (*оценивается принципиальность позиции*);

газета – конкурирующие издания (*профессиональная репутация*);

газета – партнеры (*коммерческая репутация*).

Причем репутация газеты как бы складывается из репутаций учредителя, владельца, редактора, редакционного совета, редакционной коллегии, отделов редакции, репутаций отдельных журналистов, в особенности тех, чьи имена на слуху.

Составляющие репутации самого издания в большой степени совпадают с принципами журналистской деятельности, этическими принципами в том числе. Учитываются:

объективность и правдивость (стремление к истине);

принципиальность и последовательность в отстаивании заявленной позиции;

независимость;

служение обществу (демократизм);

гражданская смелость;

взвешенность и конструктивность;

профессионализм;

современность и стильность.

Профессионализм (и честность) проявляется, например, на стадии разделения сфер влияния журналистики, публичных отношений (PR) и рекламы, начинающейся с осознания целей.

Журналистика призвана отражать событийную картину мира, давать *объективный* анализ социальных проблем. Здесь коммерческий успех – лишь средство для достижения целей. Поэтому крайне важно различать журналистику как *общественную деятельность* и журналистику как вид бизнеса. Последним занимаются владельцы. Именно они заключают соответствующие договоры с журналистами, занимающимися духовно-практической деятельностью. Следует особо подчеркнуть, что качественная журналистика может быть доходной (даже высокодоходной), только реализуя свои природные функции. Государственная, общественная журналистика не ставят чисто коммерческих целей, но редакции могут быть частью некоего предприятия, нацеленного на получение прибыли, часть которой идет на поддержку основного издания. Владельцы же иницируют и чисто коммерческие проекты в журналистике (массовые, развлекательные издания и т. д.).

То есть репутация – это также и коммерческое качество. Это база для создания имиджа, которым можно и следует управлять. Деятельность редакции по закреплению образа издания (в сознании прежде всего «читательского ядра») тем более эффективна, чем более прояснены содержательная и композиционно-графическая модели газеты, чем более профессиональны методы сбора, обработки и транслирования информации, чем более высок корпоративный дух редакции.

Теперь обратимся к понятию «профессиональный журналист». Если брать во внимание миссию журналистики – деятельности, своими корнями уходящей в древность, то не всех публикующихся следует считать профессионалами. Например, социальные сети могут выполнять ряд функций журналистики – *информационную, коммуникационную и рекреативную*, но функции, связанные с направленным профессиональным воздействием (*идеологическая, культурно-образовательная и организаторская*), если и реализуются в них, то лишь в усеченном и хаотическом виде.

Кто же они, журналисты-профессионалы?

Это информационщики, аналитики (эксперты, комментаторы), критики, пропагандисты (агитаторы, социальные

организаторы), развлекатели. Это журналисты-гуманисты (идеалисты), понимающие журналистику как инструмент общественного мнения и следующие принципам этики; это специалисты, ценящие прежде всего преданность профессии и компетентность, анализизм; это художники (литераторы), стремящиеся к творческой самореализации.

Современное критическое отношение к журналистам – не примета сегодняшнего дня – ещё Оноре де Бальзака писал о своих современниках: «Некогда публицистами именовали великих писателей, таких, как Гроций, Пуфендорф, Боден, Монтескье, Блекстон, Бентам, Мабли, Савари, Смит, Руссо, ныне же так именуют всех писак, которые делают политику. Из творца возвышенных обобщений, из пророка, из пастыря идей, каким он был прежде, публицист превратился в человека, занятого сомнительной Современностью. Лишь только на поверхности политического тела выскакивает прыщ, публицист принимается его теревить, расчесывает болячку до крови и пишет по этому поводу книгу, оказывающуюся зачастую сплошным обманом. Публицистика была огромным концентрическим зеркалом: нынешние публицисты распилили его на части и ослепляют толпу каждый своим осколком» [2].

Кстати, великий писатель, отдавший дань и журналистике, по-своему классифицировал работников прессы, выделив два вида журналиста – *публициста и критика*. Публицист у него имеет восемь подвидов (журналист, государственный муж, памфлетист, ничеговед, публицист с портфелем, автор одной книги, переводчик, автор с убеждениями), критик – пять подвидов (критик старого закала, юный белокурый критик, великий критик, фельетонист, сотрудник сатирического листка). Далее внутри каждого подвида привел и разновидности (например, пять разновидностей журналиста: директора-главного редактора-управляющего-владельца; тенора; сочинителя основных статей; прислуги за все; палатолога).

То, что пользователи современных социальных сетей выступают в различных ролях – *публикаторов* (очевидцы, ретрансляторы, републикаторы, коллекторы, координаторы, ком-

ментаторы, эксперты, сатирики, публицисты) и *реципиентов* (коммуникаторы, комбинаторы), можно посчитать одной из причин отмирания журналистской профессии, а можно рассматривать как один из современных факторов развития журналистики [3]. Присутствие в информационном пространстве активной аудитории абсолютно не противоречит производственно-творческому и индивидуально-коллективному характеру журналистского труда. Журналистам следует использовать явление блогерства, как в свое время они активно использовали читательские письма. Более того: если блогер станет последовательно развивать набор врожденных и приобретенных качеств (оперативность, аналитизм, объективность, коммуникабельность, трудолюбие, креативность, эрудированность, владение устным и письменным словом, умение вести полемику, поддерживать дискурс, умение работать в команде и по жесткому графику, потребность рассказывать, умение создавать оригинальный информационный продукт), если он будет систематически производить и транслировать массовую информацию, то он неизбежно превратится в профессионала.

Правда, есть еще несколько условий: сознательное следование профессиональным и этическим стандартам и соответствии прикладным профессиональным требованиям: владение родным, русским и иностранным языками; требование универсальности (умение работать на разных платформах); требование технической подготовленности (умение работать на компьютере, с фото-, аудио- и видеоаппаратурой и др.) и требование медиаправовой подготовки.

Наконец, журналист-профессионал отличается также особыми человеческими качествами: гражданственность, пассионарность, ответственность, честь и достоинство, смелость и мужество.

О перспективах прессы и профессии журналиста

Сегодня все чаще раздаются прогнозы, связанные и со скорой смертью газет, и даже с исчезновением журналистики как профессии. Так, авторы проекта «Атлас новых профессий»

при поддержке Агентства стратегических инициатив при Президенте РФ, Московской школы управления «СКОЛКОВО» и *RF-Group* пришли к выводу, что после 2020 г., наряду с такими интеллектуальными профессиями, как копирайтер, туристический агент, лектор, библиотекарь, нотариус, юрисконсульт, системный администратор и др., исчезнет также профессия журналиста. Их аргументы таковы: «Программы перевода речи в текст и программы по написанию текстовых документов позволяют во многом автоматизировать эту, считавшуюся ранее творческой, профессию. Например, компания *Bloomberg* заменила часть своего новостного персонала на программу искусственного интеллекта, которая пишет биржевые новости быстрее и более красочно, чем журналисты-люди. Любительские репортажи и блоги, резко набирающие популярность благодаря своей живости, правдивости и естественности, начинают конкурировать с теле-, радио- и печатными журналистами ведущих СМИ. Через 20 лет искусственный интеллект сможет на 95 % решать задачи, связанные со СМИ» [4].

Профессор кафедры деловой и политической журналистики НИУ ВШЭ Ольга Романова еще в 2011 г. написала в журнале «Смена»: «В Высшей школе экономики скоро не будет отделения деловой и политической журналистики. И я этому очень рада. Потому что журналистика исчезает, хотим мы этого или нет, это профессия двух предшествующих веков. <...> У нас в НИУ ВШЭ отделение журналистики станет факультетом коммуникаций. Для начала будем изучать “двигатель внутреннего сгорания” – мультимедийность и конвергентность, а там и новые песни придумает жизнь» [5]. При этом автор, на наш взгляд, поспешно заявляет о том, что журналистская профессия уже преодолела проблемы, связанные с появлением блогеров и соцсетей: «Влиятельные блогеры не стали журналистами, но стали ньюсмейкерами, как и положено ярким людям. Ведь чем берут блогеры? Тремя вещами: оперативностью, сжатым изложением (современный потребитель информации имеет видоизмененный мозг, явление получило определение «твиттеризация со-

знания») и обратной коммуникацией. Профессионалы нашли адекватный и естественный ответ, понятный публике.

1. На блогерскую оперативность ответили факт-чекингом (проверка фактов): быстро не означает точно и правдиво, к тому же блогер за свои слова не отвечает, а СМИ можно закрыть за диффамацию.

2. Профессионалы научились писать коротко и сжато – невелика хитрость. К тому же вернулся спрос на длинные качественные тексты – надо только прилепить к ним «твит-контент», то есть краткое содержание.

3. Блогеры милы публике тем, что вступают с ней в дискуссию. Ну, теперь это делают и профи – те, кто хочет остаться в профессии» [5].

Добавим к вышесказанному следующее.

Во-первых, блогеры и социальные сети существовали даже в те времена, которые ученые относят к прото- или пражурналистике¹. Во-вторых, не стоит путать любительство и профессионализм. Любитель зависит только от своего настроения: захочу – напишу, не захочу – не напишу, а уж проверять факт на достоверность – увольте: слухи порождаем, слухами питаемся... Профессионализм же подразумевает ответственность, и прежде всего – перед аудиторией. Девиз профессионала: «Качественная информация – в срок!». Подлинный профессионал следует миссии журналистики как духовно-практической и социально ответственной деятельности.

Тот журналист профессионал, который:

разделяет факт и комментарий;

осторожно пользуется версиями (особенно если это касается острых конфликтных ситуаций);

понимает, что такое «этичность позиции», «толерантность» и «сбалансированность точки зрения».

Тот журналист профессионал, который:

¹На Руси их называли каликами перехожими, за границей – странниками, которые со временем становились профессиональными нувеллистами (кстати, в толковом словаре В. Даля «калика» определяется как «странствующий, нищенствующий богатырь» – видимо, и тогда, чтобы отстаивать слово правды, требовалась силушка великая...).

использует достаточное количество конкретных, а не анонимных источников;

проявляет осмотрительность, но не в ущерб оперативности; правдив и способен признавать ошибки, если таковые, увы, были им допущены.

Сегодня все чаще слышишь от работодателей: готовьте универсальных журналистов. Что означает: владение компьютерными и информационными технологиями; мобильность, оперативность, активность; способность адаптироваться к языку электронных СМИ; способность выполнять разные роли и разные виды работ одновременно и для различных форм СМИ; умение работать в команде и мн. др. Молодежь охотно на это откликается, но, к сожалению, на фоне коммерциализации и монополизации СМИ у нее формируется не только самостоятельность, но и такие черты, как коммерциализация сознания; продажность (умение угодить заказчику, писать рекламные материалы); безответственность и стремление к славе любой ценой. Сегодня не только стрингеры, но и штатные сотрудники изданий, претендующих на звание качественных, порой сознательно выступают за холодный расчет, за которым – цинизм, полное безразличие и равнодушие к героям, к ситуации, забота лишь об эффективности подачи материала. Для таких журналистов люди – лишь «объект изучения»; их кредо – «заказ необходимо выполнить во что бы то ни стало».

Выдающийся кинодокументалист Герц Франк в свое время сказал: «...главное в этическом кодексе документалиста: не использовать камеру во вред человеку, не оскорблять его достоинство. И еще нельзя подсматривать – надо смотреть. Смотреть и видеть! Глазами и сердцем» [6]. Лучше не скажешь.

Так что же ждет периодическую печать и журналистику как профессию?

Думается, газеты и журналы останутся, но значительно уменьшатся их тиражи, распространяться они будут либо бесплатно, либо по достаточно высокой цене среди узких сегментов аудитории (корпоративные, специализированные и др. СМИ).

Сохранится, хотя и видоизменится, профессия журналиста. Но лишь при условии, что общество будет способствовать, а государство – создавать условия для ее развития. В демократическом обществе всегда востребована качественная – авторская – журналистика², отделяющая себя от видов деятельности, также связанных с массовой коммуникацией, но выполняющих иные задачи, например, в сфере политической или коммерческой пропаганды и рекламы.

Сами издатели, редакторы и журналисты должны искать пути развития бумажных СМИ. Так, главный редактор Даниил Трабун и генеральный директор журнала «Афиша» Наталья Галкина считают, что для этого вполне реально «перепридумать» функции печатных СМИ [7]. Д. Трабун говорит: «„Афиша“, как и до перезапуска, остается журналом, который охотится за культурными трендами. Кроме того, это журнал-книжка. Только мы идею развили. Получилось очень тактильное издание, его хочется трогать. Мы используем несколько видов бумаги. Наша задача – охватить журналом весь офлайн. Это и события, приуроченные к выходу номера и связанные непосредственно со статьями внутри, и наклейки, которые можно приклеить на свой ноутбук, и видеоролики, являющиеся продолжением текста внутри. На протяжении месяца в Facebook будут появляться видео, продолжающие темы номера». Н. Галкина добавляет: «Мы делаем так, чтобы бумага была связана со всеми нашими продуктами. В интернете ты постоянно помнишь о журнале, читая журнал – вспоминаешь, что есть сайты “Афиши”».

И еще одна важная мысль главного редактора: «Миссия журналиста всегда остается одинаковой. Журналистика – социальный институт, помогающий держать баланс в обществе. Из-за определенных событий ей приписывают другие функции, в том числе обслуживания власти. Статья становится пропагандой, когда в сюжете у автора не случается просветления. Когда оказывается, что место рецензии занял анонс, а даже большое

²См.: «Основным уделом журналистов станет авторская журналистика, построенная на оригинальных взглядах и подходе автора, близкая к художественной литературе или кино». – Лукша П. Указ. соч. [4].

новостное агентство не потрудились для острой новости собрать три источника с разными мнениями по вопросу. Почему-то мы часто забываем, что журналистика – это рассказывание историй, где случаются драматические моменты понимания и озарения, что и является выходом за рамки своего коридора, своего туннеля».

Думается, те, кто приветствует скорейший закат печатной эры, не просчитывают последствий этого управляемого процесса. Приведем мнение профессора, доктора психологических наук, старшего научного сотрудника отдела организации научно-исследовательской работы ФГБУ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России» Рады Грановской: «Дети, выросшие в эпоху высоких технологий, по-другому смотрят на мир. Их восприятие — не последовательное и не текстовое. Они видят картинку в целом и воспринимают информацию по принципу клипа. Для современной молодежи свойственно клиповое мышление. <...> Но, конечно, сохраняется определенное количество детей с последовательным типом мышления, которым нужен монотонный и последовательный объем информации, чтобы прийти к какому-то заключению. <...> Происходит снижение квалификации. Люди с клиповым мышлением не могут проводить глубокий логический анализ и не могут решать достаточно сложные задачи. <...> Те, кто пошел по линии клипового мышления, элитой уже никогда не станут. Идет расслоение общества, очень глубокое. Так что те, кто позволяет своим детям часами сидеть за компьютером, готовят для них не самое лучшее будущее» [8].

Литература

1. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики/Е.П. Прохоров. – М., 2011.
2. Бальзак О. Монография о парижской прессе/Отрывок из «Естественной истории двуруких общественных»). – <http://aafokin.narod.ru/Balzak.pdf> (дата обращения 27.10.15).
3. Браславец Л. «Гражданская журналистика» и типичные роли пользователей социальных сетей / Л. Браславец // Релга. Ру, 01.09.10. –

- <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2714&level1=main&level2=articles> (дата обращения 27.10.15).
4. Лукша П. Атлас новых профессий/ П. Лукша П., К. Лукша, Д. Песков, Д. Коричин. – <http://www.asi.ru/upload/iblock/d69/Atlas.pdf> (дата обращения 27.10.15).
5. Романова О. Кризис журналистики/ О. Романова // Смена, июнь 2011. – <http://smena-online.ru/stories/krizis-zhurnalistiki> (дата обращения 27.10.15).
6. Вечер памяти Герца Франка. – <http://prodocumentary.org/event/1179.html>(дата обращения 27.10.15).
7. Поворазнюк С. «Функции печатных изданий нужно перепридумывать». Руководство «Афиши» – о перезапуске журнала. – <http://www.planetasm.ru/blogi/comments/38296.html> (дата обращения 27.10.15)/
8. Хрулева Т. Рада Грановская: Люди с клиповым мышлением элитой не станут. – <http://econet.ru/articles/67553-rada-granovskaya-lyudi-s-klipovym-myshleniem-elitoy-ne-stanut> (дата обращения 27.10.15).

Динамический подход к анализу явлений в журналистском тексте

Реализация миссии журналистики и раскрытие ее природного потенциала возможны лишь в том случае, когда соблюдаются онтологически обусловленные принципы профессии и используются методы работы, на них основанные. Журналист в своих произведениях отражает мир как объективно существующее единство материальных систем. И это требует от него системного подхода к анализу явлений. Все системы находятся в постоянном развитии, а значит, необходимо отражать их жизнь с учетом динамических процессов. Задачей данной статьи является раскрытие сущности динамического подхода к анализу явлений и способов его практической реализации в журналистском тексте.

Именно динамический подход позволяет глубоко раскрыть сущность описываемых явлений, поскольку она проявляется лишь в процессах взаимодействия. Изучению динамических аспектов феноменов культуры через описание социальных флуктуаций и тех принципов, которые необходимы для их изучения, посвящена фундаментальная работа П. Сорокина «Социальная и культурная динамика» [1]. В ней дается алгоритм анализа социальных процессов, позволяющий проследить изменения объекта анализа во времени и пространстве, количестве и качестве. На труды П. Сорокина опираются современные исследователи социальной динамики Ю.В. Попков и В.Г. Костюк [2].

Осмыслением сущности взаимосвязей современного общества и созданием концепции их осмысления занимался один из наиболее читаемых и цитируемых социальных теоретиков современности Энтони Гидденс. Для характеристики изменений он предлагал определять источник происхождения изменений, движущую силу, траекторию и тип [3; 341].

Можно назвать и еще множество имен исследователей динамики общественных процессов, но все они так или иначе в своих рассуждениях опираются на основы диалектики как науки о развитии.

Журналист воссоздает динамическую картину жизни. «Чтобы адекватно понять и достаточно компетентно оценить действительность, журналисту требуется понимание общих законов развития общества. Фундаментальные знания – это не просто основа эрудиции исследователя, это база, без которой невозможен анализ социальной практики», – пишут авторы специальной работы «Методы журналистики» Г. С. Мельник и М. Н. Ким [4; 10]. Об использовании научных методов исследования в работе журналиста пишет В. М. Березин в работе «Новое время – новые методы (новое общество и его отражение в журналистике)» [5].

И, конечно, в первую очередь профессионалу пера нужно четко понимать, что вообще принято понимать под развитием как таковым.

Прежде чем дать определение интересующему нас понятию «развитие», рассмотрим его характерные признаки. Одна из особенностей этого понятия заключается в том, что развитие не есть развитие всего, вообще, в целом. Сказать, что мир развивается, – это не сказать ничего, потому что изменения могут происходить не в общем и целом, а только в конкретных системах. Вне систем нет развития. Причем о развитии системы нельзя говорить иначе, чем характеризуя её внутренние изменения. Уже эта особенность понятия диктует свои правила для журналиста-аналитика.

Для примера рассмотрим нередко встречающееся в журналистских произведениях утверждение: «Общество развивается». Если речь идет об обществе как одной из систем мироздания и его взаимодействии с окружающим миром, то такой вывод можно считать правильным при условии, конечно, что он будет подтвержден примерами происходящих изменений. Но в социальном плане эта фраза звучит как полная бессмыслица. Общество в социальном плане – это и есть всё, есть целое. И говорить о его развитии можно, только демонстрируя

изменения в каких-то конкретных его подсистемах, например, в сфере производственной деятельности. Также нельзя сказать «производство развивается», если речь идет о производстве в целом. Следует говорить об изменениях в каких-то конкретных его структурах или процессах.

Другая особенность понятия «развитие» заключается в том, что из него принято исключать момент возникновения и исчезновения системы, то есть периоды формирования и разрушения её сущностного качества. Развитие – это то, что происходит между рождением и смертью системы, это внутренние изменения в рамках одной и той же качественной сути. Например, в обществе как системе зародился класс предпринимателей. Появление чего-то нового в общественной системе можно рассматривать как развитие данной системы (общества). При этом очевидно, что с появлением предпринимателей общественная система меняется, обретая новые свойства, но основная качественная суть системы остается прежней, то есть она была и остается обществом. Но вот этот же процесс формирования класса предпринимателей нельзя считать развитием этого класса, потому что класса, как определенной качественной сущности, еще нет, а значит, не может быть и его изменений. Развитие класса предпринимателей начинается с момента появления этого класса как такового.

В понятие «развития» не входит и момент разрушения системы. Развитие есть такое изменение состояний, которое происходит при условии сохранения основы, то есть некоего исходного качественного состояния. А если исходное состояние изменилось основательно, кардинально, полностью, то уже нельзя будет вести речь о развитии этого качественного состояния, потому что его, по сути дела, нет. Вместо него появилось какое-то другое явление с другой качественной сущностью. Важно не пропустить момент коренного изменения качественного состояния. Типичная ошибка журналистов-аналитиков состоит в том, что они не всегда отличают новые явления от старых и качественно новые выдают за видоизменения старых, то есть за развитие того, чего уже нет. Например, в Советском

Союзе происходящие политические процессы изображались как постоянное развитие демократии, в то время как ее немногочисленные признаки давно были уничтожены и в стране фактически функционировал тоталитарный режим.

Аналогичная тенденция вырождения демократии в России была отмечена еще в 2001 году сотрудниками информационно-аналитического центра Фонда РОПЦ «Полития», работавшего в Высшей школе экономики под руководством С. И. Каспэ и Д. С. Шмерлинга. Экспертная оценка в их исследовательском проекте «Российское общество между демократией и авторитаризмом» [6; 179-180] зафиксировала снижение индекса развития демократии, исчисляемого по 20 критериям, с 3,95 при Ельцине до 3,30 при Путине. И это при том, что максимально демократичное общество оценивалось индексом в 7 единиц. Таким образом, уже первое правление Путина изменило начавшееся при Ельцине движение страны в сторону демократических идеалов на противоположное. Основные потери индекса демократического развития произошли фактически по самым основным критериям: «свобода и плюрализм СМИ» (снижение индекса демократии составило 2,04), «политические партии» (снижение – 1,56), «свободные выборы» (снижение – 1,12).

Через 12 лет научный руководитель того же Национально-го исследовательского университета «Высшая школа экономики», президент фонда «Либеральная миссия» Е. Г. Ясин в рамках занятий семинара «Школа гражданских лидеров» охарактеризовал современный режим правления в России как дефектную демократию на базе авторитаризма, указывая на теперь уже просто тотальную фальсификацию выборов. Широко известно, что волна гражданских протестов прокатилась по всей стране именно по этому поводу. Однако современные российские СМИ за редким исключением пишут о неуклонном развитии демократии в нашей стране и росте рейтинга ее бессменного президента. Видимо, под демократией они понимают нечто иное, не содержащее таких традиционных критериев, как свободные выборы и свобода СМИ. Произошла подмена качественной сути понятий. И речь фактически идет о развитии нового качества отнюдь не демократического толка. Упо-

требление же при этом старой терминологии вводит аудиторию СМИ в заблуждение. Конечно, подобные действия могут осуществляться не только по причине журналистской профессиональной безграмотности, а еще и вполне осознанно, но тогда следует говорить о манипуляции.

Итак, возвращаясь к теории вопроса, внутренние качественные изменения системы, происходящие в рамках одной и той же ее сущностной основы, мы будем называть развитием.

Наличие качественных изменений и есть первый признак понятия «развитие». Второй признак, характеризующий развитие, – это необратимость качественных изменений. Необратимость – понятие, противоположное понятию «обратимость», которое связано с круговоротами, когда система совершает движения, но всякий раз при этом возвращается к своему исходному состоянию. Развитие, в отличие от круговорота, предполагает необратимость как невозвращение к начальному состоянию, то есть появление у системы новых свойств, а значит, и новых возможностей. Развитие есть не простая смена одних и тех же состояний, а некое самораскрытие объекта, проявление его потенциальных возможностей. В этом процессе всегда скрыта невозможность сохранять свое прежнее состояние, и в этом смысле происходящие изменения тоже можно назвать необратимыми. Например, человек занимал какое-то рабочее место. Требования к его работе выросли, и знаний стало не хватать. Он пошел учиться. Получив дополнительное образование, остался работать на прежнем месте, но при этом всё же приобрел новые способности.

Третий признак развития – это неперемнная направленность изменений. Если изменения происходят хаотично, случайно, не осуществляется преемственная связь между ними, не определяются какие-либо тенденции, направления преобразований, то такие изменения еще нельзя назвать развитием. Развитие может иметь разные направления, но каждый конкретный процесс непременно имеет одно определенное направление.

Продолжим приведённый выше пример. Человек получил новые знания и способности, но потом его предприятие закрылось, и он потерял работу. Со временем бывший специалист за-

был всё, что знал, и утратил способности. Тем не менее, нельзя сказать, что их у него никогда не было, то есть не было развития. Напротив, было даже два противоположных по направлению процесса развития, двойное изменение качества: неквалифицированный – квалифицированный (прогрессивное направление развития) и, наоборот, квалифицированный – неквалифицированный (регрессивное направление развития). Как видим, произошедшие изменения качества не могут считаться не бывшими, даже если одно направление развития уничтожило результаты другого. И в этом смысле можно также считать процесс развития и необратимым, и направленным. Продолжая аналогию с историческим развитием России, можно сказать, что она как была тоталитарной, так и осталась. Но это не значит, что развития не было. Было два противоположных вектора развития: к демократии (в 90-е годы) и обратно к авторитаризму. И те, кто пишет сегодня, что в России никогда никакой демократии не было, а значит, и быть не может, просто не учитывают объективных закономерностей процессов развития.

Таким образом, резюмируя вышесказанное о признаках, можно утверждать, что развитие – это направленные, необратимые качественные изменения системы. Базируясь на этом положении, можно описать любые развивающиеся системы. Однако к сказанному исследователи законов диалектики считают необходимым добавить то, что специфика развития может быть обозначена еще и через указание на внутренний механизм развития, которым являются противоречия системы. Отсюда предлагается следующее определение понятия: «Развитие – это направленные, необратимые, качественные изменения системы, обусловленные ее противоречиями» [7; 434].

Теперь, когда определена сущность понятия, становится ясно, чего следует ждать от журналиста, который описывает какое-либо явление в развитии. Ему необходимо показать, какие качественные изменения реально произошли в описываемой системе и какими внутренними или внешними противоречиями они обусловлены. А также описать новые свойства, которые появились в результате произошедших перемен и к

чему они способны привести. Причем важно указать, будет ли новое направление развития прогрессивным. Этот казался бы простой и очевидный алгоритм действия журналиста, как мы убедились, имеет под собой глубокое фундаментальное диалектическое обоснование. Именно поэтому его нельзя произвольно редуцировать без ущерба глубине анализа. Более того, его следует дополнить, опираясь на всеобщие объективные законы развития. Их знание позволяет разглядеть в описываемых событиях определенные закономерности даже на той стадии, когда еще нет их очевидных признаков. А прогностические способности публицистики весьма ценны для ее аудитории. Рассмотрим возможности привлечения основных положений законов развития в социальной практике и в том числе в журналистских расследованиях.

Согласно Закону диалектического синтеза, явление вначале развивается в определенном направлении до тех пор, пока не исчерпает всех возможностей данного направления. Затем развитие меняет свой вектор на противоположный, как бы отрицая предыдущий опыт, который исчерпал себя. Но когда и противоположное направление развития заходит в тупик и отрицается, то становится очевидным, что дальше двигаться некуда. И тогда происходит синтез двух исчерпавших себя противоположных направлений. Прогрессивная линия развития обеспечивается частичным отрицанием или так называемым отрицанием-снятием, при котором все ценное из предыдущей стадии развития сохраняется. Вот и осуществляется синтез положительного опыта из двух противоположных направлений развития. Синтез в данном случае – это объединение тезиса и антитезиса, именно так происходит преодоление их противоречий.

Например, в советское время в нашей стране были полностью отменены частная собственность и рынок. Когда такое функционирование экономики привело к разрушению хозяйства, была разрешена частная собственность и объявлена полная свобода рыночных отношений, что привело к так называемому «дикому капитализму» без границ. Но вскоре стало очевидно, что полная свобода, так же как и полное плановое

регулирование, приводит к краху. И тогда начались процессы синтеза двух форм собственности и форм регулирования экономических процессов. Частная и государственная собственность перестали отрицать друг друга и стали находить для себя приемлемые ниши существования, в которых они функционируют наиболее эффективно.

Таким образом, можно сказать, что закон диалектического синтеза прописывает алгоритм действий для журналиста, создающего социально значимую информацию на фоне важнейших процессов развития общества. Если мы пишем о каком-то явлении в развитии, надо попытаться описать две противоположные стадии его развития, определить, что конкретно на каждой стадии было признано ценным и сохранено для дальнейшего существования, а что отвергнуто и как произошел синтез ранее противоречивых направлений.

В работе журналиста-аналитика оказываются важны и основные постулаты Закона перехода количества в качество. Согласно им, количественные изменения на определенном этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности и определяет необходимые интервалы количественных изменений, после накопления которых опять происходит образование нового качества. Таким образом, количество обуславливает качество, которое затем определяет новое количество. Если под качеством понимать систему главных характеристик, свойств предмета, то количество есть степень развития данного качества. Когда количество накапливается в необходимой для изменений мере, происходит скачок, то есть переход к другому качеству.

В связи с этим от журналиста требуется при описании процесса развития обратить внимание на постепенное накопление каких-то свойств, зафиксировать состояние, когда мера накопления этих свойств достигает такого уровня, при котором старое качество уже не может сохраниться, выделить момент (скачок) происходящих изменений, показать новое, народившееся качество.

Наконец, в аналитической журналистике важно раскрыть действие Закона диалектической противоречивости, или, как его часто называют – Закон единства и борьбы противоположностей. Надо иметь в виду, что не всякие противоположности, находящиеся во взаимодействии, противоречат друг другу. Противоположности различны, но не отрицают друг друга. Вполне устойчивое явление все же не лишено способности к изменениям, а происходящие изменения не обязательно расшатывают его устойчивость. Противоречат только те противоположности, которые полностью отрицают друг друга. Например, жизнь и смерть, то есть если человек хоть сколько-то жив, то он еще не умер; и, наоборот, если уже умер, то нисколько не жив. Одновременно этих двух состояний быть не может. Но именно противоречия являются причиной развития, его источником. И это легко объяснить: если всё хорошо, гармонично, то зачем что-то менять, но в тоже время без изменений нет развития. А вот когда становится настолько плохо, что дальнейшая жизнь не представляется возможной, начинаются изменения.

В развитии противоречий выделяют три стадии: гармонию, дисгармонию и конфликт.

Гармоничными будут такие отношения сторон, при которых обнаружится единство целей и установок, то есть совпадет направление вектора развития. Здесь никаких противоречий нет. Дисгармония – это неполное совпадение целей и установок, векторы развития расходятся в своих направлениях, и уже появляются разногласия. Конфликт – это полная противоположность целей и установок, а значит, и вектора развития. Ситуация, при которой дальнейшее развитие существующей системы становится невозможным.

Для того чтобы стать источником развития, противоречия должны разрешаться. Развитие есть там, где есть противоречия и их разрешение. Существуют три способа разрешения противоречий:

- 1) выработка новых взаимоприемлемых для конфликтующих сторон целей и направлений развития, предполагающих

непрерывно более высокий уровень развития и разнообразные формы взаимодействия;

2) переход противоположностей на сторону одной из них в результате убеждения или принуждения либо вообще уничтожение одной из противоположностей;

3) гибель обеих противоположностей.

Журналисту важно отличать противоположные тенденции, не борющиеся между собой, не вытесняющие друг друга, от столкновений, уничтожающих друг друга. Важно увидеть в недрах борьбы противоречий зарождающиеся элементы нового качества, новых взаимоприемлемых общих целей, которые и обусловят в конце концов разрешение противоречий наилучшим для данного случая образом.

А наилучшим разрешением противоречий признается такое обретение новых целей, которое обеспечивает прогрессивное направление развития для всех участников взаимодействия. Вот только важно понять, является ли избранное направление развития действительно прогрессивным. Для этого недостаточно конкретно-исторических мерок прогресса, как правило, идеологизированных. Например, социализм в СССР считался более прогрессивным строем общественной жизни, чем капитализм. А в современной России оценки поменялись на противоположные.

Нужны объективные характеристики феномена прогрессивного развития. Исследователями этой проблемы П.В. Алексеевым и А.В. Паниным выделяются свои критерии прогрессивного развития для каждой системы – для неорганической природы, органического мира и социальной реальности [7; 485–490].

Прогресс можно определить как развитие системы от низшего к высшему. Критерием прогресса для неорганической системы является степень усложнения структуры системы, вместе с которой увеличиваются и возможности ее взаимодействия с другими системами.

Прогресс применительно к живой природе определяется как такое повышение степени системной организации объек-

та, которое позволяет новой системе выполнять функции, недоступные старой. Регресс же – это понижение уровня системной организации, утрата способности выполнять те или иные функции. Это наиболее общее определение. Можно подробнее расписать, что именно следует анализировать из жизни биологической системы, чтобы сказать, насколько увеличилась ее функциональность:

- степень самостоятельности биоорганизма и его взаимосвязи со средой;

- увеличение конкурентоспособности;

- степень эффективности и работоспособности;

- степень надежности;

- увеличение запаса информации.

В отношении общества также применяются комплексные, гуманитарные критерии развития. Социальное развитие идет в конечном итоге в направлении гармонизации интересов общества и индивида. Прогрессивным общественное развитие можно назвать при определенных условиях, называемых критериями прогрессивного развития:

- если темпы роста производства и производительности труда ведут к увеличению свободы человека по отношению к природе;

- если увеличивается степень свободы работников производства от эксплуатации;

- если повышается уровень демократизации общественной жизни;

- если увеличиваются реальные возможности для всестороннего развития индивида;

- если наблюдается увеличение человеческого счастья и добра.

Но можно ли говорить о прогрессе целостной системы мироздания, включающей все структурные уровни жизни – неорганическую, живую природу и человеческое общество? Именно так и осмысливает проблему прогрессивного развития В. Н. Сагатовский [8; 231]. Он рассматривает прогресс как развивающуюся гармонию бытия, которая реализуется через единство в многообразии. Гармония предполагает самодостаточность в пределах меры, уравновешенность, порядок. А развитие – недостаточ-

ность, проблематичность, выход за пределы меры. Понятно, что объединить столь противоположные тенденции – великое искусство. «Самый главный человеческий талант, – пишет В. Н. Сагатовский, – пройти по лезвию бритвы, каждый раз почувствовать святость того основания индивидуальности, которое не разрушает, но укрепляет ее соборную связь с целым» [2; 233].

Ориентирами на этом пути автор называет критерии прогресса, которые позволяют ощутить это единство в многообразии:

- стремление к взаимопониманию, самореализация при участии другого;
- развитие качеств, которые способствуют реализации такого сотрудничества;
- развитие отношений, при которых целостность способствует свободе формирования и проявления свойств индивидов, в свою очередь обеспечивающих совершенствование целого;
- устранение барьеров на пути реализации этих критериев.

Полагаем, что перечисленные признаки развития и критерии прогрессивного развития – это та теоретическая база, на основе которой журналисты сумеют проводить более полный и глубокий анализ динамики развития различных общественных явлений, используя при этом метод динамического подхода к анализу явлений.

Журналисту, реализующему этот метод, необходимо при анализе явлений ответить на следующий ряд последовательно поставленных вопросов.

Почему прежнее функционирование перестало устраивать? (Дать характеристику новых потребностей, внутренних противоречий или внешних требований, которые заставили что-то менять.)

Какие именно действия производились для изменения старого качества? (Описать процесс преобразований.)

К каким качественным изменениям это, в конце концов, привело? (Описать, как постепенно обретались новые свойства.)

Какие новые возможности возникли благодаря новым качествам? (Описать возможные перспективы использования новых качеств.)

Какое конкретное направление дальнейшего развития избрано? Из каких предыдущих опытов оно синтезировано?

Является ли оно прогрессивным? По каким признакам это можно определить?

Фактически предложенный перечень вопросов может стать планом действия для журналиста-аналитика, применимым к любому объекту его изучения, поскольку, как мы уже говорили, все в мире развивается и при этом подчиняется объективным законам развития, суть которых учтена в предложенном плане анализа.

Литература

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М. : Астрель, 206. – 1176 с.
2. Костюк В.Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы / В.Г. Костюк, Ю.В. Попков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – Новосибирск, Изд-во Новосибирского государственного университета, 2013. – Т.11, № 2. – С. 68-74.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2005. – 528 с. – С. 341.
4. Мельник Г.С. Методы журналистики: Учебное пособие для студентов факультетов журналистики / Г.С. Мельник, М.Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2008. – 272 с. – С. 10.
5. Березин В.М. Новое время – новые методы (новое общество и его отражение в журналистике) / В.М. Березин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, Журналистика. – М. : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2012. – № 3. – С. 49-55.
6. Труды семинара «Полития». Общество и его власть: дефекты взаимодействия / подг. Информационно-аналитическим центром Фонда РОПЦ «Полития». – М. : Фонд Российский общественно-политический центр, 2001. – 201 с.
7. Алексеев П.В. Философия : учебник для вузов / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М. : ТЕИС, 1996. – 504 с.
8. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) : в 3-х ч. Часть 3 / В.Н. Сагатовский. – СПб. : Петрополис, 1999. – Ч. 3.

Оглавление

Сергей Козлов Тематическое своеобразие «Новгородских губернских ведомостей» XIX-XX вв.....	3
Владимир Колобов Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир».....	43
Владимир Колобов Они начинали в «Новом мире».....	65
Елена Первалова Популяризация естественнонаучных знаний в изданиях М.Н. Каткова: газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник».....	92
Елена Сарафанова «Паноптикум» Е. Замятина как воплощение «живой публицистики» 1920-х годов.....	112
Василий Тулунов Спортивная публицистика Алексея Поликовского.....	119
Владимир Тулунов Профессия журналиста: возможности и риски.....	128
Галина Чевозерова Динамический подход к анализу явлений в журналистском тексте.....	140

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ НАУКИ
под ред. проф. В. В. Тулупова

Корректоры: Т. П. Коновалова, А. М. Князева
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.10.15. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 4,4 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета
журналистики ВГУ